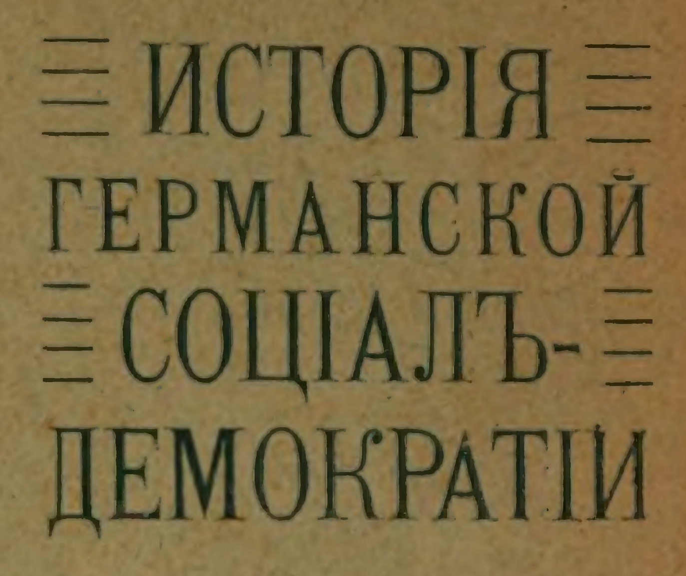
47

БИБЛІОТЕКА „ПРОСВѢЩЕНІЯ"



ИСТОРІЯ ГЕРМАНСКОЙ СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТІИ

СОЧИНЕНІЕ ФР. МЕРИНГА

ПОЛНЫЙ ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОСЛѢДН. НѢМЕЦКАГО ИЗДАНІЯ

ВЫПУСКЪ ТРЕТІЙ

Цѣна 50 коп.

Книгоиздательское Т-во „Просвѣщеніе"
С.-Петербургъ, 7-ая рота, собств. домъ, № 20

Библіотека „Просвѣщенія“.

Исторія германской соціалъ-демократіи.

Соч. Фр. Меринга.

Выпускъ третій.

Мартовская революція и ея послѣдствія.

Переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія

И. Л. Давидсона.



С.-Петербургъ.
Книгоиздательское Т-во „Просвѣщеніе“,
7 рота, собствен. д. 20.




Типографія Товарищества „Просвѣщніе".
С.-Петербургъ, 7 рота, с. д. № 20.


Оглавленіе.

Мартовская революція и ея послѣдствія.

Книга вторая.

Мартовская революція и ея послѣдствія.

Глава первая.

Классовая борьба въ германской революціи.

---

1. 18-ое марта.

Нѣмецкій романтизмъ совершенно изжилъ себя въ продолженіе сороковыхъ годовъ. Онъ оказался неспособнымъ къ какой-либо творческой работѣ, и все его безсиліе особенно рельефно выступало предъ лицомъ новыхъ факторовъ, нарождавшихся въ промышленности и торговлѣ. Длинная тронная рѣчь, которой прусскій король въ 1847 году привѣтствовалъ соединенный ландтагъ, была послѣднимъ торжественнымъ актомъ романтизма. Растущее недовольство образованныхъ и промышленныхъ классовъ и въ гораздо большей мѣрѣ неумолимая финансовая нужда заставили короля объединить ландтаги восьми провинцій въ одну корпорацію. Этимъ онъ думалъ выполнить давнее обѣщаніе своего отца о дарованіи конституціи.

Не современный парламентъ долженъ былъ представить собою соединенный ландтагъ по задуманному плану, а феодально-сословное собраніе, каковымъ онъ и былъ въ дѣйствительности. Члены восьми провинціальныхъ ландтаговъ были раздѣлены на двѣ куріи: на курію господъ, состоявшую изъ 72 представителей дворянства, и на курію трехъ сословій, въ которой рыцарство имѣло 231, города 182 и крестьяне 120 представителей. Прерогативы ландтага ограничивались

разрѣшеніемъ займовъ въ мирное время и одобреніемъ новыхъ налоговъ или повышенія старыхъ, равно какъ обсужденіемъ новыхъ законопроектовъ, когда королю угодно предложить ихъ ландтагу. Въ своей тронной рѣчи король клялся, что никакой силѣ на землѣ никогда не удастся сдѣлать его конституціоннымъ королемъ, что онъ никогда не допуститъ, чтобы между Господомъ Богомъ на небѣ и этой страной вторгся клочекъ бумаги, который бы, какъ второе провидѣніе, правилъ параграфами и замѣнялъ собою старинныя вѣрноподданническія чувства. Далеко не такъ романтично, но зато гораздо яснѣе и короче объяснилъ онъ смыслъ этой предлинной рѣчи въ конфиденціальномъ письмѣ къ своему другу Бунзену: надо быть осломъ, чтобы требовать конституцію, но еще большимъ осломъ надо быть, чтобы давать конституцію. Эту интересную точку зрѣнія еще послѣдовательнѣе отстаивалъ принцъ прусскій въ качествѣ наслѣдника престола. Онъ уже и въ соединенномъ ландтагѣ видѣлъ гибель старой Пруссіи.

Несмотря на свою реакціонную ограниченность, принцъ прусскій, несомнѣнно, имѣлъ болѣе вѣрный инстинктъ, чѣмъ его остроумный братъ; онъ, пожалуй, въ этомъ отношеніи превосходилъ также идеологовъ буржуазіи, которые лишь презрительно пожимали плечами и совѣтовали совсѣмъ не считаться съ такого рода конституціей. Эти совѣты не нашли никакого сочувствія въ буржуазіи, которая тоже имѣла недурной инстинктъ. Для такого ограниченнаго и дряблаго класса, какимъ была нѣмецкая буржуазія, къ тому еще испуганная первыми не совсѣмъ ясными звуками жизни пролетаріата, самымъ подходящимъ было, именно, то, что ей предлагалъ король, равно какъ и та форма, въ которой онъ предлагалъ. Въ союзѣ съ тѣми элементами дворянства, которые, благодаря своему аграрно-промышленному производству товаровъ, были вовлечены въ сферу интересовъ крупной про-

мышленности, и имѣя за собой многихъ крупныхъ и среднихъ крестьянъ, которые въ этой сословной корпораціи представляли крестьянство, буржуазія образовала въ соединенномъ ландтагѣ либеральную оппозицію, и вся задушевная романтическая игра тронной рѣчи была уничтожена крылатымъ словомъ Ганземанна: гдѣ до кошелька коснется, тамъ всякая задушевность неумѣстна. Ландтагъ крѣпко держалъ кошелекъ. Онъ не хотѣлъ, какъ тогда выражались, быть посреднической ссудной конторой для обанкротившагося абсолютизма и отказалъ въ своемъ согласіи на заемъ въ 20 милл. талеровъ для проведенія восточной желѣзной дороги, пока ему не будетъ гарантированъ его періодическій созывъ и не будутъ расширены его права. Изъ-за этого вопроса онъ разошелся съ короной, что, однако, его нисколько не безпокоило. Онъ прекрасно зналъ, что корона снова обратится къ нему.

Но по этой прусской идилліи вдругъ пронеслась буря всемірной исторіи. Цѣлый рядъ неурожаевъ и страшный торговый кризисъ 1847 года сильно потрясли европейскую почву. Все гнилое падало. Парижскіе рабочіе разбили тронъ Луи Филиппа, и на метрополіи міроваго рынка поднялъ свою голову чартизмъ. Впервые современный рабочій классъ выступилъ въ буржуазной революціи съ самостоятельными требованіями. Во временномъ правительствѣ французской республики сидѣлъ настоящій пролетарій. Этотъ годъ не былъ такимъ ракетообразнымъ, какъ тридцатый, это была гроза, — такъ отмѣтилъ Фрейлигратъ превосходство февральской революціи надъ іюльской. Эта гроза пронеслась по всей Европѣ, вплоть до русской границы. Движенію западно-европейскаго пролетаріата вторила героическая борьба угнетенныхъ націй за свою независимость: въ Ирландіи и въ Польшѣ, въ Италіи и въ Венгріи.

Въ Германіи революціонный вѣтеръ съ запада

смелъ сразу массу стараго хламу. Во всѣхъ мелкихъ и среднихъ государствахъ Германіи начали колебаться троны, и возсѣдавшіе на нихъ спѣшили подыскивать для себя опоры въ либеральныхъ мартовскихъ министрахъ. И весьма пріятнымъ сюрпризомъ было для нихъ, когда они при этомъ убѣдились, что съ этими либеральными министрами можно еще лучше ужиться, чѣмъ съ неповоротливыми бюрократами и упрямыми юнкерами. Ихъ общій прислужникъ, бундестагъ, капитулировалъ уже въ первые мартовскіе дни и развернулъ, какъ оффиціальное знамя Германіи, трехцвѣтный флагъ, то самое черно-красно-золотистое знамя, которое онъ такъ часто поносилъ и забрасывалъ грязью, и изъ-за котораго онъ погубилъ сотни и тысячи молодыхъ жизней. Но этотъ подвигъ не спасъ его отъ паденія подъ напоромъ всеобщаго презрѣнія. 5-го марта 51 либералъ въ Гейдельбергѣ, преимущественно южногерманцы — только четверо изъ Рейнской провинціи и одинъ австріецъ были между ними — рѣшили созвать во Франкфуртѣ на Майнѣ людей, пользующихся общественнымъ довѣріемъ, изъ всѣхъ частей Германіи, „которые бы предложили свои услуги отечеству и правительствамъ“ въ цѣляхъ возможно скораго созыва германскаго парламента.

Все это, однако, имѣло политическую цѣнность лишь въ области фантазіи. Въ дѣйствительности все зависѣло отъ рѣшенія Вѣны и, не въ меньшей мѣрѣ, Берлина. Пока австрійская монархія была парализована національными революціями и взаимной враждой входящихъ въ ея составъ народностей, Пруссія со своими учрежденіями и традиціями, со своимъ абсолютизмомъ и феодализмомъ, со своей арміей и бюрократіей, была единственнымъ серьезнымъ врагомъ нѣмецкой революціи. Пруссія была руководящимъ государствомъ въ германскомъ таможенномъ союзѣ; и, несмотря на всю ненависть, которую питали въ Германіи къ прусскому гнету, нѣмецкая буржуазія, съ

тѣхъ поръ какъ начались неспокойныя движенія пролетаріата, пріучилась видѣть въ прусской палкѣ средство для германскаго объединенія, въ которомъ она, чѣмъ дольше, тѣмъ больше нуждалась. Послѣ того, какъ французскіе рабочіе очистили Францію отъ буржуазной монархіи, въ Германіи стали тяготиться медленнымъ, хотя и надежнымъ образомъ дѣйствія соединеннаго ландтага. Съ другой стороны, побѣдоносная революція въ Пруссіи представлялась болѣе скорымъ выходомъ, но такая революція могла при извѣстныхъ обстоятельствахъ однимъ ударомъ смести все либеральное мартовское великолѣпіе мелкихъ и среднихъ государствъ.

Пока что домартовская Пруссія даже не думала сойти со сцены, хотя бы въ самой мягкой формѣ, — что вполнѣ удовлетворило бы буржуазію. Оффиціальная Пруссія возлагала всѣ свои надежды на войско и на свои полицейскія средства, а столичная буржуазія, молодая, шумливая, но боящаяся рѣшительныхъ дѣйствій, не выступала въ особенно грозномъ видѣ. Первыя ея демонстраціи въ мартѣ диктовались не столько ея свободолюбіемъ, сколько ея страхомъ передъ пролетаріатомъ. Успокоительная статья „Фоссовой Газеты“ отъ 7-го марта увѣщевала рабочихъ, чтобы они не давали себя сбить съ толку французской революціей, что рабочимъ всегда будетъ лучше всего при капитализмѣ; а гласные думы приняли 9-го марта рѣшеніе больше, чѣмъ до сихъ поръ, заботиться объ участи трудящихся классовъ и путемъ сбора пожертвованій среди состоятельныхъ жителей пріобрѣсти средства для выполненія общеполезныхъ работъ. Въ тотъ же день послѣ безконечно долгихъ приготовленій было открыто городское бюро для соисканія работъ, къ которому сейчасъ же обратилось шесть-семь тысячъ безработныхъ; изъ нихъ только одному удалось найти работу черезъ посредство бюро.

Корона думала успокоить буржуазную оппозицію

гарантированіемъ соединенному ландтагу его періодическаго созыва. Она, дѣйствительно, его созвала на 27 апрѣля и сверхъ того обѣщала походатайствовать въ бундестагѣ о свободѣ печати съ соотвѣтственными гарантіями, и у Меттерниха объ объединеніи Германіи. Эти удивительныя обѣщанія сильно воодушевили берлинскаго филистера; его лейбъ-органъ, „Фоссова Газета“, и его оффиціальные представители, гласные думы, въ качествѣ „друзей разумнаго прогресса“, дрожали отъ „радостной благодарности“ за эти великолѣпныя уступки. Но берлинскій пролетаріатъ не удовлетворялся такой дешевой подачкой. Онъ былъ еще мало развитъ и далеко не созрѣлъ для классоваго самосознанія, и тѣмъ не менѣе—онъ далъ толчекъ для устройства тѣхъ большихъ народныхъ собраній, которыя происходили передъ воротами города и на которыхъ, помимо свободы печати, свободы союзовъ и другихъ гражданскихъ свободъ, уже выдвигались требованія обезпеченія работы и министерства труда.

Корона считала возможнымъ справиться и съ этой оппозиціей. Первыя собранія прошли безпрепятственно; но скоро правительство распорядилось разогнать собранія силой оружія; расходившіяся по домамъ массы народа подверглись избіенію и разстрѣливанію; всѣ улицы города были заполнены войсками. Гвардія была предварительно обработана принцемъ прусскимъ, и такъ нафанатизирована, что она въ своей кровожадности безъ разбора рубила самыхъ мирныхъ гражданъ, попадавшихся ей на улицѣ. Такія избіенія повторялись 13, 14, 15 и 16 марта. Вначалѣ буржуазный классъ относился къ такимъ воинскимъ подвигамъ довольно равнодушно; даже ворота домовъ запирались передъ несчастными жертвами, спасавшимися отъ ярости озвѣрѣвшихъ солдатъ. Но когда сабля коснулась и самыхъ спокойныхъ гражданъ, буржуазія начала возмущаться.

Извѣстіе о томъ, что населеніе Вѣны 13 марта низвергло систему Меттерниха, было для Берлина искрой,

попавшей въ бочку пороха. Правительство почувствовало, что огонь уже очень близокъ. Къ этому времени прибыла изъ Кельна большая депутація подъ предводительствомъ рейнскаго оберъ-президента и недвусмысленно дала понять королю, что если правительство не предприметъ тотчасъ же реформъ,—ему придется считаться съ отпаденіемъ рейнскихъ земель. Эта депутація сильно повліяла на правительство, и скоро были выпущены два манифеста, изъ которыхъ одинъ былъ обозначенъ 17-ымъ, а другой 18-ымъ числомъ. Первый обѣщалъ свободу печати съ системой залоговъ, а второй—созывъ соединеннаго ландтага на 2-ое апрѣля съ общей программой, въ которой предусматривались основаніе германскаго союзнаго государства подъ главенствомъ Пруссіи и конституціонный строй для Пруссіи. Оба манифеста были подписаны домартовскимъ министерствомъ со всѣми его ненавистными именами.

Въ то же время вѣнская революція вызвала въ берлинскомъ населеніи чувство глубокаго стыда. Слишкомъ обидно было это сознаніе для берлинцевъ, что ихъ городъ, „городъ интеллигенціи", не скупившійся на высокопарныя фразы, не сумѣлъ обнаружить то политическое пониманіе и проявить ту политическую энергію, какія проявились въ презрѣнной полуварварской столицѣ на Дунаѣ. Самые миролюбивые элементы, именно, тѣ „граждане охраны", которые нѣсколько дней передъ тѣмъ были выдвинуты городскими властями для успокоенія „смутьяновъ", именно, эти люди рѣшили устроить 18-го мирную массовую демонстрацію передъ дворцомъ и предъявить королю слѣдующія требованія: удаленіе войска, организація вооруженной гражданской милиціи, предоставленіе безусловной свободы печати и скорѣйшій созывъ соединеннаго ландтага. Изъ этихъ пунктовъ четвертый былъ вполнѣ удовлетворенъ королевскимъ манифестомъ, а третій наполовину. Что же касается втораго

требованія, то оно, по мысли большинства устроителей демонстраціи, ни въ коемъ случаѣ не должно было свестись къ вооруженію народа противъ войска, а, на оборотъ, этимъ имѣлось въ виду образовать изъ граждан добровольную жандармерію противъ бунтовщиковъ, чтобы такимъ образомъ могло быть осуществлено первое требованіе: удаленіе войска изъ города. Въ этомъ заключался весь смыслъ проектируемой демонстраціи. Домартовскій деспотизмъ почувствовалъ, что военными избіеніями дальше оперировать рисковано, что близится къ концу длинная нить терпѣнія покорныхъ подданныхъ, позволявшихъ себя вести на убой, какъ стадо барановъ, по султанскому капризу.

Какъ извѣстно, именно, на этомъ пунктѣ разгорѣлась революція. Массы народа, собравшіяся къ полудню 18-го марта на дворцовой площади, обрадовались хотя обнародованію королевскаго манифеста; но, съ другой стороны, народъ такъ часто былъ обманутъ высокопарными фразами романтическаго короля и его бюрократически-феодальнаго министерства, что онъ ясно понялъ, гдѣ лежитъ главный пунктъ всего положенія. Когда министръ юстиціи Савини, стоя въ одномъ изъ входовъ дворца, объяснялъ надвигавшейся толпѣ, что король далъ даже больше, чѣмъ отъ него требовали, ему возразилъ одинъ рабочій: „Эхъ, старина, мало ты видно смыслишь; пока что король ничего не далъ“. Въ этомъ отвѣтѣ заключается больше историческаго пониманія, чѣмъ во всей исторической школѣ прусскихъ ученыхъ. Требованія удаленія войска раздавались все громче и громче, несмотря на всѣ попытки короля съ балкона успокоить волнующійся народъ. И когда прибылъ эскадронъ драгуновъ и изъ дворца выступила рота пѣхотинцевъ, чтобы очистить площадь отъ людей, тогда гнѣвъ толпы перешелъ всякія границы. Два выстрѣла, раздавшіеся изъ рядовъ пѣхоты, дали сигналъ къ уличному бою.

Споръ о томъ, раздались ли эти выстрѣлы вслѣд-

ствіе непредвидѣнной случайности или нѣтъ, отдалъ ли принцъ прусскій приказъ открыть огонь по безоружной толпѣ или нѣтъ, имѣетъ на-нашъ взглядъ второстепенное значеніе. Возможно, что два ружья разрядились совершенно случайно, возможно также, что принцъ прусскій, извѣстный, какъ вдохновитель всякихъ военныхъ выступленій противъ народа, и вполнѣ заслужившій всякія подозрѣнія своими рѣчами въ казармахъ, возможно, что какъ разъ въ этотъ моментъ онъ не проводилъ никакихъ реакціонныхъ плановъ. Столкновеніе стало неизбѣжнымъ, какъ только удаленіе войска стало практически жгучимъ вопросомъ, въ которомъ ни одна изъ сторонъ не хотѣла и не могла дѣлать никакихъ уступокъ. Столкновеніе произошло бы во всякомъ случаѣ; если бы оно не произошло при данныхъ случайныхъ обстоятельствахъ, оно было бы вызвано другими случайностями.

Не менѣе празднымъ намъ представляется споръ о томъ, кто побѣдилъ въ этомъ тринадцатичасовомъ боѣ. Послѣ войны побѣдителемъ считается тотъ, кто въ состояніи навязать противнику свою волю. Это простая истина, которая наглядно объясняется каждому прусскому школьнику на примѣрахъ битвъ стараго Блюхера и Фридриха Великаго. Однако, этой истины не хотятъ признать, когда рѣчь идетъ о борьбѣ между короной и народомъ. Утромъ 19-го корона рѣшила удалить войска изъ города, рѣшила, именно, исполнить то, въ чемъ она упорно отказывала еще 18-го съ рискомъ вызвать уличную борьбу. Если же серьезно отнестись къ утвержденіямъ благомыслящихъ историковъ, будто приказъ объ удаленіи войскъ отданъ былъ безъ достаточнаго основанія и по невыясненному поводу, то придется признать, что въ этотъ день трижды была разбита та главная военная квартира, откуда приказы отдавались неизвѣстно кѣмъ и неизвѣстно на какихъ основаніяхъ. Въ дѣйствительности старая Пруссія потерпѣла полное крушеніе въ

ночь съ 18-го на 19-ое марта 1848 года, — она пала подъ тяжестью своихъ грѣховъ, которые подъ сильнымъ толчкомъ революціи стремительно покатились на ея голову.

Но фанатизированное войско вело уличный бой съ такой жестокостью, что крикъ горькой обиды за позоръ прусской арміи вырвался изъ груди патріотическихъ ветерановъ освободительныхъ войнъ. Съ другой стороны, борцы на баррикадахъ, среди которыхъ было много юношей, сражались съ веселой и отважной выдержкой, съ добродушіемъ и человѣчностью, признанной всѣми неподкупными очевидцами; мѣстами это безсознательно признается даже спеціальными военными писателями. Несмотря на свое недостаточное вооруженіе, они въ теченіе одной ночи до того утомили 14,000 солдатъ съ 36 пушками, что военные начальники должны были въ 5 часовъ утра отдать своимъ до смерти истощеннымъ войскамъ приказъ о прекращеніи боя. Борцы на баррикадахъ черпали все новыя и новыя силы изъ симпатій, которыми ихъ окружало населеніе. Эта весенняя буря въ мартовскую ночь вывела мелкое мѣщанство изъ его тѣснаго идейнаго уголка и высоко подняла его надъ обычнымъ уровнемъ его стремленій къ миру и спокойствію.

Но главная тяжесть борьбы легла на пролетаріатъ. Между 183 мертвецами, погребенными 22 марта при торжественной похоронной процессіи, находились одинъ адвокатъ и два студента, изъ которыхъ одинъ даже не принималъ участія въ битвѣ, а былъ безъ всякаго повода убитъ кровожадными солдатами. Масса же павшихъ состояла изъ ремесленниковъ, изъ которыхъ лишь немногіе были обозначены въ оффиціальныхъ спискахъ, какъ мастера, а очень многіе, какъ подмастерья, изъ поденщиковъ, машиностроительныхъ рабочихъ, приказчиковъ, учениковъ. Что тѣ 33 трупа, которые не были опознаны, принадлежали къ рабочему классу, не подлежитъ, конечно, никакому сомнѣнію.

Позднѣе реакція инсинуировала относительно этихъ тридцати трехъ неизвѣстныхъ и утверждала, что борцы 18-го марта состояли изъ иноземныхъ эмиссаровъ, изъ бродягъ и преступниковъ. Доказать такое утвержденіе никому, однако, не удалось, несмотря на всѣ старанія властей отыскать среди мертвецовъ и среди 700 попавшихъ въ плѣнъ хотя бы одного эмиссара или бродягу или преступника или хотя бы одного понесшаго уголовное наказаніе; а вѣдь въ домартовскомъ Берлинѣ даже куреніе табаку на улицѣ влекло за собой уголовное наказаніе. „Часто утверждали, что между павшими было нѣсколько десятковъ уличенныхъ воровъ. Правда, тайныхъ совѣтниковъ между ними не было. Но если бы даже это утвержденіе было вѣрно, то такая смерть сдѣлала уже этихъ людей честными". Такъ отвѣтилъ на эту наглую выдумку Гнейстъ, который самъ былъ прусскимъ тайнымъ совѣтникомъ.

Вмѣстѣ съ войскомъ самъ принцъ прусскій покинулъ городъ и, переодѣвшись, бѣжалъ въ Лондонъ. Покинули Берлинъ также наиболѣе ненавистные народу изъ старыхъ министровъ и масса дрожащихъ за свою шкуру изъ „верхнихъ десяти тысячъ". Король поручилъ графу Арниму, крупному помѣщику, подчасъ пускавшему либеральныя фразы, составить новое министерство. Но никто не оказался въ силахъ взять въ свои руки бразды правленія. Въ покояхъ дворца царила безграничная растерянность. На дворѣ дворца толпился народъ. Со всѣхъ частей города, гонимые общимъ инстинктомъ, баррикадные борцы стекались къ дворцу и проталкивались черезъ всѣ его входы. Держа въ рукахъ свое побѣдоносное оружіе, съ лицами полными отваги и воодушевленія борьбы, несли они на плечахъ гробы съ трупами ихъ павшихъ братьевъ. Раны мертвецовъ были обнажены, ихъ окровавленныя лица были украшены безсмертниками и лаврами. Молча безъ единаго звука приняла ихъ

толпа, губы у всѣхъ дрожали, слезы катились съ глазъ, а въ дворцовомъ дворѣ раздавались твердые мѣрные шаги носителей гробовъ, и время отъ времени громко произносилось имя павшаго борца: „отецъ пяти малолѣтнихъ дѣтей!“ „Палъ отъ картечи на баррикадѣ у ратуши!“ „Безъ пощады заколотъ послѣ того, какъ сдался!“ „Пятнадцати лѣтъ отъ роду, на моихъ глазахъ застрѣленъ, мой единственный сынъ!“ И тогда наступилъ часъ суда надъ Гогенцоллерномъ, суда, какого не приходилось испытать никакому Стюарту и никакому Капету на ступеняхъ эшафота; этотъ судъ и его потрясающая сила—увѣковѣчены поэтомъ Фрейлигратомъ въ слѣдующихъ безсмертныхъ стихахъ:

So wars! Die Kugel in der Brust, die Stirne breit gespalten,
So habt ihr uns auf schwankem Brett auf zum Altan gehalten!
„Herunter!“—und er kam gewankt—gewankt an unser Bette;
„Hut ab!“—er zog—er neigte sich! (so sank zur Marionette,
Der erst ein Komödiante war!)—bleich stand er und beklommen!
Das Heer indes verliess die Stadt, die sterbend wir genommen!
Dann „Jesus meine Zuversicht!“ wie ihrs im Buch könnt' lesen;
Ein „Eisen meine Zuversicht!“ wär' passlicher gewesen [1]!

Въ этомъ стихотвореніи мертвецы посылаютъ тихій упрекъ живущимъ, и этотъ упрекъ часто подымался противъ баррикадныхъ борцовъ. Зачѣмъ было нанести такую незабываемую обиду королю, когда можно было съ холодной рѣшительностью рубить его тронъ? Этотъ упрекъ имѣетъ такое же основаніе, какъ если бы мы порицали героевъ, взявшихъ Бастилію, за то, что они не провозгласили тотчасъ же республики. Въ своемъ великомъ порывѣ пролетаріатъ свергнулъ позорное ярмо, въ одинъ день онъ своей кровью смылъ позоръ столѣтія и провелъ историческую грань, черезъ

[1] Пуля въ груди, широкая рана на лбу — такъ вы несли насъ къ алтарю! „Внизъ!“—И онъ дрожа всѣмъ тѣломъ спустился внизъ и подошелъ къ нашему ложу. „Шапку долой!“ — И онъ снялъ свою шляпу и поклонился. (Такъ прежній комедіантъ сталъ маріонеткой). Онъ стоялъ блѣдный, въ страхѣ и смущеніи. А войско удалилось изъ города, который мы своей смертью заняли. Тогда раздалось пѣніе „Христосъ мое упованіе!“ — какъ написано въ книгѣ. Ахъ! „Мечъ мое упованіе!“ — было бы умѣстнѣе.

которую никакая сила въ мірѣ не можетъ вернуться назадъ. Конечно, пролетаріатъ могъ въ этотъ моментъ опрокинуть также тронъ, но онъ не могъ бы захватить власть, для которой онъ еще не былъ достаточно развитъ и достаточно зрѣлъ. Онъ не могъ разрѣшить задачу, данныя которой онъ лишь смутно сознавалъ. Онъ не забылъ „Eisen meine Zuversicht“ (Мечъ, ты мое упованіе!), ибо похоронное шествіе ко двору не было только актомъ возмездія, который совершилъ народный судъ надъ виновнымъ королемъ; это шествіе было довершеніемъ 18-го марта, его вѣнцомъ, это шествіе вырвало у короля разрѣшеніе на вооруженіе народа. Пролетаріатъ не могъ сдѣлать ничего другого, какъ очистить мѣсто для буржуазіи, для того класса, который по тогдашнему состоянію историческаго развитія больше всѣхъ былъ призванъ къ власти. Буржуазія должна была свести счеты съ абсолютизмомъ, отъ нея одной зависѣло, увѣнчать ли побѣдой геройскую борьбу 18-го марта или измѣннически предать ее.

Она ее предала. Совѣсть ея дала спокойно зарости кладбищу, на которомъ погребены павшіе борцы за народную свободу. Буквы и цифры на крестахъ у могилъ съѣдены ржавчиной, и могилы заросли травой. Но наступилъ день, когда въ пробудившееся классовое сознаніе пролетаріата проникло историческое значеніе мартовской революціи, и снова были освящены могилы на кладбищѣ Фридрихсгайна. Къ этимъ великимъ мертвецамъ примѣнимы слова Маркса, сказанныя имъ относительно жертвъ другого 18-го марта (возстанія парижской коммуны): „Они погребены въ великомъ сердцѣ рабочаго класса“.

2. Предательство буржуазіи.

На берлинскихъ баррикадахъ германская революція обрѣла твердую почву подъ ногами. Она пронеслась, какъ буря, по всей странѣ и уничтожила корни

феодальнаго общества. Поднялось крестьянство, чтобы отомстить за свои неисчислимыя обиды. На югѣ Германіи, въ Оденвальдѣ, въ Шварцвальдѣ, изъ земли, помнящей старыя крестьянскія войны, вырвалось новое племя. Прогнаны были управляющіе дворянъ, уничтожены крѣпостныя и десятинныя книги, разгромлены замки помѣщиковъ. Въ королевствѣ Саксоніи огонь пожралъ нѣсколько феодальныхъ замковъ. Но сильнѣе всего было крестьянское движеніе въ прусскихъ провинціяхъ восточной Эльбы, въ особенности въ Силезіи. Крестьяне отправлялись толпами въ помѣщичьи усадьбы и заставляли своихъ мучителей выдавать формальные документы, въ которыхъ послѣдніе отказывались отъ всѣхъ помѣщичьихъ повинностей и отработковъ. Феодальная партія, единственная организованная партія въ Пруссіи, была совершенно уничтожена подъ ударами безчисленныхъ крестьянскихъ бунтовъ, и вмѣстѣ съ нею пала послѣдняя опора до-мартовскаго государства.

А въ то же время въ самомъ Берлинѣ рѣзко выступилъ контрастъ между буржуазіей и рабочимъ классомъ. Какъ только улеглось первое возбужденье отъ опьяненія мартовской ночи, граждане начали молить о „заключеніи революціи“, о спокойствіи во что бы то ни стало. Буржуазія имѣла въ своихъ рукахъ общинную власть, которой она воспользовалась для обратнаго захвата тѣхъ 25,000 ружей, которыя были розданы гражданской милиціи изъ военныхъ арсеналовъ. Она поставила условіемъ для вступленія въ гражданскую милицію опредѣленное мѣстожительство и личную гарантію за возвратъ оружія. И этими постановленіями широко пользовались для исключенія пролетаріата изъ народнаго вооруженія. На другой день послѣ побѣды побѣдители были коварно обмануты.

Новая гражданская милиція немедленно обнаружила черты полицейскаго отряда и мало чѣмъ отличалась отъ домартовской жандармеріи. Она, какъ раненый

звѣрь, бушевала за священное право собственности и и свирѣпствовала противъ „крамольниковъ". Однако, всѣ, такъ называемые, эксцессы мартовскаго сраженія сводились только къ тому, что были разгромлены квартиры одного отставного офицера и лавка одного перчаточника за ихъ измѣну и переходъ отъ баррикадныхъ борцовъ къ войску. Такая же участь грозила дворцу прусскаго принца, но это было предотвращено находчивымъ руководителемъ массъ, объявившимъ это зданіе національной собственностью. Во всѣхъ отношеніяхъ въ мартовскіе дни обнаружилась облагораживающая сила революціи, какъ это констатировалось постоянно при такихъ народныхъ движеніяхъ. Уголовныя преступленія и особенно преступленія противъ собственности значительно уменьшились. Въ высшей степени характерно замѣчаніе министра полиціи фонъ-Бодельшвинга еще наканунѣ 18-го марта, когда онъ еще не признавалъ политической опасности со стороны широкихъ народныхъ массъ, что онъ усматриваетъ грозный симптомъ въ уменьшеніи числа преступленій противъ собственности. Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ 18-го марта берлинскій президентъ полиціи заявилъ громогласно, „что, въ общемъ, поведеніе подмастерьевъ и рабочихъ заслуживаетъ признательности", и три недѣли послѣ завоеванія свободы печати прокуроръ берлинской судебной палаты долженъ былъ объявить мирнымъ гражданамъ столицы въ отвѣтъ на ихъ безчисленные доносы на „необузданную печать" слѣдующее: „Кто хочетъ имѣть свободу печати, тотъ долженъ умѣть снести и злоупотребленія этой свободой; впрочемъ, вслѣдствіе новизны дѣла, сильно переоцѣнивается опасность отъ этихъ злоупотребленій". Но, несмотря на это, гражданская милиція не переставала кричать, что собственность въ опасности. „Въ городѣ спокойно, шумитъ только милиція" — отрапортовалъ разъ ночью одинъ начальникъ патруля, которому поведеніе его товарищей внушало отвращеніе. О духѣ, господство-

вавшемъ въ этихъ лихихъ отрядахъ, можно судить по именамъ ихъ начальниковъ, выбранныхъ самими миліціонерами: сначала командовалъ ими президентъ полиціи фонъ-Минутоли, затѣмъ городской комендантъ фонъ-Атофъ, за нимъ послѣдовалъ злѣйшій реакціонеръ маіоръ Блессонъ и, наконецъ, филистеръ Римплеръ,— трусливый заяцъ передъ вооруженной реакціей и рычащій левъ передъ безоружнымъ пролетаріатомъ.

Уже 23-го марта образъ дѣйствія буржуазіи былъ такъ возмутителенъ, что единственная политическая газета Берлина, недавно основанная „Zeitungshalle", помѣстила критическую статью противъ проповѣдниковъ спокойствія. Эта статья вѣрно оцѣнила положеніе, отмѣтивъ, что если буржуазія на другой день послѣ революціи тянется всѣми силами назадъ, то къ этому самоубійственному образу дѣйствія ее побуждаетъ только страхъ передъ пролетаріатомъ. Авторъ статьи говоритъ, что разрывъ, образовавшійся между буржуазіей и рабочимъ классомъ, можетъ быть устраненъ лишь тогда, когда буржуазія рѣшится идти не назадъ, какъ она дѣлаетъ теперь, а впередъ. Немногаго недоставало, чтобы редакторъ „Zeitungshalle" за свою спокойную и правдивую статью подвергся расправѣ со стороны миліціонеровъ. Его демократическіе друзья поспѣшили объявить ему, что отнынѣ онъ не можетъ считаться ихъ другомъ; а биржа торжественно объявила „негодяемъ" каждаго, кто не будетъ содѣйствовать отводу подписчиковъ и объявленій „Zeitungshalle".

Городскія власти не отстали въ своемъ рвеніи отъ гражданской миліціи. Онѣ сознательно утверждали неправду, увѣряя, что политическое движеніе направлено противъ собственности буржуазныхъ классовъ, и уже 21 марта онѣ вошли въ тайное соглашеніе съ короной, чтобы прогнанные только что гвардейскіе полки обратно вступили въ городъ. Но надо было пустить пыль въ глаза народу, и магистратъ объявилъ въ печатномъ воззваніи, что „Его Величество прика-

зало войску до вступленія въ городъ присягнуть германской конституціи", т. е. присягнуть конституціи, которой нѣтъ. Однако, въ послѣднюю минуту не хватало у этихъ господъ смѣлости привести этотъ хитроумный планъ въ исполненіе, и воззваніе было уничтожено. Вмѣсто этого они смастерили адресъ королю, покрытый 14,000 подписей, въ которомъ просили о возвращеніи „дружественныхъ полковъ". Ветеринаръ Урбанъ, демагогъ съ весьма сомнительной репутаціей, предложилъ для этого свои услуги. За возвращеніе войска высказалось также большинство гражданской милиціи. Несмотря на всѣ пестрыя петлички и эполеты, которыми милиціонеры перещеголяли даже длинноусыхъ гвардейскихъ лейтенантовъ, буржуазія предпочитала, однако, чтобы ея священная собственность оберегалась настоящими солдатами. И 30 марта вступили въ городъ одинъ полкъ пѣхоты и одинъ полкъ кавалеріи, да еще два батальона и одинъ эскадронъ.

Въ то же время буржуазія вступила въ министерство. Кампгаузенъ и Ганземаннъ, президенты торговыхъ палатъ въ Кельнѣ и въ Аахенѣ, были приглашены графомъ Арнимомъ для вступленія въ его министерство. Но они благоразумно отклонили это предложеніе, не желая играть роль статистовъ подъ началомъ крупнаго помѣщика, который хотя часто надѣвалъ на себя либеральную маску, но, въ сущности, имѣлъ чисто феодальные сословные взгляды. Ихъ отказъ сталъ поперекъ дороги графу Арниму. 29 марта Кампгаузенъ былъ назначенъ министромъ-президентомъ, а Ганземаннъ министромъ финансовъ. Графъ Шверинъ и Ауэрсвальдъ, двѣ знаменитости изъ оппозиціи соединеннаго ландтага, перешли изъ стараго кабинета въ новый въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ и министра внутреннихъ дѣлъ. Постъ министра иностранныхъ дѣлъ занялъ Арнимъ-Гейнрихсдорфъ, бывшій до того посланникомъ въ Парижѣ.

Эти люди вполнѣ заслужили свои мѣста въ первомъ буржуазномъ министерствѣ, ибо еще при графѣ Арнимѣ они дѣятельно готовили власть для буржуазіи. 21 марта они устроили комедіантское шествіе короля по улицамъ столицы. Съ отрядомъ генераловъ и министровъ, съ черно-красно-золотистыми повязками на рукахъ, впереди имѣя непосредственно передъ собой милиціонера съ трехцвѣтнымъ знаменемъ, возлѣ себя полицейскаго Штибера и позади себя ветеринара Урбана съ разрисованной императорской короной, король, подобно ярмарочному глашатаю, возвѣстилъ передъ ратушей и передъ университетомъ, что Пруссія растворится въ Германіи, что онъ рѣшилъ спасти нѣмецкую свободу и нѣмецкое единство, что онъ рѣшилъ стать во главѣ конституціонной Германіи. Большое удовольствіе это доставило берлинскимъ зѣвакамъ и, пожалуй, не меньшее самому королю, который уже успѣлъ забыть свое недавнее униженіе и прекрасно себя чувствовалъ въ роли театральнаго героя. Вся Германія отвѣтила насмѣшкой на эти торжественныя обѣщанія.

Но устроители этого театральнаго явленія народу знали, чего они хотѣли. Тотчасъ послѣ этого торжественнаго шествія по улицамъ Берлина король почувствовалъ свое призваніе вмѣшаться въ борьбу герцогствъ Шлезвига и Гольштиніи противъ Даніи, о чемъ онъ поспѣшилъ повѣдать въ письмѣ герцогу Августенбургу. Это вмѣшательство должно было произойти подъ эгидой германскаго союза для спасенія нѣмецкаго племени отъ иноземнаго владычества датчанъ. Но тайными цѣлями этого предпріятія было, съ одной стороны, дать удовлетвореніе униженной и прогнанной изъ Берлина гвардіи, а съ другой стороны—потушить очагъ революціи въ Шлезвигъ-Гольштиніи, борьба которой пользовалась въ Германіи особой популярностью. Еще не успѣли прусскія войска перейти границы, какъ прусскій посланникъ фонъ Вильденбрухъ уже писалъ датскому кабинету въ

тайной нотѣ отъ 8-го апрѣля, что война эта не будетъ серьезной войной, что прусское правительство прежде всего желаетъ сохранить эти герцогства за датскимъ королемъ, что оно предприняло этотъ походъ съ исключительной цѣлью помѣшать опасному вмѣшательству въ это дѣло со стороны радикальныхъ и республиканскихъ элементовъ Германіи.

Такимъ образомъ, дѣятельно готовилась уже контръреволюція при графѣ Арнимѣ. Однако, безъ содѣйствія буржуазіи кабинетъ оказался слишкомъ слабымъ, чтобы устоять подъ тяжкими ударами революціи. Какъ 18-го марта депутація изъ Кельна, такъ и 22-го марта депутація изъ Бреславля и Лигница совершенно разстроили политику короны, при чемъ и тутъ дѣйствительнымъ оказалось то же средство: — угроза отпаденіемъ Силезіи, если не будутъ выполнены слѣдующія требованія: созывъ народнаго представительства, выбраннаго всенародно; полная неприкосновенность личности, суды присяжныхъ для политическихъ преступленій, всеобщее вооруженіе народа со свободнымъ выборомъ начальниковъ, несмѣняемость судей, отмѣна всякой феодальной юстиціи и полиціи, отвѣтственность министровъ и присяга войска конституціи. Графъ Арнимъ и слышать не хотѣлъ обо всемъ этомъ и руками и ногами открещивался отъ этихъ требованій, но депутація, руководимая бывшимъ президентомъ полиціи и состоявшая, главнымъ образомъ, изъ городскихъ чиновниковъ, была очень настойчива; къ тому же изъ Силезіи доносились весьма неуспокоительныя вѣсти, и король волей-неволей долженъ былъ уступить.

Немедленно былъ обнародованъ правительственный ордеръ силезской депутаціи, въ которомъ король обѣщалъ „конституцію на самыхъ широкихъ началахъ“ и либеральный избирательный законъ, который обезпечитъ народное представительство, выбранное всенародно и охватывающее всѣ интересы народа. Со-

бранію народныхъ представителей предоставлялось обсудить и принять соотвѣтствующія рѣшенія по всѣмъ требованіямъ силезской депутаціи, которыя были подробно перечислены въ правительственномъ ордерѣ. Сверхъ того король обѣщалъ привести дѣйствующую армію къ присягѣ конституціи, которая будетъ выработана, и только въ одномъ пунктѣ сдѣлалъ оговорку, а именно, что новый избирательный законъ долженъ быть предложенъ для обсужденія соединенному ландтагу. При такой программѣ графъ Арнимъ оказался не у мѣста. Онъ еще пару дней упирался, но его собственные коллеги, особенно его однофамилецъ, поспѣшили его вытолкнуть. Эти обуржуазившіеся аристократы, не долго думая, поступили на службу къ буржуазіи,

Изъ двухъ новыхъ министровъ Кампгаузенъ былъ болѣе образованъ, но рѣшительнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ былъ Гинземаннъ. Послѣдній задался цѣлью защищать матеріальные интересы буржуазіи безъ всякихъ околичностей, въ то время какъ Кампгаузенъ носился еще съ неспокойной совѣстью буржуазной идеологіи. Однако, они согласны были въ томъ, что необходимо, по возможности, урѣзать побѣду пролетаріата и извлечь изъ нея всѣ выгоды для буржуазіи. Они, поэтому, считали для себя невозможнымъ созвать новое народное представительство, опираясь на историческій фактъ революціи, а предпочитали стать на „почву права“ и желали сохранить „непрерывность правового порядка“. Они поэтому настаивали на томъ, что соединенный ландтагъ имѣетъ право обсудить избирательный законъ и выработать основы новаго государственнаго строя. Всѣ эти красивыя словечка не имѣли, конечно, никакого реальнаго содержанія. На самомъ дѣлѣ эта курьезная „почва права“ состояла только въ хитромъ разсчетѣ окружить буржуазное урѣзываніе революціи сіяніемъ святости и напугать пролетаріатъ феодальнымъ призракомъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, соединенный ландтагъ оказался призракомъ. Феодальная партія была разбита по всей линіи. Даже такой феодальный фанатикъ, какъ Висмаркъ, долженъ былъ признать съ нескрываемой горечью, что никакая человѣческая сила не въ состояніи пробудить къ новой жизни похороненное прошлое, прибавивъ съ сладко-кислой ужимкой, что онъ рѣшилъ поддерживать министерство Кампгаузена, такъ какъ нѣтъ другой надежды на возстановленіе „закономѣрнаго порядка“. Соединенный ландтагъ походилъ на гальванизированный трупъ и могъ только написать тѣ приказы, которые ему диктовала буржуазія. Закономъ отъ 6-го апрѣля установлены были основныя положенія новой конституціи: свобода печати съ отмѣнной системы залоговъ, судъ присяжныхъ безъ изъятія политическихъ преступленій, независимость судей и устраненіе дисциплинарнаго закона, свобода собраній и союзовъ, пользованіе всѣми гражданскими правами независимо отъ вѣроисповѣданія и наконецъ, какъ вѣнецъ всего этого, увѣреніе, что изданіе всѣхъ законовъ, установленіе бюджета и взиманіе налоговъ будутъ поставлены въ зависимость отъ одобренія будущихъ народныхъ представителей. Затѣмъ законъ 8-го апрѣля установилъ всеобщее, равное, тайное, но непрямое, избирательное право для собранія, которое должно выработать новую конституцію путемъ соглашенія съ короной.

Въ этихъ законахъ ясно видны еще слѣды страха передъ побѣдоносным пролетаріатомъ. Они явились практическимъ осуществленіемъ обѣщаній, данныхъ королемъ силезской депутаціи. Особенно законъ о новыхъ народныхъ правахъ, который долженъ былъ тотчасъ вступить въ силу, былъ продиктованъ чувствомъ страха, какъ о томъ свидѣтельствуетъ Родбертусъ. Характерно для тогдашняго положенія вещей, что изъ всѣхъ членовъ соединеннаго ландтага Родбертусъ былъ, вѣроятно, единственнымъ, который

принципіально признавалъ всеобщее избирательное право, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ безспорно единственнымъ, который высказывался противъ всеобщаго избирательнаго права, считая массы еще недостаточно зрѣлыми для использованія этого права. Всеобщность выборовъ была, однако, урѣзана введеніемъ ихъ двустепенности. Да и, вообще, законы 6-го и 8-го апрѣля были отодвинуты въ туманную даль, благодаря постановленію, что будущая конституція должна быть выработана путемъ соглашенія между короной и народнымъ представительствомъ.

„Соглашеніе“ это было буржуазной ловушкой, достойной пресловутой „почвы права“. Оно было, по выраженію одного оратора изъ лѣвой въ берлинскомъ Національномъ Собраніи, клякса, заднимъ числомъ брошенная на великое движеніе. Посредствомъ „соглашенія“ положеніе вещей было отодвинуто назадъ на ту ступень, на которой оно стояло утромъ 18-го марта; побѣда народа была кассирована, а коронѣ возвращена была ея прежняя власть. Родбертусъ поставилъ въ соединенномъ ландтагѣ ребромъ вопросъ: „Что же будетъ, если корона и собраніе представителей не придутъ ни къ какому соглашенію?“. Ганземаннъ на это отвѣтилъ съ холодной усмѣшкой: „Тогда восторжествуетъ мнѣніе той стороны, которая обладаетъ большей силой“. На это Родбертусъ со вздохомъ возразилъ: „Это мнѣ представляется возможнымъ лишь путемъ второй революціи.“ Тѣмъ не менѣе, и онъ защищалъ принципъ соглашенія. Будучи утопистомъ въ политическихъ, какъ и въ соціальныхъ—вопросахъ, онъ хотѣлъ спасти „дѣвственность Пруссіи въ области права“, той Пруссіи, оффиціальная исторія которой представляетъ собой съ шестнадцатаго вѣка непрерывную цѣпь правонарушеній. Чтобы имѣть возможность отрицать „первую революцію“, революцію народа, онъ подготовлялъ „вторую революцію“, контръ-революцію короны.

Буржуазія не была бы буржуазіей, если бы она, послѣ своей измѣны пролетаріату, не поспѣшила закрѣпить свою власть посредствомъ „нерва всѣхъ вещей“. Министерство потребовало отъ соединеннаго ландтага кредита въ сорокъ милліоновъ талеровъ, изъ которыхъ пятнадцать милліоновъ должны были уйти на вооруженіе арміи, и двадцать пять милліоновъ на укрощеніе анархіи, при чемъ послѣднее должно было быть выполнено путемъ предоставленія свободныхъ капиталовъ торговлѣ и промышленности, волны которыхъ должны были унести безработный и неспокойный пролетаріатъ. Когда дѣло доходитъ до вопросовъ кошелька, то у буржуазіи начинаетъ колебаться не только ея монархическая вѣрность, но и самая твердая почва права. Кампгаузенъ и Ганземаннъ не постѣснялись просить ассигновки у того же ландтага, который годомъ раньше по ихъ же настоянію объявилъ себя не правомочнымъ разрѣшать такіе кредиты, и они безъ долгихъ разговоровъ получили этотъ кругленькій задаточекъ.

Не совсѣмъ посчастливилось имъ въ третьей махинаціи, для которой они хотѣли использовать соединенный ландтагъ. Одновременно съ этой корпораціей собралось во Франкфуртѣ на Майнѣ созванное по инициіативѣ гейдельбергцевъ собраніе нотаблей. Этотъ, такъ называемый, предварительный парламентъ стоялъ на революціонной почвѣ, но отнюдь не былъ возбужденъ революціонной идеей. При всей незрѣлости тогдашняго политическаго образованія въ Германіи, съ непреодолимой силой проникало во всеобщее сознаніе убѣжденіе, что изъ двухъ крупныхъ государствъ полдюжины среднихъ и нѣсколькихъ десятковъ мелкихъ, словомъ изъ конгломерата почти сплошь монархическихъ государствъ, можетъ образоваться единая и свободная Германія только въ формѣ республики. И если предварительный парламентъ хотѣлъ довести дѣло до конца, то онъ долженъ былъ

не только не заключить революцію, а объявить ее непрерывной. Но для этого не хватало духу у нѣмецкаго бюргерства. Меньшинство, рекрутировавшееся, главнымъ образомъ, изъ южно-германскаго мѣщанства, требовало германской республики, но въ такой формѣ, которая уже давно была пережита исторіей: въ формѣ федераціи республиканскихъ кантоновъ по швейцарскому образцу. Широкая же масса буржуазіи и особенно большинство сѣверо-германскаго мелкаго мѣщанства хотѣли лучше отказаться отъ единства, чѣмъ отъ монархіи. Ихъ идеаломъ была общипанная Германія. Отказавшись отъ нѣмецкой Австріи, которая, благодаря политикѣ Меттерниха, была уже цѣлыя десятилѣтія отгорожена отъ остальной Германіи цензурной и таможенной стѣной, они добивались прусской наслѣдственной монархіи, отъ которой они ждали, что она сниметъ съ буржуазнаго класса черезчуръ стѣснительныя феодальныя и партикуляристическія оковы, но, въ общемъ, все осталось по старому. Эти господа никогда не чувствуютъ недостатка въ красивыхъ фразахъ, и въ данномъ случаѣ они благоговѣйно преклонялись передъ революціей, которая „благоговѣйно преклонилась передъ трономъ". Ихъ идеалъ, поэтому, остался нѣсколько скрытымъ, такъ какъ прусскій король пока лежалъ похороненнымъ подъ всеобщимъ презрѣніемъ.

Въ предварительномъ парламентѣ столкнулись противоположныя теченія, но побѣда монархическаго направленія была обезпечена съ самаго начала. Послѣднее имѣло за себя около 370 голосовъ противъ 150 республиканцевъ. Къ тому же надо замѣтить, что очаги этого карликоваго республиканизма были представлены далеко не пропорціально: на 52 вюртембергцевъ, 72 баденцевъ и 84 гессенцевъ пришлось только 2 австрійца и 141 представитель изъ Пруссіи. Предварительный парламентъ отклонилъ предложеніе объявить свои засѣданія непрерывными и тѣмъ

самымъ объявить непрерывную революцію. Онъ вмѣсто этого назначилъ комиссію изъ пятидесяти членовъ, которой было поручено совмѣстно съ профильтрованнымъ бундестагомъ созвать народное представительство на основѣ всеобщаго избирательнаго права, при чемъ предоставлялось отдѣльнымъ государствамъ назначить прямые или двухстепенные выборы. Предварительный парламентъ рѣшилъ, что только Національное Собраніе должно выработать будущую конституцію Германіи, но компетенція Національнаго Собранія должна была распространяться также на рѣшеніе вопроса, войти ли въ соглашеніе съ правительствами, или нѣтъ. Къ этой двусмысленности предварительнаго парламента бундестагъ прибавилъ отъ себя другую двусмысленность, а именно, что онъ созвалъ „учредительное“ Національное Собраніе и поставилъ его цѣлью создать „конституцію въ согласіи съ правительствами и нѣмецкимъ народомъ“. Обѣ стороны вертѣлись вокругъ да около теоріи соглашенія: предварительный парламентъ не отвергалъ ея безусловно, а бундестагъ не рѣшался признать ее безъ оговорокъ. И тутъ, очевидно, дѣло должно было рѣшиться въ пользу той стороны, которая окажется сильнѣе. Пока еще превосходство силы было на сторонѣ предварительнаго парламента, и тѣмъ безсмысленнѣе было его отклоненіе предложенія закрѣпить свои рѣшенія созданіемъ вооруженной силы. Этимъ онъ сдѣлалъ эфемернымъ все суверенство будущаго Національнаго Собранія.

Ту роль, которую въ соединенномъ ландтагѣ играли Кампгаузенъ и Ганземаннъ, игралъ въ предварительномъ парламентѣ гессенскій мартовскій министръ фонъ Гагернъ, Зевсъ-Громовержецъ, какъ его величала преклоненная буржуазія за его громовой голосъ и густыя брови, или „глупѣйшій парень“ и „фразеръ“, какъ его гораздо вѣрнѣе оцѣнилъ практичный юнкеръ Бисмаркъ послѣ пятиминутной бесѣды съ нимъ. Самымъ значительнымъ представителемъ сѣверо-германскаго

мелкаго мѣщанства въ предварительномъ парламентѣ былъ Робертъ Блюмъ. Своей энергіей и своимъ ораторскимъ талантомъ онъ кое-какъ держалъ на должной высотѣ тяжеловѣсное собраніе: ему обязано собраніе тѣмъ, что оно не покрыло себя несмываемымъ позоромъ и не разбѣжалось, когда раздались крики о приближеніи вооруженной толпы народа; но, въ концѣ-концовъ, и онъ послѣ нѣкотораго колебанія и сопротивленія подчинился рѣшеніямъ большинства. Менѣе покладистыми были южно-германскіе мѣщане Гекеръ и Струве, горячія головы, при полной неясности взглядовъ. За ихъ неподчиненіе они были исключены изъ выборовъ въ комиссію пятидесяти, послѣ чего они увлеклись республиканскимъ бунтомъ въ Баденѣ, который закончился трагикомически.

Но на берлинскій вкусъ и эта водица предварительнаго парламента казалось черезчуръ крѣпкимъ виномъ. Король прусскій уже сталъ во главѣ конституціонной Германіи, а рейнская буржуазія совсѣмъ не была склонна передать свое дѣло въ руки баденскихъ или гессенскихъ мѣстныхъ знаменитостей. И поэтому министерство Кампгаузена распорядилось, опираясь на рѣшеніе, принятое бундестагомъ еще до собранія предварительнаго парламента, чтобы прусскіе депутаты въ Національное Собраніе выбирались соединеннымъ ландтагомъ. Но въ то время революціонное настроеніе было еще слишкомъ сильно, чтобы такой вызовъ могъ пройти безнаказанно, и по первому возраженію комиссіи пятидесяти Кампгаузенъ поспѣшилъ ретироваться. Соединенный ландтагъ долженъ былъ отмѣнить только что произведенные имъ выборы. Терпѣливо перенесъ соединенный ландтагъ передъ своей безславной кончиной и эту горькую обиду.

3. Парламенты.

Измѣна буржуазіи не проходила, конечно, безъ сильнаго сопротивленія со стороны революціонныхъ

элементовъ. Созывъ соединеннаго ландтага, двустепенные выборы, курьезная миссія соглашенія — все это вызывало въ Берлинѣ бурные протесты. Однако, буржуазіи удалось застигнуть революціонные элементы врасплохъ, ибо она обладала большимъ преимуществомъ: она, какъ классъ, уже вполнѣ сознавала' свои интересы, въ то время какъ среди мелкомѣщанскихъ и пролетарскихъ массъ господствовали еще совершенно смутныя тенденціи.

Иначе и быть не могло. Изъ политически совершенно мертваго существованія эти массы внезапно были вовлечены въ революціонное движеніе. Онѣ получили неограниченную свободу печати и собраній, послѣ того какъ въ продолженіе десятилѣтій у нихъ не было никакой возможности заниматься общественными дѣлами. Нѣтъ ничего удивительнаго, что онѣ на первыхъ порахъ крайне безпомощно обращались съ этимъ новымъ оружіемъ.

Мелкое мѣщанство было самымъ сильнымъ классомъ городского населенія, но его сила раздроблялась, благодаря его разобщенности. Оно еще было полно цеховыхъ предразсудковъ, и во множествѣ чиновничьихъ, военныхъ и столичныхъ городовъ оно по своимъ торговымъ и промышленнымъ дѣламъ находилось въ зависимости отъ двора, отъ юнкеровъ, отъ чиновниковъ и солдатъ. Значительная часть этого класса была, несмотря на все свое недовольство, настроена реакціонно; и если она иногда бунтовала, ее легко было повернуть назадъ какимъ-нибудь мѣткимъ реакціоннымъ словечкомъ. Что же касается болѣе развитыхъ элементовъ этого класса, то и ихъ чрезвычайно трудно было объединить. Въ раздробленной и экономически отсталой Германіи ихъ интересы и, соотвѣтственно этому, ихъ требованія были различны въ различныхъ государствахъ, и даже въ различныхъ провинціяхъ, а иногда даже въ различныхъ городахъ. Притомъ революція наводила страхъ даже на самыхъ

отважныхъ мелкихъ мѣщанъ, ибо чувствовалось, что революція не принесетъ съ собою золотого дна для самостоятельнаго ремесла, а создастъ поле битвы для современной классовой борьбы.

Для пролетаріата это, конечно, не было неожиданностью. Тѣмъ не менѣе, и онъ только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ крупная промышленность расширила его кругозоръ, пришелъ къ сознанію, что единственно необходимое для него, это—самоорганизація въ качествѣ класса современнаго буржуазнаго общества. Другіе и наиболѣе широкіе круги пролетаріата стояли еще на примитивной точкѣ зрѣнія едва пробудившагося классового сознанія. Они хотѣли, какъ о томъ говорится въ „Коммунистическомъ манифестѣ", вернуть себѣ положеніе средневѣковаго рабочаго. Особенно это желаніе господствовало въ средѣ сельскаго пролетаріата. Въ большихъ городахъ, благодаря неизбѣжному отсутствію у рабочихъ яснаго пониманія политическаго положенія, благодаря ихъ неумѣнью оріентироваться въ тонкостяхъ государственнаго права и благодаря страшной нуждѣ, въ которой они находились—открылся широкій путь для всякаго рода демагоговъ съ сомнительной репутаціей, на подобіе ветеринару Урбану, бывшему лейтенанту Гельду, кондитору Карбе и т. д. Въ Берлинѣ теперь, именно, сказались послѣдствія того геніальничанія либеральныхъ ничтожествъ, которое бичевалъ Марксъ еще въ „Рейнской Газетѣ". Столичная интеллигенція выпустила уже всѣ свои заряды въ подготовленіяхъ къ борьбѣ, а когда дѣло дошло до настоящей борьбы—ею овладѣла апатія. Тотчасъ послѣ мартовскихъ дней начались также попытки натравливанія босяцкаго пролетаріата (Lumpenproletariat) со стороны абсолютистски-феодальной реакціи. Крики испуга буржуазіи объ опасности для собственности представляли слишкомъ удобный случай, чтобы реакція не поспѣшила использовать его.

Выборы въ германское и прусское собранія народ-

ныхъ представителей приковали къ себѣ всеобщее вниманіе. Парламенты могли и должны были исправить то, что было упущено въ первыя недѣли послѣ революціи. Одновременное засѣданіе двухъ парламентовъ уже достаточно показало, какъ измѣнилось все положеніе дѣлъ, благодаря измѣнѣ буржуазіи. Комиссія пятидесяти потребовала отъ правительствъ, чтобы они не созывали ландтаговъ раньше, чѣмъ франкфуртскій парламентъ выработаетъ германскую конституцію. Это требованіе имѣло большой смыслъ, при томъ лишь, однако, предположеніи, что германское народное представительство возьметъ на себя роль революціоннаго конвента. Но такъ какъ послѣднее не выходило за предѣлы предварительнаго парламента и комиссіи пятидесяти, то послѣдней надеждой германской революціи было прусское Собраніе, которое все же вело борьбу съ самымъ сильнымъ правительствомъ въ Германіи. Обращаясь къ прусскимъ народнымъ представителямъ, Іоганнъ Якоби рекомендовалъ имъ на первомъ же засѣданіи назначить изъ своей среды людей, пользующихся довѣріемъ—министрами и облечь ихъ широкими полномочіями, Собраніе же распустить до окончанія выработки конституціи. Съ паѳосомъ онъ при этомъ заявилъ, что никогда Германія не допуститъ, чтобы ея судьба зависѣла отъ о д н о г о города, отъ высокомѣрія зазнавшихся народныхъ массъ этого города. Якоби, очевидно, не сознавалъ, что не предварительный парламентъ и не комиссія пятидесяти, членомъ которой онъ состоялъ, а именно—„высокомѣріе“ берлинскаго пролетаріата вывело Германію изъ домартовской тины. Логика фактовъ заставила этого правдиваго и искренняго человѣка вскорѣ, послѣ произнесенія этой рѣчи, занять мѣсто въ прусскомъ Собраніи.

На выборахъ, которые для обоихъ парламентовъ произошли въ первыхъ числахъ мая, обнаружилось дѣйствіе всеобщаго избирательнаго права. Всѣ ро-

мантики вплоть до Арндта и Яна, всѣ домартовскія знаменитости разныхъ ландтаговъ и университетовъ посланы были во Франкфуртъ, въ „благородное“, но зато совершенно безсильное—собраніе. Въ прусскій парламентъ были выбраны новые люди, частью весьма практичные. Въ первый и послѣдній разъ въ Пруссіи сельскій пролетаріатъ получилъ парламентское представительство въ полсотню голосовъ. Зато тутъ почти совершенно отсутствовало дворянство; въ силезскомъ Эльдорадо выбранъ былъ только одинъ юнкеръ. Изъ Лауенбурга былъ посланъ сельскій учитель, изъ Шлаве—безземельный крестьянинъ, изъ Рюгенвальде—писецъ суда, изъ Нейштеттина—полукрестьянинъ, изъ Белгарда — мясникъ, даже юнкерская крѣпость Штольпа послала ассесора Лотаря Бухера.

О настоящей борьбѣ партій не могло быть и рѣчи при выборахъ, такъ какъ тогда еще не было партій. Даже въ Берлинѣ случалось, что изъ двухъ депутатовъ, выбранныхъ одними и тѣми же выборщиками, одинъ занималъ мѣсто на крайней правой, а другой на крайней лѣвой Національнаго Собранія. Новый органъ берлинской буржуазіи, „Nationalzeitung“, основанный ею послѣ того какъ „Zeitungshalle“ оказалась слишкомъ строптивой, а старыя филистерскія газеты обнаружили всю свою ограниченность, бродилъ еще въ потемкахъ и отмѣтилъ избраніе Вальдека въ Берлинѣ, какъ успѣхъ реакціи. Новое народное представительство, если оно, дѣйствительно, хотѣло очистить авгіевы конюшни стараго режима, безспорно нуждалось въ дисциплинированныхъ силахъ; и въ сущности не было такъ глупо, какъ это могло показаться на первый взглядъ, что избиратели обращали свои взоры на людей, причастныхъ къ правящимъ кругамъ въ церкви, школѣ и государствѣ, особенно же, если эти люди были свободны отъ романтической реакціи и были настроены болѣе или менѣе свободолюбиво. Священники, учителя, судьи были выбраны во множествѣ мѣстностей.

Къ тому же цеховая изолированность адвокатуры создала своего рода юридическій пролетаріатъ, изъ котораго цѣлый рой недовольныхъ ассесоровъ попалъ въ парламентъ. Буржуазія большихъ городовъ съ особымъ предпочтеніемъ выбирала юридически образованныхъ людей изъ бюрократіи, сознавая свое собственное недостаточное образованіе.

Однако, невыгоды отъ этого вполнѣ понятнаго и до извѣстной степени неизбѣжнаго преобладанія чиновниковъ въ берлинскомъ Собраніи скоро сказались. Юридическій формализмъ часто сводилъ Собраніе съ вѣрнаго пути. Священники и учителя, къ которымъ все время придирался Эйхгорнъ, оказались весьма ненадежными неофитами, а прусскіе бюрократы все же оставались прусскими бюрократами, т. е. людьми, у которыхъ, по выраженію одного изъ нихъ, благодаря утонченной дрессировкѣ переломаны всѣ умственныя и нравственныя ребра. Все это въ рѣшительную минуту сыграло роковую роль.

Лишь постепенно образовались въ Собраніи четыре фракціи, чрезвычайно неопредѣленно размежеванныя и съ почти одинаковыми программами, однако, различимыя по ихъ соціальной структурѣ. Наиболѣе многочисленная, обнимающая почти половину Собранія, правая была министерской фракціей; она принципіально отвергала феодализмъ со всѣми его послѣдствіями, на практикѣ же она была готова ко всякимъ компромиссамъ съ монархіей и дворянствомъ. Во главѣ ея стояли: рейнскій юристъ Рейхенспергеръ, силезскій фабрикантъ Мильде, померанскій профессоръ Ваумштаркъ и обербюргермейстеръ города Пренцлау, Грабовъ. Мильде былъ первымъ, Грабовъ вторымъ предсѣдателемъ Собранія.

Къ правой примыкалъ правый центръ, отличавшійся отъ первой приблизительно такъ, какъ династическая оппозиція во Франціи отличалась отъ послушнаго большинства Гизо. И эта фракція не прочь была

ѣсть изъ одной тарелки съ монархіей и дворянствомъ, но желала глубже, чѣмъ правая, зачерпать ложкой. Ея вождемъ былъ фонъ Унру, родомъ изъ восточной Пруссіи, сынъ генерала; вначалѣ онъ былъ обычнымъ бюрократомъ, но впослѣдствіи дѣла его по строенію желѣзныхъ дорогъ приблизили его къ сферѣ интересовъ буржуазіи; столъ буржуазіи, очевидно, пришелся ему болѣе по вкусу, чѣмъ столъ бюрократіи. Готовый каждую минуту предать народныя массы, онъ упорно торговался за цѣну такого предательства. Къ тому-жъ это была крайне тщеславная натура; онъ постоянно принималъ видъ прямодушнаго честнаго малаго, для котораго общее дѣло—все, а личные интересы ничто. На ряду съ нимъ и также за нимъ стояли берлинскій членъ магистрата Дункеръ, штеттинскій городской синдикъ Гирке и ассесоръ Пилетъ изъ Стендаля. Послѣдній раньше занимался упорядоченіемъ помѣщичьи-буржуазныхъ отношеній и на практикѣ научился промывать дворянскую шубу, не омочивши ея.

Въ лѣвомъ центрѣ сидѣли идеологи буржуазіи. Эта фракція походила на республиканскую оппозицію при Луи Филиппѣ, съ той только разницей, что она знать ничего не хотѣла о республикѣ. Ихъ объединяли общіе интересы буржуазіи, какъ класса; и эти интересы они защищали принципіально и шире смотрѣли на свою задачу, чѣмъ гешефтмахеры правой и праваго центра. Бухеръ и Родбертусъ, вожди лѣваго центра, безспорно наиболѣе сильные умы въ Собраніи, но, какъ выходцы Помераніи, самой отсталой въ политическомъ отношеніи провинціи, они были лишены всякой революціонной энергіи. До извѣстной степени имъ не было чуждо пониманіе историческаго развитія, но меньше всего они были борцами, а скорѣе принадлежали къ типу кабинетныхъ ученыхъ. Когда рѣчь шла о соціальныхъ и экономическихъ вопросахъ Родбертусъ ни разу не бралъ слова, въ то время какъ,

именно, эти вопросы онъ бы разбиралъ лучше всякаго другого. Зато онъ былъ крайне словоохотливъ въ области германскаго вопроса, гдѣ онъ давалъ волю своимъ утопическимъ влеченіямъ и строилъ одинъ воздушный замокъ надъ другимъ. Критика Бухера дѣйствовала сильнѣе, но ему недоставало той соціальной независимости, которой пользовался Родбертусъ. Затхлая атмосфера домартовской Германіи не дала развиться безспорно огромнымъ дарованіямъ Бухера. Съ дѣтства онъ долженъ былъ пробиваться въ мелочныхъ условіяхъ жизни, а это лишило его характеръ всякой рѣшимости. Насквозь мѣщанинъ съ практическимъ чутьемъ, Шульце-Деличъ изъ Саксоніи былъ далеко не такъ образованъ и не такъ дальновиденъ, какъ Родбертусъ и Бухеръ, но находился подъ ихъ непосредственнымъ вліяніемъ. Въ послѣдніе дни Собранія вступилъ въ лѣвый центръ, прошедшій на дополнительныхъ выборахъ, Циглеръ, обербюргермейстеръ города Бранденбурга, настоящій типъ прусской демократіи, которая осмѣливается вступить въ обѣтованную землю буржуазныхъ свободъ лишь на костыляхъ стараго Фрица (Фридриха Великаго), — человѣкъ, далеко превосходившій Шульце своимъ практическимъ организаціоннымъ талантомъ и обладавшій болѣе глубокимъ пониманіемъ соціальныхъ вопросовъ, но такъ же, какъ Родбертусъ, находившійся надъ гипнозомъ прусской государственной идеи.

Четвертую фракцію образовала лѣвая. Ея даже нельзя сравнивать съ демократически-соціалистической партіей Ледрю-Роллена и Луи Блана. Ея ограниченный мелкомѣщанскій характеръ особенно рѣзко пробивался сквозь республиканскія или даже коммунистическія идеи нѣкоторыхъ ея членовъ. Въ своей массѣ она представляла наиболѣе радикальные элементы сѣверо-германскаго мелкаго мѣщанства. Она обладала большей рѣшимостью, чѣмъ лѣвый центръ, но ея политическій кругозоръ не былъ шире. Это

относится также къ ея вождямъ, Іоганну Якоби и Вальдеку. Якоби не понималъ характера классовой борьбы своего времени. Онъ былъ человѣкомъ строгихъ принциповъ, но принципы его были мелкомѣщанскіе, и они гнулись, какъ хрящъ, когда ими приходилось мѣрить революціонныя вздрагиванія пролетаріата. Послѣднія иногда ему казались „справедливыми требованіями трудящагося класса“, иногда же онъ въ нихъ находилъ только „анархическія безобразія черни, не желающей работать“. Якоби постоянно крѣпко цѣплялся за абстрактныя формулы. Вальдекъ же, напротивъ, стоналъ подъ тяжестью огромной массы конкретностей. Его обожатели сравнивали его съ типомъ деревенскаго судьи, выведеннаго Иммерманномъ, — и не безъ основанія. Въ своемъ родѣ это была сильная личность, но онъ былъ полонъ всякихъ причудъ. Онъ былъ фанатичнымъ прусскимъ и строгимъ монархистомъ, размахивалъ „мечемъ Фридриха Великаго“, точь въ точь, какъ иммерманскій судья потрясалъ воздухъ мечомъ Карла Великаго. Его называли „крестьянскимъ королемъ Вестфаліи“. Онъ, дѣйствительно, по своему любилъ и понималъ крестьянина, но только крестьянина-хозяина, а не крестьянина-пролетарія. Онъ отрицалъ, что всеобщее избирательное право составляетъ соціальный вопросъ для рабочаго населенія. Онъ былъ правовѣрнымъ католикомъ; онъ также былъ сознательнымъ бюрократомъ, находилъ ниже своего достоинства выступать на народныхъ собраніяхъ. Свой парламентскій мандатъ онъ превратилъ въ какой-то жреческой санъ, который долженъ изолировать себя отъ практической жизни.

Эти четыре фракціи лишь постепенно выкристаллизовались изъ Собранія. Раньше всего выдѣлилась лѣвая и правая, между которыми проводилъ демаркаціонную линію споръ о принципѣ соглашенія. Оба центра долго колебались, какъ въ числѣ своихъ членовъ, такъ и въ своей политикѣ; сначала эти колебанія имѣли

сильный наклонъ къ правой, но съ ростомъ контръ-революціи они отодвинулись въ сторону лѣвой. Лѣвая насчитывала вначалѣ отъ сорока до пятидесяти членовъ, и столько же имѣлъ каждый изъ обоихъ центровъ.

А министерство Кампгаузена продолжало свою измѣнническую политику. Оно позвало въ Берлинъ прогнаннаго народомъ принца прусскаго, который якобы имѣлъ выполнить въ Англіи какую-то „дипломатическую миссію". Кампгаузенъ всталъ „на защиту династіи", думая связать наслѣдника престола вѣрностью конституціонной монархіи и тѣмъ защищать самого себя. На самомъ дѣлѣ онъ своимъ призваніемъ принца въ Берлинъ далъ безголовой контръ-революціи новую голову, и къ тому еще чрезвычайно упрямую. Самъ принцъ лицемѣрилъ не больше, чѣмъ это требовалось обстоятельствами. Въ Кобленцѣ онъ при пріемѣ корпуса офицеровъ выразился вполнѣ искренно: „На васъ, господа, вся моя надежда". Въ Собраніи, куда онъ попалъ по выборамъ одного познанскаго избирательнаго округа, онъ хотя открыто призналъ себя сторонникомъ новаго порядка, но сдѣлалъ это такъ холодно и сдержанно, что никто не сомнѣвался въ его внутреннемъ желаніи возможно скорѣе устранить этотъ новый порядокъ.

На фонѣ нѣжной заботливости о династіи рѣзко выдѣлялось пренебрежительное отношеніе министерства Кампгаузена къ народному представительству. Министерство ничего не предприняло для облегченія народному представительству его первыхъ шаговъ, оно ничего не дѣлало для разрѣшенія путаницы, которая по необходимости должна была происходить въ Собраніи, гдѣ должны были столковаться четыреста непривыкшихъ къ парламентарнымъ пріемамъ людей. Даже съ правой, которая на первыхъ порахъ господствовала въ Собраніи, правительство не старалось завязать какія-либо сношенія. Оно удовольствовалось тѣмъ, что представило проектъ конституціи, неудачную копію

бельгійской конституціи, который, однако, никого не удовлетворилъ.

Неудивительно, что широкія массы берлинскаго населенія не обнаруживали особаго интереса къ Собранію, отъ котораго онѣ очень мало ждали. Для берлинскаго, какъ для франкфуртскаго парламента, было большимъ несчастіемъ, что они засѣдали въ такихъ городахъ, гдѣ не было сильнаго народнаго движенія. Имъ недоставало той огнедышащей почвы, которую имѣли подъ собой англійская и французская революціи въ Лондонѣ и Парижѣ. По временамъ берлинскія массы пытались случайными толчками встряхивать свой парламентъ, но массы эти были неорганизованы, и ихъ вспышки давали только реакціи возможность для веденія своей фальшивой политики и, въ концѣ-концовъ, послужили поводомъ для разгона народнаго представительства.

Самый сильный толчекъ послѣдовалъ 14 іюня, когда произошло нападеніе на арсеналъ. Послѣ того какъ Собраніе конституировалось, лѣвая внесла предложеніе, чтобы въ видахъ признанія революціи было заявлено въ протоколѣ, что борцы 18-го и 19-го марта снискали себѣ большія заслуги передъ отечествомъ. Но никто не защищалъ этого предложенія съ должной энергіей и ясностью. Въ порывѣ добродушія Шульце-Деличъ предложилъ выразить признательность баррикаднымъ борцамъ не столько за ихъ дѣйствія въ борьбѣ, сколько за ихъ дѣйствія после борьбы, т. е. — предложилъ принять нѣчто, почти противоположное тому, что предлагала лѣвая. Но народныя массы лучше понимали значеніе этого предложенія. Съ сильнымъ напряженіемъ онѣ слѣдили за двухдневными преніями парламента по поводу этого предложенія и толпами собирались вокругъ зала засѣданій. Предложеніе провалилось 196 голосами противъ 177. Собраніе приняло мотивированный переходъ къ очереднымъ дѣламъ, такъ какъ великое значеніе мартовскихъ событій, на кото-

рыхъ въ связи съ одобреніемъ короля покоится существующій государственный правовой порядокъ, неоспоримо, но, съ другой стороны, народное представительство не призвано произносить приговоры, а имѣетъ своей задачей войти въ соглашеніе съ короной по дѣлу конституціи. Этимъ былъ признанъ принципъ соглашенія, что вызвало сильный гнѣвъ народной толпы, осаждавшей залъ собранія. Графъ Арнимъ, покидая собраніе, считалъ еще своимъ долгомъ раздражать толпу заносчивыми фразами; но онъ долженъ былъ быстро убраться, равно какъ проповѣдникъ Сидовъ, который въ качествѣ священника на похоронахъ павшихъ баррикадныхъ борцовъ прославлялъ революцію, а потомъ въ качествѣ депутата отрицалъ ее.

Эти акты весьма кроткаго народнаго правосудія были использованы правой на засѣданіи 14 іюня, чтобы, въ виду грозящей народному представительству опасности, требовать особыхъ мѣропріятій для его охраны. Лѣвой удалось отбить это нападеніе, но возбужденіе толпы разрядилось въ нападеніи на арсеналъ. Если въ этомъ актѣ толпы выразилось также недовѣріе къ лѣвой, то спустя нѣсколько дней обнаружилось, что это недовѣріе имѣло свое основаніе. Безъ слова протеста, съ едва слышнымъ слабымъ шиканьемъ, лѣвая выслушала разсказни комиссара военнаго министра, что банда воровъ громила арсеналъ. Возможно, что въ то время уже удалось контръ-революціи смѣшать съ толпой нападавшихъ на арсеналъ нѣсколько воровъ и мошенниковъ, и возможно, что эти послѣдніе, эти поборники за престолъ и алтарь, похитили при этомъ нѣкоторыя вещи. Но сущность нападенія на арсеналъ была инстинктивно революціоннымъ отвѣтомъ на измѣну буржуазіи, измѣну, въ которой расписалось большинство Собранія своимъ непризнаніемъ заслугъ баррикадныхъ борцовъ. Вначалѣ нападеніе было удачно, и военная охрана арсенала принуждена была отступить. Но, раньше чѣмъ возставшая толпа успѣла во-

оружиться, подоспѣвшія войска ее разогнали. Гражданская милиція и въ этомъ случаѣ, какъ всегда, не преминула покрыть себя позоромъ.

Однако, это нападеніе на арсеналъ укрѣпило до извѣстной степени хребетъ парламента. Большинство членовъ правой, которая тогда уже хлопотала о перемѣщеніи Собранія въ отдаленный провинціальный городъ, изъ чувства страха отсутствовали на засѣданіи 15-го іюня. А лѣвой удалось провести рѣшеніе, что Собраніе не нуждается ни въ какихъ мѣрахъ охраны и ставитъ себя подъ охрану берлинскаго населенія. Тогда же было принято рѣшеніе принять правительственный проектъ конституціи, какъ „цѣнный матеріалъ" и передать его комиссіи, которая должна заняться переработкой этого проекта или выработкой новаго. Лѣвая и лѣвый центръ убѣдились, что пріобрѣтеніемъ бумажки еще не много сдѣлано. Вальдекъ воскликнулъ: „Мы должны начать строить снизу; мы должны раньше всего установить общину и уничтожить печальные остатки феодальнаго государства. Покуда мы этого не сдѣлали, мы еще ничего не сдѣлали; до сихъ поръ мы пахали песокъ и строили въ воздухѣ". Подобнымъ же образомъ высказался и Бухеръ: „Мы не должны пропустить ни одного дня безъ того, чтобы не уничтожить какую-либо часть побѣжденнаго прошлаго". Родбертусъ еще раньше внесъ предложеніе, по которому Собраніе должно было установить промысловый уставъ, общинный строй, налоговую систему, законъ объ обученіи и избирательный законъ, какъ органическія части конституціи.

Это былъ первый сильный натискъ. Онъ могъ повести гораздо дальше, чѣмъ это угодно было крупной буржуазіи. Послѣдняя поспѣшила предотвратить опасность новой измѣной.

4. Министерство Ганземанна.

Министерству Кампгаузена было выражено со стороны принца прусскаго нѣсколько прикрытое и со

стороны народнаго представительства совершенно явное недовѣріе. И Ганземаннъ особенно настойчиво и нетерпѣливо отстранялъ своего „уважаемаго друга“, который все еще носился со всякаго рода идеологическими угрызеніями совѣсти.

Ганземаннъ былъ того мнѣнія, что пассивное сопротивленіе по отношенію къ революціи уже сдѣлало свое дѣло, и что теперь уже пришла пора для активнаго нападенія на нее, что буржуазія, бывшая дотолѣ щитомъ для короны, должна теперь стать мечемъ, направленнымъ на народъ, что за „министерствомъ посредничества“ должно послѣдовать „министерство дѣла“, ибо необходимо во что бы то ни стало разоружать революцію, и поелико возможно также контръ-революцію. У него былъ выработанъ на этотъ случай чрезвычайно простой и геніальный планъ. Буржуазія должна принести въ жертву коронѣ народъ, взамѣнъ чего корона жертвуетъ буржуазіи дворянство. Довѣріе народнаго представительства можно пріобрѣсть, предоставляя каждой изъ его трехъ буржуазныхъ фракцій по портфелю. Ганземаннъ соединялъ въ себѣ всѣ качества хитраго буржуа по конституціонной системѣ колебаній Луи Филиппа, системѣ, только что завершившейся постыднымъ крахомъ. А что касается того, не справятся ли король и дворянство съ новоиспеченной буржуазіей, когда послѣдняя окончательно порветъ съ народомъ, то Ганземаннъ пока не задумывался надъ такими мелочами.

Пока что у короны было основаніе предоставить ему свободно властвовать, мастерской рукой была заброшена удочка, и Собраніе клюнуло. Ганземаннъ взялъ наудачу одного изъ Аурревальдовъ — ихъ было множество — и сдѣлалъ его президентомъ министровъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ; самъ онъ сохранилъ за собой министерство финансовъ, этотъ источникъ всѣхъ милостей; министерства юстиціи и внутреннихъ дѣлъ были замѣщены буржуазными бюрократами Мэр-

керомъ и Кюльветтеромъ, министерство торговли было отдано Мильде изъ правой, министерство сельскаго хозяйства — Гирке изъ праваго центра, министерство просвѣщенія — Родбертусу изъ лѣваго центра. При этомъ съ поразительной ясностью обнаружилось, что спасителю общества, Ганземанну, важнѣе всего получить нужные ему голоса, и что онъ меньше всего заботится о гражданскихъ реформахъ. Родбертусу, имѣвшему долголѣтнюю практику и солидное теоретическое образованіе по сельскому хозяйству, было ввѣрено управленіе дѣлами народнаго образованія, къ задачамъ котораго онъ никогда не обнаруживалъ склонности; а городской синдикъ Гирке, который, по собственному своему признанію, никогда не могъ отличить ячменя отъ овса и ржи отъ пшеницы, вступилъ во вновь основанное министерство сельскаго хозяйства, которое, главнымъ образомъ, было призвано смести сорную траву феодализма. Только въ военное министерство не удалось проникнуть буржуазіи. Тутъ царствовалъ генералъ Ротъ фонъ Шрекенштейнъ, который долженъ былъ представить призракъ прошлаго или устрашеніе для будущаго.

26-го іюня новый кабинетъ представился Собранію. Конституція на самой широкой демократической основѣ исчезла вмѣстѣ съ Кампгаузеномъ. Ея мѣсто заняла конституціонная монархія на удовлетворительной основѣ, двухпалатная система, отказъ отъ возврата къ абсолютизму и феодализму и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отказъ отъ свободы, вырождающійся въ анархію, возстановленіе нарушеннаго довѣрія, упроченіе кредита и, послѣ солиднаго основанія буржуазнаго господства, широкія реформы на благо всѣхъ трудящихся классовъ.

Лишь пару дней длилось это великолѣпіе. 28-го іюня германское Національное Собраніе, засѣдавшее во Франкфуртѣ, послѣ своихъ долгихъ фантастическихъ разговоровъ о своемъ заоблачномъ суверенитетѣ, рѣ-

шилось на „смѣлый шагъ“, предложенный предсѣдателемъ Гагерномъ: оно по собственной волѣ и въ сознаніи всей полноты своей власти назначило безотвѣтственнаго имперскаго правителя, каковаго оно выбрало изъ среды королевской фамиліи. Былъ выбранъ на этотъ постъ великій герцогъ Іоганнъ австрійскій, и этимъ національно-германское движеніе было отдано въ руки правительствъ. Трудно сказать съ опредѣленностью, совершилъ ли въ данномъ случаѣ Гагернъ сознательную измѣну въ пользу правительствъ, или же онъ, дѣйствительно, воображалъ, что у дома Габсбурговъ будутъ связаны руки, когда австрійскій великій герцогъ приметъ временную центральную власть, и что впослѣдствіи австрійскій дворъ не сможетъ препятствовать дому Гогенцоллерновъ принять наслѣдственную императорскую корону. Во всякомъ случаѣ, обманывался ли онъ самъ или обманывалъ другихъ, но его утвержденіе, что онъ своимъ „смѣлымъ шагомъ“ не предалъ суверенства націи, не сотвѣтствовало дѣйствительности,

Овцы обратились къ волкамъ съ предложеніемъ: мы васъ выберемъ нашими охранителями, но подъ однимъ условіемъ, чтобы вы не участвовали въ выборахъ; мы хотимъ по своей собственной волѣ и въ сознаніи полноты нашей власти принять рѣшеніе, что вы имѣете право насъ сожрать. Такое „суверенство націи“ пришлось, конечно, по вкусу правительствъ, однако, они не считали нужнымъ скрыть отъ рыцарей измѣны, что овцы остаются овцами. Бундестагъ заявилъ, что еще до избранія Іоанна германскимъ Національнымъ Собраніемъ правительства съ общаго согласія рѣшили признать этого имперскаго правителя. А въ прусскомъ Собраніи министерство Ганземанна, въ условія договора котораго съ прусской короной, очевидно, входила также измѣна дѣлу германскаго единства, возвѣстило, что оно хотя признаетъ избраніе имперскаго правителя, но оговариваетъ, „что изъ этого

траэксординарнаго инцидента не могутъ быть сдѣланы никакіе выводы для будущаго".

Этой оговоркой прусское правительство явно оспаривало суверенитетъ германскаго парламента, и Якоби поспѣшилъ внести предложеніе о выраженіи порицанія министерству Ганземанна. Но, именно, въ резолюціи, предложенной Якоби, вырисовалась вся безнадежная расплывчатость національно-германскаго вопроса. Онъ требовалъ, чтобы прусское Собраніе не одобрило избранія имперскаго правителя, и чтобы оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, признало, что германское Собраніе имѣетъ право утвердить выборы безъ предварительнаго согласія правительствъ. Логически это предложеніе было вполнѣ корректнымъ, но фактически оно должно было свестись приблизительно къ слѣдующему заявленію германскому парламенту: Ты сдѣлалъ большую глупость, но ты имѣешь неограниченное право дѣлать такія глупости. Послѣ чрезвычайно путанныхъ дебатовъ резолюція Якоби была отклонена. Однако, этотъ инцидентъ обозначалъ скорѣе пораженіе, чѣмъ побѣду министерства. Большинство, голосовавшее противъ резолюціи Якоби, руководилось при этомъ чрезвычайно разнообразными мотивами. Родбертусъ послѣ этого подалъ въ отставку. Онъ по своему честно относился къ германскому единству, и не хотѣлъ нанести ему ударъ изъ-за угла, какъ о томъ сговорились Ганземаннъ съ прусской короной и съ дворянствомъ. Послѣ ухода своего вождя изъ министерства лѣвый центръ началъ приближаться къ лѣвой.

Гораздо существеннѣе, чѣмъ отъ франкфуртской трагикомедіи, министерство Ганземанна пострадало отъ трагедіи, разыгравшейся во Франціи. Жестокое подавленіе парижскаго пролетаріата въ ужасные іюньскіе дни казалось удовлетворило всѣ тайныя сердечныя вожделѣнія европейской буржуазіи. Бауміштаркъ не постѣснялся громогласно и съ торжествомъ заявить въ прусскомъ Національномъ Собраніи, что онъ считаетъ

„однимъ изъ счастливѣйшихъ событій во всей Европѣ то, что этотъ вопросъ такъ блестяще похороненъ навсегда во Франціи". Но на дѣлѣ вышло такъ, что буржуазія, убивъ парижскій пролетаріатъ, убила свое политическое господство. Франкфуртскій сентябрь, вѣнскій ноябрь, берлинскій ноябрь были ничѣмъ инымъ, какъ отголосками парижскаго іюня.

При такихъ обстоятельствахъ дѣла „дѣлового министерства" сводились къ тому, чтобы проложить дорогу старопрусскому чиновничьему, полицейскому и военному государству. Не спрашивая Собранія, Ганземаннъ увеличилъ составъ столичной полиціи институтомъ стражниковъ въ 1,600 человѣкъ, которые поспѣшили перещеголять даже домартовскую полицію массой беззаконныхъ арестовъ, постоянной провокаціей мирной уличной публики, своими беспримѣрными грубостями, отъ которыхъ пострадалъ даже Родбертусъ, извѣстный своими спокойными и аристократическими манерами. Когда Шульце-Деличъ жаловался на это, указывая, что „эти бабочки новой народной весны" гораздо хуже безчинствуютъ, чѣмъ „старыя зимнія птицы, жандармы", Кюльветтеръ, министръ внутреннихъ дѣлъ, возразилъ на это, совершенно игнорируя 18-е марта: „Государство, которое хочетъ наслаждаться настоящей свободой, должно, именно, имѣть, какъ исполнительную власть, хорошую полицію". Напрасно Родбертусъ предлагалъ, чтобы правительство заднимъ числомъ внесло законъ о правахъ стражниковъ; правая и правый центръ провалили это предложеніе. Собраніе удовольствовалось протестомъ, не имѣвшимъ, конечно, никакого дѣйствія. По предложенію Вальдека, оно приняло законъ для защиты личной свободы, и этотъ законъ получилъ также одобреніе короны. На бумагѣ это имѣло недурной видъ, но только на бумагѣ. Наряду съ беззаконными арестами шли многочисленные судебные процессы за преступленія печати на основаніи общаго права. И когда систематически раздра-

жаемыя массы совершили ничтожное нарушеніе порядка, разбивъ окна въ домѣ президента министровъ, министерство выработало законъ, который долженъ былъ совершенно свести къ нулю свободу собраній.

„Органическіе законы", которыми началъ свою дѣятельность Ганземаннъ, покоились на той же основѣ, на которой французская буржуазія законодательствовала восемнадцатъ лѣтъ подрядъ при Луи Филиппѣ, съ той, однако, разницей, что законодательная дѣятельность Ганземанна не обнаруживала по отношенію къ коронѣ и къ дворянству даже того буржуазнаго самосознанія, которымъ обладалъ заурядный парижскій бакалейщикъ. Законопроекты Ганземанна объ общинномъ строѣ и объ организаціи гражданской милиціи имѣли своей цѣлью предоставить всѣ пріобрѣтенія мартовской революціи исключительно буржуазіи и не дать притронуться къ нимъ пролетаріату. Типичнымъ для этого рода законодѣланія является законъ о гражданской милиціи, который послѣ паденія министерства Ганземанна, былъ взятъ обратно. По этому закону гражданская милиція должна охранять „конституціонную свободу и законный порядокъ", но отдѣльныя постановленія ея устава дѣлали ее наполовину безполезной игрушкой и наполовину вооруженной полицейской силой. Служебная повинность начиналась 24 годомъ и кончилась 50 годомъ жизни. Поступающіе въ милицію должны были вооружаться на свой счетъ. Несостоятельнымъ должна была доставлять оружіе община. Въ то же время общинамъ дано было право призывать къ службѣ лишь двадцатую часть населенія, что дало возможность не допустить къ милиціонной службѣ двѣ трети или даже три четверти лицъ милиціоннаго возраста и, прежде всего, конечно, закрыть доступъ въ милицію неимущему пролетаріату. Сверхъ того, законъ этотъ содержитъ въ себѣ массу бюрократическихъ мелочныхъ предписаній, изъ которыхъ одно, а именно—постановленіе, что корона имѣетъ

право „по важнымъ причинамъ, подробно изложеннымъ въ указѣ о распущеніи“, распустить милицію нѣкоторыхъ общинъ или округовъ, — обратило весь законъ въ фикцію и поставило добытое въ мартовской революціи воруженіе народа въ зависимость отъ произвола короны. И при всемъ томъ противъ этого самоубійственнаго акта голосовали только лѣвая и часть лѣваго центра.

Пока дѣло сводилось къ тому, чтобы сдѣлать безправнымъ и держать въ угнетеніи пролетаріатъ, корона и дворянство охотно предоставляли свободу дѣйствія „дѣловому министерству“. Но когда благонамѣренный Ганземаннъ захотѣлъ подстричь немного и феодальное общество — корона и дворянство начали сильно противиться. Этотъ трезвенный дѣловой человѣкъ впалъ, очевидно, въ поэтическую мечтательность, воображая, что корона такъ же охотно пожертвуетъ ему дворянство, какъ онъ пожертвовалъ коронѣ народъ.

Королю было весьма пріятно, что буржуазія вытащила для него каштаны изъ огня, о который онъ такъ недавно обжегъ свои августѣйшіе пальцы, но съѣсть эти каштаны онъ хотѣлъ одинъ. Придворные воспользовались его легковѣріемъ и создали для него ткань изъ невѣроятныхъ вымысловъ о происхожденіи и ходѣ мартовской революціи. Въ своихъ откровенныхъ письмахъ къ Бунзену король называетъ либерализмъ „сухоткой спинного мозга“, „Богомъ проклятымъ, грѣшнымъ безуміемъ“, а своихъ либеральныхъ министровъ онъ ругаетъ „вѣтропрахами“ и „интриганами“. Ганземаннъ же, проявлявшій безусловную наглость въ дѣлѣ угнетенія народныхъ массъ, былъ въ своихъ требованіяхъ къ абсолютизму и феодализму чрезвычайно скроменъ. При устраненіи судебной касты онъ, однако, оставилъ этотъ институтъ для войска и для высшихъ учебныхъ заведеній, при чемъ онъ нашелъ поддержку въ юридическомъ формализмѣ Собранія. Къ феодальнымъ

повинностямъ и отработкамъ онъ не посмѣлъ даже прикоснуться, и весь грабежъ, который позволяли себѣ дворяне по отношенію къ крестьянамъ, оставался безнаказаннымъ. Законопроектъ объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ тяготъ, внесенный министромъ сельскаго хозяйства Гирке, имѣлъ только безвозмездно упразднить ничтожную и для дворянства совершенно безцѣнную часть феодальныхъ тяготъ. Этимъ закономъ хотѣли, не причинивъ боли помѣщикамъ, пустить много пыли въ глаза крестьянамъ.

Только въ одной области Ганземанна покидало его добродушіе, въ области финансовъ. Государственные доходы упали, расходы повысились, а кредитъ былъ истощенъ. Подъ знаменіемъ принудительнаго займа началъ Ганземаннъ свое правленіе. Чтобы наложить прочную финансовую основу для буржуазнаго господства съ возможно малыми затратами, Ганземаннъ намѣревался до извѣстной степени перестроить старопрусскую финансовую систему. Какъ чистокровный буржуа, онъ ненавидѣлъ всякое государственное производство, государственныя земли онъ хотѣлъ раздѣлить на мелкіе участки, государственный банкъ превратить въ частный банкъ, распустить „морскую компанію", продать частнымъ предпринимателямъ казенныя фабрики, „даже если бы пришлось при этомъ понести убытки". Онъ началъ съ того, что распродалъ за безцѣнокъ большія прядильныя и ткацкія фабрики, которыя устроила морская компанія въ силезскихъ горахъ. Онъ высказывался противъ нѣкоторыхъ косвенныхъ налоговъ за то, что они, повышая цѣну предметовъ первой необходимости, ведутъ къ повышенію заработной платы. Зато онъ поощрялъ обложеніе крупныхъ помѣщиковъ. Онъ выработалъ законопроекты о повышеніи налога на водку и на сахаръ и объ отмѣнѣ феодальнаго освобожденія отъ поземельнаго налога.

Онъ гордился этими мѣропріятіями, которыя должны были, по его мнѣнію, поражать реакцію въ самый

ея корень. И, дѣйствительно, феодальные тузы подняли страшный вой „съ Богомъ за короля и отечество". Однако, то, что потерялъ Ганземаннъ на этой сторонѣ, ему далеко не было возмѣщено съ другой стороны. Реакціонная сторона его политики вызвала недовѣріе народныхъ массъ къ ея soi disant революціонной сторонѣ. Народъ полагалъ, что не его дѣло набивать фискальный мѣшокъ того министерства, чья полицейская палка подавляла всѣ справедливыя народныя требованія, что не его дѣло укрѣпить ту государственную силу, которая только и дѣлала, что уничтожала всѣ пріобрѣтенія мартовской революціи. И эта мысль примѣшивала немало горечи къ радости лѣвой фракціи по поводу проектрируемой Ганземанномъ отмѣны освобожденія крупныхъ помѣщиковъ отъ поземельнаго налога. Къ тому же повышеніе акциза на водку подняло цѣну предмета потребленія, ставшаго уже необходимымъ для широкой массы, и поставило буржуазныхъ винокуровъ изъ Рейнской провинціи въ очень невыгодное положеніе въ ихъ конкурренціи съ крупными помѣщиками Восточной Эльбы. При всей своей хитрости „дѣловое министерство" подпиливало сукъ, на которомъ оно только и могло сидѣть, и абсолютистски. феодальная реакція поспѣшила спровадить его съ пинкомъ въ придачу.

Благодаря беспомощной политикѣ буржуазіи, реакція оправилась отъ ударовъ, полученныхъ ею весной. Вначалѣ она организовала войну оставшихся ей вѣрными провинцій противъ мятежной столицы, войну, проведенную съ большимъ шумомъ, но имѣвшую весьма малое значеніе. Но несравненно важнѣе было то, что она быстро приняла рѣшеніе самой стать на почву революціи. Она создала себѣ парламентъ и печать. Общество „для защиты собственности" — вѣрный инстинктъ народа окрестилъ его „юнкерскимъ парламентомъ" — засѣдало въ іюлѣ бокъ-о-бокъ съ берлинскимъ Собраніемъ. Съ начала того же мѣсяца

„Крестовая Газета“ стала знаменемъ, вокругъ котораго сгруппировались разлетѣвшіеся обломки феодальной партіи. Ея основателемъ былъ Германъ Вагенеръ, который велъ ее съ достаточой злобой и враждой, но не обнаруживалъ при этомъ ни глупости ни трусости.

„Крестовая Газета“ не убивала драгоцѣннаго времени на бравированіе „щитомъ династіи“. Въ одномъ изъ своихъ пробныхъ номеровъ она категорически „отвергла всякій абсолютизмъ, будь то обыкновеннаго человѣка или княжескаго рода. Она поняла, что теперь невозможно управлять домартовскимъ способомъ. Она заявила, что она за конституцію и что она менѣе всего чувствуетъ симпатіи къ централизованной бюрократіи. Вагенеръ задался цѣлью организовать крупныхъ землевладѣльцевъ, какъ классъ современнаго буржуазнаго общества, такъ какъ послѣднее уже ясно стало неизбѣжной необходимостью. Юнкера, по его мнѣнію, должны научиться забаррикадироваться на конституціонномъ театрѣ войны, чтобы помѣшать покоренію короны побѣдоносно двигающейся впередъ буржуазіей. Вегенеръ сильно нападалъ на министерство. Планы Ганземанна онъ назвалъ „конфискаціонными планами“, по которымъ, если они осуществятся, будутъ выброшены милліоны государственныхъ и частныхъ имуществъ въ окно, и пойдутъ они не на пользу бѣдныхъ, а въ мошну состоятельныхъ людей; эти планы должны, по его мнѣнію, привести къ экспропріаціи крупнаго землевладѣнія и къ отчужденію его отъ вѣрности престолу. Онъ угрожающее доказывалъ коронѣ, что она своимъ согласіемъ на приведеніе въ исполненіе этихъ плановъ хищенія очутится по отношенію къ крупному землевладѣнію въ положеніи иноземнаго завоевателя. „Ганземаннъ шествуетъ впереди революціи и размахиваетъ краснымъ знаменемъ“. Все это были, конечно, до комизма преувеличенныя разглагольствованія, но только такими съ ногъ сшибательными фразами Вагенеръ

могъ вдолбить въ крѣпкія головы юнкеровъ, что наступило новое время, которое требуетъ примѣненія новой тактики.

Этотъ воспитательный процессъ длился довольно долго, и Вагенеръ, въ концѣ-концовъ, своей цѣли не вполнѣ достигнулъ. А въ это время политика буржуазіи выбрала болѣе короткій путь. Юнкера, будучи господствующимъ классомъ въ продолженіе столѣтій, прекрасно знали, что въ борьбѣ между различными классами рѣшаетъ дѣло организованная сила, и они скоро ухватились за свой главный козырь, за войско, чтобы имъ побить революцію. Вся ихъ программа исчерпывалась въ извѣстной поговоркѣ: Gegen Demokraten helfen nur Soldaten — противъ демократовъ дѣйствительны лишь солдаты.

Крушеніе режима вскрыло также глубокія язвы въ прусской арміи. Въ мартовскіе дни многіе генералы потеряли голову и покрыли себя позоромъ, обнаруживши невѣроятную трусость. Съ другой стороны, многіе молодые офицеры присоединились къ революціи. Даже во время штурма на арсеналъ лейтенантъ Теховъ пожертвовалъ своей блестящей карьерой, чтобы стать на сторону народа. Тѣмъ не менѣе, въ общемъ, послѣ мартовскихъ дней корпоративный духъ арміи очень быстро побѣдилъ проявившіяся въ ней оппозиціонныя волненія, и гораздо быстрѣе, чѣмъ въ чиновничьей средѣ. Кампгаузенъ и Ганземаннъ изъ кожи лѣзли вонъ, чтобы подавленіемъ польскихъ повстанцевъ и бряцаніемъ сабель противъ Даніи воскресить домартовскій милитаризмъ. Вмѣсто того, чтобы направить польскую революцію противъ смертельнаго врага, противъ Россіи, и, вмѣсто того, чтобы серьезной войной освободить Шлезвигъ-Гольштинію, эти мудрые государственные мужи рѣшили лучше предать національные интересы, чѣмъ они блестяще отточили мечъ, направленный на ихъ собственныя головы.

И когда французская армія въ ужасномъ уличномъ

бою одержала побѣду надъ парижскимъ пролетаріатомъ, тесакъ нѣмецкихъ юнкеровъ рвался изъ ноженъ наружу. Офицеры съ каждымъ днемъ усиливали свои высокомѣрныя, вызывающія выходки. Какъ выразился Вальдекъ, „старая военная система, съ которой, казалось, окончательно порвали въ мартовскіе дни, продолжала существовать въ наиполнѣйшей полнотѣ". Это нисколько не смущало Ганземанна, который постоянно дрожалъ только за цѣлость буржуазной наживы, но большинство Собранія, слѣдовавшее за нимъ во всемъ, однако, испугалось, когда пришло извѣстіе о кровавой банѣ, учиненной привыкшимъ со времени возстанія ткачей къ кровопролитію гарнизономъ Швейдница въ средѣ гражданской милиціи.

Комендантъ Швейдница по какому-то капризу запретилъ гражданской милиціи барабанный бой. За этотъ геройскій подвигъ онъ былъ награжденъ кошачьимъ концертомъ. Гражданская милиція выступила, чтобы разогнать непрошенныхъ концертистовъ, но была встрѣчена залпами одной роты пѣхоты, засѣвшей въ домѣ коменданта. Было дано 102 выстрѣла, 14 милиціонеровъ были убиты на мѣстѣ, 32 ранены, большинство тяжело. Эта кровавая баня открыла берлинскому Собранію глаза на настоящее положеніе вещей. По предложенію Штейна, изъ лѣвой, оно 9-го августа потребовало отъ военнаго министра, чтобы былъ изданъ приказъ по войску, предостерегающій офицеровъ отъ всякихъ реакціонныхъ поползновеній и отъ конфликтовъ съ гражданами, рекомендующій имъ сближеніе съ гражданами и искреннюю преданную службу для осуществленія конституціоннаго правового строя, и, наконецъ, ставящій на видъ тѣмъ офицерамъ, политическія убѣжденія которыхъ не мирятся съ этимъ, что долгъ чести требуетъ отъ нихъ добровольнаго выступленія изъ арміи. Былъ сдѣланъ весьма робкій шагъ, но предложеніе о долгѣ чести прошло только съ большинствомъ одного голоса. А министерство Ган-

земанна считало, что оно сдѣлало все отъ него зависящее, когда оно оставило это рѣшеніе собранія безъ всякаго вниманія.

Другимъ маneромъ, но не менѣе настойчиво, прусскій милитаризмъ разбудилъ германское Національное Собраніе изъ его сладкой дремоты. Со времени назначенія имперскаго правителя оно проводило свое время въ безконечныхъ разговорахъ о бумажныхъ основныхъ правахъ. И оно еще разъ было околпачено благороднымъ Гагерномъ, который въ своемъ кругу признался, что, по его мнѣнію, нужно выждать время, пока прусскій король настолько оправится отъ всеобщаго презрѣнія къ нему, что можно будетъ его провозгласить германскимъ императоромъ. Гагернское большинство нашло себѣ также развлеченіе въ интересномъ зрѣлищѣ, когда одинъ изъ членовъ мелко-буржуазнаго демократическаго меньшинства вздумалъ помѣшать процессу нравственной поправки прусскаго короля своимъ заявленіемъ, что республиканецъ Гекеръ не меньше заслуживаетъ амнистіи, чѣмъ реакціонный принцъ прусскій. Изъ-за этого безобиднаго и для Гекера во всякомъ случаѣ неособенно лестнаго выраженія „суверенные“ народные представители чуть было не пустились въ рукопашную. Прусскій король даже не считалъ нужнымъ реагировать на это чрезмѣрную почтительность собранія. Онъ меньше всего интересовался имперскими властями, и 26-го августа онъ заключилъ въ Мальмэ перемиріе на семь мѣсяцевъ съ датскимъ правительствомъ,—перемиріе, условія котораго, невѣроятно позорныя для Германіи, были достойны жалкихъ прусскихъ военныхъ дѣйствій въ Шлезвигъ-Гольштиніи.

Войну начала прусская корона, чтобы засвидѣтельствовать свое національно-нѣмецкое призваніе, чтобы привести въ исполненіе рѣшеніе германскаго союза, между тѣмъ, какъ наслѣдіе бундестага перешло къ германскому національному собранію. Еще 9 іюня

оно торжественно приняло рѣшеніе не заключать мира, который бы нанесъ ущербъ правамъ герцогствъ или чести Германіи. А заключивъ перемиріе въ Мальмэ, прусское правительство пожертвовало и тѣмъ и другимъ: и правами герцогствъ, и честью Германіи. Теперь, именно, послѣ всѣхъ своихъ пустыхъ рѣшеній и рѣчей Національное Собраніе должно было впервые на практикѣ испытать, представляетъ ли оно собою силу, съ которой такъ или иначе приходится считаться, или нѣтъ. 5-го сентября оно объявило договоръ, заключенный въ Мальмэ, недѣйствительнымъ, и рѣшило съ большинствомъ въ 17 голосовъ, что мѣропріятія для приведенія въ исполненіе заключеннаго перемирія должны быть пріостановлены.

Вслѣдъ затѣмъ сложило свои полномочія, такъ называемое, имперское министерство, тотъ призрачный кабинетъ имперскаго правителя Іоганна, въ которомъ австріецъ Шмерлингъ и пруссакъ Пейкеръ, при всемъ соперничествѣ между собою, единодушно работали надъ тѣмъ, чтобы сдѣлать германскій парламентъ всеобщимъ посмѣшищемъ. Тогда имперскій правитель, по конституціонному шаблону, поручилъ вождю большинства 5-го сентября образовать новое министерство. Этимъ вождемъ оказался Дальманнъ, чистѣйшій типъ доктринерскаго профессорскаго либерализма домартовскаго періода. По своей личной неспособности къ энергичнымъ дѣйствіямъ онъ отражалъ въ себѣ полное безсиліе германскаго парламента. Спустя нѣсколько дней онъ передалъ ухмыляющемуся имперскому правителю, что онъ не въ состояніи выполнить это порученіе, и 16-го сентября Національное Собраніе кассировало свое рѣшеніе и большинствомъ въ 21 голосъ утвердило заключенное перемиріе.

Этимъ оно само себя уничтожило, морально и политически. Плоды мартовской революціи оно постыднѣйшимъ образомъ разбросило, и теперь только оставалось одно спасеніе, одинъ выходъ: новая революція. Ты-

сячи самоотверженныхъ борцовъ собирались изъ окрестностей во Франкфуртъ и требовали, чтобы лѣвыя фракціи объявили себя конвентомъ и приняли на себя руководство новымъ революціоннымъ движеніемъ. Но эти фракціи, за немногими исключеніями, какъ, напр., самоотверженный Шлефель, отвѣтили отказомъ. Онѣ рѣшили подчиниться большинству парламента. Робертъ Блюмъ, самый вліятельный членъ лѣвыхъ фракцій, взялъ тогда отвѣтственность за это рѣшеніе на себя; не дальше, чѣмъ черезъ два мѣсяца, онъ своей трагической смертью искупилъ этотъ промахъ. Разочарованныя толпы вооруженныхъ людей покинули Франкфуртъ. Безъ всякой поддержки со стороны выборныхъ народныхъ представителей возстаніе было обречено на неудачу; оно могло бы только усилить контръ-революцію королей и князей. Новый бунтъ Струве въ Баденѣ моментально былъ подавленъ.

Въ самомъ Франкфуртѣ вспыхнуло маленькое возстаніе. Это возстаніе было намѣренно допущено вновь появившимися министрами Шмерлингомъ и Пейкеромъ, чтобы притянуть по этому поводу вооруженную силу изъ союзной крѣпости Майнца и поставить парламентъ подъ власть штыка. По отношенію къ этому собранію это былъ собственно напрасный трудъ. Два его члена, старый генералъ ф. Ауэрсвальдъ и фанфаронствующій юнкеръ ф. Лихнавскій, настолько забыли о своемъ достоинствѣ, какъ народныхъ представителей, что позволили себѣ 18 сентября выѣхать на развѣдки къ толпамъ народныхъ борцовъ; при исполненіи этой своей шпіонской службы они были убиты. Еще менѣе само Національное Собраніе заботилось о сохраненіи своего достоинства; оно не постѣснялось 19 сентября, чувствуя себя въ полной безопасности, выразить благодарность войскамъ „за выказанную имъ преданность при подавленіи возстанія“, а по предложенію лѣвой оно къ слову „преданность“ прибавило еще слово „умѣренность“. Всего нашлось восемь или десять членовъ

лѣвой, которые голосовали противъ этого самоопозоренія. Съ этихъ поръ германскій парламентъ сталъ безвозвратно безразличнымъ сборищемъ болтуновъ.

Въ эти же сентябрьскіе дни былъ брошенъ жребій также о судьбѣ прусскаго собранія. Послѣднее прекрасно знало, съ какой цѣлью было заключено перемиріе въ Мальмэ. Предпринятая съ контръ-революціонной цѣлью война за Шлезвигъ-Гольштинію грозила принять революціонный характеръ, когда Англія и Россія, главныя державы европейской контръ-революціи и враги германскаго объединенія, сдѣлали дипломатическія представленія въ пользу Даніи. Согласно волѣ короны и юнкерства, никоимъ образомъ не могло быть допущено, чтобы прусская армія была „на услуженіи революціи". Ихъ тайное намѣреніе было направить прусскую армію противъ прусскаго Собранія, какъ представителя революціи. И когда Врангель съ своей гвардіей отступилъ изъ шлезвигъ-гольштинскихъ провинцій въ бранденбургскія провинціи, контръ-революція начала собирать свои силы для нанесенія рѣшительнаго удара Собранію. Иностранныя державы получили свое удовлетвореніе, германскій парламентъ былъ морально уничтоженъ, а Прусскій парламентъ окружили войсками. Вполнѣ понятно, что берлинскимъ народнымъ представителямъ своя рубашка была ближе къ тѣлу. Мальмэское перемиріе они приняли безъ воодушевленія, но также безъ ламентацій о пораженіи чести Германіи, зато они снова вернулись къ своему рѣшенію, принятому 9 августа. Штейнъ предложилъ резолюцію, въ которой министерству вмѣнялось въ непремѣнную обязанность немедленно издать приказъ по арміи, въ томъ видѣ, какъ онъ былъ принятъ Собраніемъ 9 августа.

Самъ по себѣ такой приказъ не могъ имѣть практическаго значенія. Подобные приказы, запрещавшіе чиновникамъ всякія реакціонные происки, издавались въ разныхъ вѣдомствахъ гражданскаго управленія, и

они имѣли такой же успѣхъ, какой вообще имѣютъ бумажныя заявленія въ противовѣсъ фактическому соотношенію силъ. Можно себѣ представить, съ какимъ уваженіемъ закоренѣлые реакціонные чиновники относились къ предостереженіямъ либеральныхъ министровъ, никогда не дерзнувшихъ уволить кого-нибудь изъ нихъ. Корона могла, конечно—что она и сдѣлала парой недѣль послѣ—безъ всякаго ущерба для своихъ интересовъ выпустить такой приказъ къ войску, который бы удовлетворилъ собраніе. Но то, что корона охотно позволяла дѣлать милитаристскому министерству, она не позволяла гражданскому министерству. Ганземанну не дали выполнить рѣшеніе Собранія 9 августа. Лиса попалась въ свою собственную ловушку.

Тѣмъ настойчивѣе требовало Собраніе выполненія своего рѣшенія. И, дѣйствительно, значеніе Собранія сводилось бы къ нулю, если оно не въ правѣ было бы затронуть распоряженій по арміи, если министерство могло обращаться съ его постановленіями, какъ съ матеріаломъ для мусорной корзины. Въ сущности, и теперь рѣчь шла о принципѣ „соглашенія", какъ и въ іюнѣ при обсужденіи предложенія лѣвой о признаніи революціи. И какъ тогда, такъ и теперь берлинское населеніе пришло въ сильное возбужденіе. Даже дряхлая гражданская милиція обратилась черезъ своего командира и свой штабъ съ адресомъ къ Собранію и обѣщала поддерживать постановленія Собранія всѣми находящимися въ ея распоряженіи средствами.

7-го сентября обсуждалось предложеніе Штейна. Ганземаннъ не постѣснялся пригрозить контръ-революціей, гражданской войной и кровопролитіями, если Собраніе будетъ настаивать на своихъ рѣшеніяхъ. Ораторы правой старались всевозможными юридическими софизмами создать изъ упомянутаго рѣшенія покушеніе на конституцію. Но всѣ эти попытки удачно отпарировали ораторы лѣвой, указывая, что дѣло не въ содержаніи рѣшенія, а въ томъ, обязано ли мини-

стерство его выполнить. Въ обстоятельной и энергичной рѣчи Бухеръ объяснялъ, что тутъ не вопросъ права, а вопросъ силы. Въ виду поднимающейся бури слишкомъ наивно педантично разбирать писанные законы; новая эпоха принесла съ собой нѣчто болѣе значительное въ смыслѣ обновленія основъ государства, чѣмъ новый листъ бумаги въ Собраніи Узаконеній; Собраніе должно исполнить свое призваніе не съ помощью ограниченныхъ юридическихъ толкованій, а внося въ каждое дѣло широкое политическое пониманіе; его призваніе, почти что безпримѣрное въ исторіи, заключается въ томъ, чтобы мирнымъ законодательнымъ путемъ привести къ логическому концу незавершившуюся революцію. Силы, принципы, учрежденія, противъ которыхъ выступила революція, осуждены, но еще не устранены; всѣ власти абсолютизма еще находятся въ дѣйствіи, почти всѣ его законы еще существуютъ. Собраніе не можетъ допустить, чтобы абсолютизмъ создалъ себѣ изъ арміи орудіе для отнятія свободы народа; оно должно сломить юнкерское упорство офицеровъ, оно должно напомнить солдатамъ, что оно борется за ихъ человѣческія права и за человѣческія права ихъ братьевъ.

Исходъ преній зависѣлъ отъ отношенія праваго центра; послѣдній въ данномъ случаѣ присоединился къ лѣвой и лѣвому центру. Унру не захотѣлъ подражать Ганземанну и отдаться безъ всякихъ условій на шутовскую службу королю и юнкерамъ. Онъ, конечно, былъ далекъ отъ политическихъ взглядовъ Бухера. Какъ сухой дѣлецъ, онъ объяснялъ, что если Собраніе кассированіемъ своего рѣшенія окончательно завершитъ свое „моральное уничтоженіе“, то останется только „опасная дилемма“ между контръ-революціей и второй революціей. Не мало способствовало его присоединенію къ предложенію Штейна также то обстоятельство, что онъ считалъ себя ближайшимъ кандидатомъ при образованіи новаго министерства. Унру былъ

твердо убѣжденъ, что онъ лучше, чѣмъ Ганземаннъ, поведетъ дѣло буржуазіи.

Предложеніе Штейна было принято 219 голосами противъ 143. Центръ тяжести Собранія перемѣстился влѣво. Но то, что въ маѣ еще могло быть началомъ побѣды Собранія, въ сентябрѣ открыло для него лишь послѣднюю борьбу, закончившуюся его смертью.

5. Жертва крестьянами.

Корона отвѣтила на предложеніе Штейна назначеніемъ генерала Пфуэля военнымъ министромъ и президентомъ кабинета. Нѣкоторые, не всѣ, министерскіе посты были замѣщены безличными статистами изъ домартовской бюрократіи и дипломатіи. Въ то же время генералъ Врангель получилъ главное командованіе войсками, стянутыми въ провинцію Бранденбургъ. Это все было подготовленіе къ государственному перевороту, но это еще не было государственнымъ переворотомъ. Контръ-революція не имѣла опредѣленнаго плана дѣйствій. Она имѣла основаніе не поспѣшить съ разгономъ Собранія съ помощью вооруженной силы. Особенно король сильно боялся повторить событій 18-го и 19-го марта.

Главный маневръ реакціи состоялъ на первыхъ порахъ въ томъ, чтобы всѣми силами „семикратнаго осла“ кричать о конституціи. Всѣ сантиментальныя конституціонныя взвизгиванія домартовскаго либерализма были дѣтской забавой въ сравненіи съ тѣмъ священнымъ паѳосомъ, съ которымъ теперь всѣ реакціонеры требовали клочка писанной бумаги, того клочка бумаги, который, какъ второе Провидѣніе, вторгается между Богомъ на небѣ и нашей страной. На Собраніе сыпались упреки, что оно легкомысленно пренебрегаетъ выполненіемъ своей задачи, состоящей въ выработкѣ конституціи путемъ соглашенія, и растрачиваетъ свое время на безполезную болтовню.

Этимъ отвратительнымъ шарлатанскимъ пріемомъ,

который въ патріотическихъ исторіяхъ революціоннаго года выдается, какъ голосъ народа, надѣялись достигнуть двухъ цѣлей. Съ одной стороны, этимъ хотѣли устрашить Собраніе, чтобы оно перестало трогать учрежденія домартовскаго государства, а сосредоточило всѣ свои силы исключительно на томъ, чтобы исписать листъ бумаги, который при случаѣ можетъ быть разорванъ въ клочья первымъ штыкомъ. Съ другой стороны, въ новой конституціи имѣлся одинъ параграфъ, который очень былъ по сердцу юнкерамъ и всѣмъ ихъ прислужникамъ; это тотъ параграфъ, который — какъ подобаетъ буржуазной конституціи — объявляетъ собственность священной и неприкосновенной и допускаетъ ограниченіе собственности лишь при условіи полнаго вознагражденія. Юнкерамъ хотѣлось, чтобы этотъ параграфъ возможно скорѣе былъ объявленъ новымъ основнымъ закономъ. Вооружившись этимъ основнымъ закономъ, они рѣшили дó конца защищать всю свою феодальную собственность, несмотря на все ея внутреннее разстройство.

Собраніе поняло этотъ реакціонный шахматный ходъ, и его вожди, Бухеръ и Вальдекъ, раскрыли его. Комиссія, назначенная Собраніемъ для выработки конституціи, почти что закончила свою работу и выработала довольно сносную, на буржуазный масштабъ, конституцію. Въ ней кое-чего не хватало, но въ этомъ было виновно правительство, которое никакъ не могло справиться со своими проектами о мѣстномъ самоуправленіи, съ умысломъ ли затягивая дѣло, или по своей безнадежной неспособности. На счетъ правительства должно быть поставлено также все то, что, дѣйствительно, дало поводъ упрекать Собраніе въ растрачиваніи силы и времени. Новый парламентъ, которому министерство не переставало бросать палки подъ колеса, неминуемо долженъ часто спотыкаться. Но, несмотря на всѣ трудныя условія, берлинское Собраніе показало, что народное представительство, выбранное

подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ революціи на основаніи всеобщаго избирательнаго права, далеко превосходитъ въ практическомъ пониманіи и ясности самыхъ вышколенныхъ бюрократовъ. Оно несравненно больше сдѣлало, чѣмъ прусская бюрократія въ свои лучшіе годы, и Гнейстъ, который отнюдь не принадлежитъ къ безусловнымъ поклонникамъ берлинскаго Собранія, выдаетъ ему даже такое свидѣтельство, что оно за пять мѣсяцевъ своего существованія сдѣлало въ количественномъ отношеніи больше, чѣмъ англійскій парламентъ за самый плодотворный годъ текущаго столѣтія. Съ революціонной точки зрѣнія можно во многомъ упрекать берлинское Собраніе, но противъ реакціонныхъ нападокъ, которыми вотъ уже пятьдесятъ лѣтъ щеголяютъ, такъ называемыя, „объективныя исторіи писанія“, оно вполнѣ неуязвимо.

Недоставало ему, именно, революціонной творческой силы. Министерство Пфуэля, съ одной стороны, показало ему надвигающуюся опасность, но, съ другой стороны, оно отсрочило его гибель на нѣкоторое время. Пфуэль самъ былъ образованнымъ офицеромъ изъ школы Гейзенау и Шарнгорста; на старости онъ былъ другомъ Лассаля, въ молодости былъ другомъ Генриха Клейста. Если контръ-революція думала, что она въ немъ нашла послушное орудіе для своихъ тайныхъ цѣлей, то она жестоко ошибалась. Возможно, однако, что она въ немъ видѣла человѣка, который по благодушной халатности будетъ тянуть канитель до тѣхъ поръ, пока не разразится государственный переворотъ. Во всякомъ случаѣ Собраніе должно было знать, что министерство Пфуэля есть только временное. И если оно, дѣйствительно, хотѣло наверстать то, что было упущено, оно должно было пойти дальше тѣмъ же путемъ, на который оно вступило принятіемъ предложенія Штейна.

Само по себѣ это предложеніе съ паденіемъ министерства Ганземанна потеряло свое значеніе. Упру

втайнѣ доставилъ новому министерству приказъ по арміи, который приблизительно соотвѣтствовалъ предложенію Штейна, и Пфуэль немедленно обнародовалъ его. Въ практическое дѣйствіе этой ромашковой эссенціи никто, конечно, не могъ вѣрить. Тѣ приказы по войску, которые выпускались генераломъ Врангелемъ, какъ главнокомандующимъ въ областяхъ, и графомъ Бранденбургомъ, какъ командующимъ генераломъ въ Силезіи, уничтожили всякое сомнѣніе относительно того, что крѣпость, которую имѣла феодально-абсолютистская реакція въ арміи, не можетъ быть принуждена къ капитуляціи посредствомъ доброжелательныхъ предостереженій. Берлинское Собраніе пропустило удобный моментъ, когда оно могло наложить свою руку на войско. Теперь же у него оставалась еще одна и довольно сильная надежда на успѣхъ съ ея собственной буржуазной точки зрѣнія, а именно — связать со своей судьбой интересы крестьянства. Этимъ оно могло парализовать королевскую власть и юнкерство въ ихъ политической, соціальной и даже чисто военной позиціи.

Броженіе въ крестьянскихъ массахъ скорѣе усилилось, чѣмъ убавилось. И это броженіе, какъ коршунъ, клевало сердце короля и его юнкеровъ. Грозными окриками и любезными ласками пытались убѣдить крестьянъ въ любвеобильныхъ намѣреніяхъ ихъ угнетателей. Но они упорно оставались при своемъ и продолжали захватнымъ путемъ пользоваться феодальными повинностями. Указъ министерства Арнима отъ 27 марта, объявившій недѣйствительными всѣ вынужденныя у помѣщиковъ уступки путемъ угрозы и насилія, крестьяне просто высмѣяли.

Корона и юнкеры попытались пустить шутовскую продѣлку. Какъ и многихъ силезскихъ юнкеровъ, графа Шафдогоча заставили крестьяне отказаться отъ налога на отчужденіе (Laudemium) отъ всякаго рода отработковъ, отъ соляныхъ и прядильныхъ податей,

отъ оброка хлѣбомъ. Какими-то средствами удалось уговорить общину Вармбрунъ послать графу Шаффгочу къ 5 сентября, дню его рожденія „документъ отреченія“ съ просьбой предать его забвенію. Объ этомъ „благородномъ поступкѣ“ король оповѣстилъ въ торжественномъ кабинетскомъ ордерѣ отъ 23 мая. Онъ выразилъ свое „величайшее удовольствіе“ по поводу такого „ярко свѣтящагося примѣра вѣрности, чувства права, законности и искренняго возврата на путь хорошаго и необходимаго порядка“. Онъ призывалъ силезскихъ крестьянъ, чтобы они снова „такимъ душувозвышающимъ образомъ“ собрались вокругъ своихъ господъ. Однако, крестьяне только снова посмѣялись надъ этимъ призывомъ.

Ничто не помогало. Старое феодальное хозяйство, очевидно, близилось къ концу. Та часть сельской аристократіи, которая успѣла обуржуазиться, добровольно признала это, а упорные юнкера должны были волей-неволей это признать. Крестьянъ, конечно, можно будетъ и впредь давить, но этого уже нельзя дѣлать по феодальному, это уже должно дѣлаться на буржуазный манеръ. Другими словами: феодальныя повинности могутъ быть увѣковѣчены только превращеніемъ ихъ въ деньги или землю. Но это теперь нельзя было продѣлать такъ топорно и безпощадно, какъ въ первыя десятилѣтія послѣ Ватерлоо: законы о выкупахъ и о регулировкахъ точно такъ же революціонизировали меньшинство крестьянъ, какъ неизмѣнное дальнѣйшее существованіе феодальныхъ повинностей революціонизировало большинство ихъ. Но такіе законы, которые стригли бы крестьянъ менѣе замѣтно, чѣмъ до сихъ поръ, нельзя было создать сразу, а между тѣмъ, хроническіе бунты сельскихъ массъ требовали ускоренныхъ дѣйствій. Министерство Кампгаузена попыталось выйти изъ этой дилеммы, опубликовавъ исторію объ упорядоченіи отношеній между помѣщиками и крестьянами. Эта меморія была подписана министромъ торговли

ф. Патовымъ, обуржуазившимся аристократомъ, вродѣ Шверина и Ауэрсвальда.

Патовская меморія исходила изъ слѣдующихъ положеній. Всѣ феодальныя выплаты, упорядоченныя по приговору суда или путемъ договора, должны оставаться неизмѣнными. Принципіально также признается на будущее, что феодальныя тяготы. „всѣ стѣсненія, задерживающія свободное распоряженіе личностью и имуществомъ“, должны быть отмѣнены путемъ вознагражденія, но въ дальнѣйшемъ онѣ могутъ быть погашены, по болѣе справедливымъ правиламъ, чѣмъ до сихъ поръ. Исключеніе составляютъ тѣ стѣсненія, которыя могутъ быть разсматриваемы, какъ пережитки наслѣдственнаго крѣпостничества, прежняго податного порядка, патримоніальнаго суда, или представляютъ сами по себѣ лишь устарѣлыя отягощенія землевладѣнія, не имѣютъ настоящей цѣнности для владѣльцевъ и не касаются экономическихъ отношеній. Въ качествѣ таковыхъ исключеній изъ общаго правила меморія называла ленное право, налогъ на наслѣдниковъ (лучшая голова скота или, для женщинъ, лучшее платье — Besthaupt), повинности для охоты и ѣзды, десятинный налогъ на скотъ, подати за охрану, пастушій налогъ, улейный налогъ, восковой налогъ, налогъ съ водныхъ путей, налогъ на пастбища и т. п.

Съ виду довольно обширный перечень, на самомъ же дѣлѣ это имѣло весьма малое значеніе. Въ „наилучше управляемомъ государствѣ міра“ сохранилась такая масса феодальнаго хлама, что можно было цѣлыя горы его увезти, не уменьшая сколько-нибудь существенно его количества. Всѣ эти подати и повинности, которыя предполагалось отмѣнить безъ вознагражденія, были либо совершенно уничтожены самой жизнью, либо существовали лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, либо же, какъ указываетъ меморія съ достойной похвалы откровенностью, не доставляли юнкерамъ существенныхъ выгодъ. Это было разсчи-

тано только съ тѣмъ, чтобы пустить пыль въ глаза, и поэтому министерство Ганземанна перелило въ законныя формы, именно, эту часть меморіи.

Изъ всѣхъ ошибокъ берлинскаго Собранія самой крупной и самымъ чернымъ пятномъ на ея памяти было то, что оно не поняло своей исторической задачи въ этой области. Если оно для промышленнаго пролетаріата не создало ничего существеннаго и ограничивалось дешевыми фразами и случайными палліативами, то вѣдь оно было не болѣе какъ буржуазный парламентъ. Но, именно, въ качествѣ такового оно должно было освободить крестьянъ отъ феодальнаго ига. Оно имѣло въ своей средѣ отъ пятидесяти до шестидесяти крестьянскихъ депутатовъ; это былъ его генеральный штабъ, который могъ доставлять ему непобѣдимую арміи. Конечно, только часть этихъ депутатовъ были настолько развиты, чтобы сѣсть на свое мѣсто, т. е. на скамьи крайней лѣвой; другая же часть была еще мало сознательна, давала себя использовать Ганземанну, какъ голосующій скотъ; ихъ легко было кормить баснями въ министерствѣ финансовъ, гдѣ они появлялись, по выраженію одного англійскаго корреспондента, словно толпа индѣйцевъ въ салонахъ девонширскаго герцога. Но тѣмъ больше было основанія для буржуазной оппозиціи взяться за выясненіе этимъ темнымъ людямъ ихъ настоящихъ интересовъ. А вмѣсто этого даже членъ лѣваго центра доставилъ правой дешевое удовольствіе своимъ предложеніемъ объ исключеніи садовника Кіолбассы, якобы за незнаніе нѣмецкаго языка. За это недостойное предложеніе онъ былъ призванъ къ порядку предсѣдателемъ, принадлежавшимъ къ правой. „Крестовая Газета“ попала въ свой настоящій тонъ и начала разсказывать басни, какъ Кіолбасса въ залѣ засѣданія снимаетъ сапоги, такъ какъ онъ привыкъ ходить босикомъ, и какъ онъ цѣловалъ кончикъ платья у кассира, выдававшаго ему жалованье новыми блестящими монетами. Но что приходится ска-

зать о буржуазныхъ либералахъ, которые приходили въ восторгъ отъ этихъ милыхъ шутокъ? Что приходится сказать о такихъ людяхъ, какъ Густавъ Фрейтагъ, который въ журналѣ „Grenzboten“ вышучивалъ своихъ силезскихъ земляковъ, Мроса и Кіолбассу?

Лѣвая и лѣвый центръ попытались было выступить противъ феодальныхъ тяготъ, противъ устава о прислугѣ, противъ права охоты на чужой землѣ и противъ еще нѣкоторыхъ подобныхъ законоположеній, но всѣ эти выступленія были чрезвычайно мало энергичны, и, въ концѣ-концовъ, было принятно только предложеніе Бухера, отнявшее у феодальныхъ окружныхъ собраній право опредѣленія расходовъ. Еще 1-го сентября Собраніе отклонило спѣшность предложенія объ упраздненіи дворцовыхъ повинностей. Внесенное еще въ іюнѣ предложеніе лѣваго центра, пріостановить всѣ процессы между помѣщиками и крестьянами до изданія новыхъ законовъ, не было еще въ концѣ сентября принято Собраніемъ. Шесть мѣсяцевъ послѣ 15-го марта Собраніе не могло еще подняться до такой простой временной мѣры, между тѣмъ, какъ французское Національное Собраніе 1789 года три недѣли послѣ взятія Бастиліи уже совершенно очистило французское законодательство отъ всякаго феодальнаго хлама.

Однако, къ тому времени, когда съ образованіемъ министерства Пфуэля начался рѣшающій кризисъ жизни и смерти Собранія, можно было еще многое спасти. Крестьяне еще сохранили свое приподнятое настроеніе, въ тысячахъ петицій они взывали къ защитѣ народнаго представительства. Начавшаяся 1-го сентября охота привела къ кровавымъ столкновеніямъ между крестьянами и юнкерами, ибо крестьяне считали феодальное охотничье право несуществующимъ послѣ мартовской революціи, юнкера же не хотѣли отказаться отъ благородной страсти охотиться на крестьянской землѣ. Въ это дѣло дѣятельно вмѣшалось

Собраніе, и его вмѣшательство увѣнчалось успѣхомъ, который долженъ былъ его пріободрить. По собственной инициативѣ оно приняло рѣшеніе, что право охоты на чужой землѣ, какъ вещное право, отмѣняется безъ всякаго вознагражденія. Оно при этомъ обнаружило такой радикализмъ, который едва ли можетъ быть оправданъ съ буржуазной точки зрѣнія. И, тѣмъ не менѣе, корона не осмѣливалась отказать въ утвержденіи этого закона. Теперь передъ Собраніемъ стояла задача сдѣлать законъ о безвозмездной отмѣнѣ различныхъ податей и тяготъ изъ блестящей формулы чѣмъ-то существеннымъ. Оно должно было включить въ этотъ законъ всѣ обременительныя или же хотя бы только самыя обременительныя тяготы крестьянства и тогда оно могло бы удержать за собой позицію, на которой еще была возможна политическая борьба съ короной и юнкерствомъ.

Но бѣда въ томъ, что съ перваго разбѣга, а именно — съ постановленія объ охотѣ, уже была исчерпана энергія Собранія. Сверхъ того, оно, наконецъ, приняло злополучный законъ о пріостановкѣ судебныхъ процессовъ между помѣщиками и крестьянами, но съ отклоненіемъ всѣхъ тѣхъ пунктовъ, которые были особенно выгодны для крестьянъ. Корона утвердила также этотъ законъ. Но при обсужденіи закона о тяготахъ возникла безнадежная сумятица. Правый центръ, который 7-го сентября доставилъ побѣду лѣвымъ фракціямъ, снова перешелъ къ правой. Унру былъ такимъ страшнымъ фанатикомъ собственности, что положенія патовской меморіи казались ему слишкомъ радикальными. Его товарищъ по фракціи, Пилетъ, выступая докладчикомъ по этому закону, заявилъ, что несправедливо и неумно отмѣнить безъ вознагражденія феодальныя тяготы, за нѣкоторыми малозначущими исключеніями; несправедливо потому, что эти тяготы, какъ вѣками освященное, закономъ охраняемое владѣніе, составляютъ предметъ благопріобрѣтенной соб-

ственности; неумно потому, что, благодаря этому закону, многочисленный и по своему матеріальному положенію вліятельный классъ помѣщиковъ станетъ чуждымъ новымъ государственнымъ учрежденіямъ. Правыя фракціи не хотѣли открыто выступить противъ крестьянъ, которые только того и ждали, чтобы вселить новую силу въ парламентъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они не хотѣли испортить свои отношенія къ юнкерамъ, которые прицѣливались, чтобы нанести ударъ Собранію въ самое сердце. Крестьянамъ они подмигивали: „Синица въ рукахъ все же лучше, чѣмъ журавль въ облакахъ, и вы можете быть вполнѣ довольны, если мы снимемъ съ васъ одну двадцатую или одну тридцатую часть вашихъ тяготъ"; а юнкеровъ они утѣшали: „Вамъ уже придется кое-что уплатить, если вы хотите находящуюся въ опасности вашу собственность перевести изъ феодальнаго міра въ міръ буржуазный".

Бухеръ неоднократно выступалъ съ блестящими рѣчами противъ этихъ торгашей и попрошаекъ. По его мнѣнію, и справедливость и благоразуміе лежатъ совсѣмъ не въ той области, которую имъ отводилъ Пилетъ. Одно изъ двухъ: либо помѣщикъ имѣетъ право на вознагражденіе — и тогда онъ долженъ его получить, либо законодательство имѣетъ право отмѣнить привилегіи безъ вознагражденія—и тогда оно не имѣетъ никакого права дѣлать подарки юнкерамъ на счетъ крестьянъ. Правовая почва, которая должна быть рѣшающей для этого вопроса, не есть прогнившая правовая почва исторической школы, а правовая почва революціи. „Революція это—самозащита народа, который чувствуетъ себя оскорбленнымъ въ своихъ священнѣйшихъ правахъ. А самозащита есть право, признанное не только обычаемъ, но и законами всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. Когда народъ совершаетъ революцію, революцію настоящую въ этомъ смыслѣ, т. е. при необходимости самозащиты, и когда его представители становятся на эту почву и продолжаютъ законодательство

въ этомъ смыслѣ, воплощая въ себѣ идею революціи, то они стоятъ на правовой почвѣ". Покинуть эту почву и несправедливо и неумно. Какъ 7-го сентября, Бухеръ и теперь снова предостерегалъ отъ нетактичныхъ тонкостей юридическаго формализма. „Юристамъ необходимо подружиться съ соціальными науками, не то соціальные вопросы ихъ проглотятъ... Если мы рѣшимъ обсуждать каждый пунктъ проекта съ юридической точностью и нагромоздимъ безчисленныя прибавленія и поясненія, то боюсь, не случится ли съ нами то, что случилось съ Архимедомъ, когда онъ задумчиво сидѣлъ надъ своими чертежами". Бухеръ при всемъ томъ прекрасно сознавалъ, что та революція, на почву которой онъ сталъ, была буржуазной революціей. Онъ требовалъ, чтобы Собраніе дѣйствовало такъ, какъ дѣйствовали такія собранія во время Великой Французской революціи, чтобы оно дѣйствовало по слѣдующему принципу: тѣ помѣщичьи права, которыя носятъ феодальный характеръ и заключаются въ господствѣ одного лица надъ другимъ, должны быть отмѣнены безъ всякаго вознагражденія; тѣ же ихъ права, которыя основаны на правовыхъ нормахъ буржуазнаго общества, на договорѣ, на принципѣ обмѣна услугами, подлежатъ лишь выкупу.

Соотношеніе голосовъ въ Національномъ Собраніи въ то время было таково, что правыя фракціи и лѣвыя фракціи были въ равновѣсіи. Къ концу октября, когда Грабовъ сложилъ съ себя предсѣдательскія полномочія былъ на постъ предсѣдателя выбранъ Упру 177 голосами правыхъ фракцій противъ 170 голосовъ лѣвыхъ фракцій. Такое отношеніе голосовъ уже сильно затрудняло послѣдовательное проведеніе принципа, выставленнаго Бухеромъ и его друзьями. Но этотъ принципъ по своей ясности и чистотѣ могъ, дѣйствительно, служить руководящей нитью въ феодальномъ лабиринтѣ, и, благодаря этому, онъ имѣлъ нѣкоторые шансы на успѣхъ; но и эти послѣдніе шансы были уничтожены

лѣвой. Съ чувствомъ стыда за свои прежнія упущенія лѣвая хотѣла отмѣнить однимъ росчеркомъ пера по возможности всѣ помѣщичьи права безъ вознагражденія, независимо отъ того, покоятся ли они на феодальныхъ или на гражданскихъ правовыхъ нормахъ. Лѣвая въ данномъ случаѣ, нисколько не желая покинуть буржуазную правовую почву, не только поступала непослѣдовательно, но впуталась еще къ тому въ сѣти, лукаво разставленныя ей правой. Эта послѣдняя противилась всъми силами безвозмездной отмѣнѣ феодальныхъ повинностей и старалась совершенно обезцѣнить этотъ законъ для крестьянъ, но въ то же время она тамъ, гдѣ у нея не хватало силъ для проведенія своихъ благородныхъ плановъ, усердно помогала лѣвой одержать побѣду надъ болѣе умѣренными элементами; и такимъ образомъ—она намѣренно способствовала распространенію слуховъ среди имущихъ классахъ о Собраніи, какъ о коммунистическомъ парламентѣ, такъ же мало признающемъ буржуазную собственность, какъ феодальную.

Эта коварная политика имѣла уже первый успѣхъ при обсужденіи закона объ охотѣ. Какъ только была рѣшена безвозмездная отмѣна феодальнаго права на охоту, правая въ союзѣ съ лѣвой отклонила внесенное Шульце (изъ Делича) добавленіе лѣваго центра, которое требовало вознагражденія за отмѣну права охоты на чужой землѣ въ томъ случаѣ, когда владѣлецъ или его предшественникъ по владѣнію въ продолженіе тридцати лѣтъ продавали принадлежащее имъ право.

Но настоящую оргію праздновала вѣроломная тактика правой, подкрѣпленная неимовѣрной близорукостью лѣвой при обсужденіи закона о повинностяхъ. Такъ, напр., при спорѣ о ленномъ правѣ (Laudemium). Подъ эту общую категорію входили различныя подати, составлявшія настоящее бѣдствіе для крестьянъ. Онѣ взимались при каждой перемѣнѣ владѣнія и достигали часто десяти производствъ стоимости земли.

Эта былъ настоящій грабежъ, форменная конфискація имуществъ. Послѣ смерти крестьянина его наслѣдники должны были, безразлично была ли земля задолжена или нѣтъ, уплачивать юнкеру до одной десятой стоимости двора. Когда крестьянское хозяйство стоимостью въ десять тысячъ талеровъ и обремененное ипотечнымъ долгомъ въ шесть тысячъ и личнымъ долгомъ въ три тысячи талеровъ, переходило за смертью владѣльца ко вдовѣ, то государство вычисляло наслѣдственный налогъ въ десять талеровъ по фактической стоимости унаслѣдованнаго имущества въ тысячу талеровъ, юнкеръ же получалъ свое Laudemium въ видѣ десятой части общей стоимости, т. е. тысячу талеровъ, все наслѣдство. Онъ имѣлъ право немедленно наложить запрещеніе на все хозяйство. И если при продажѣ съ торговъ за все хозяйство выручалось только семь тысячъ талеровъ, то вся сумма личнаго долга оставалась на шеѣ вдовы, и по погашеніи ипотечнаго долга не только выплачивался полностью Laudemium юнкеру, но послѣдній получалъ еще право иска съ вдовы на семьсотъ талеровъ, какъ Laudemium за новую операцію.

Лѣвый центръ черезъ Бухера и Шульце-Деличъ внесъ предложеніе о безвозмездной отмѣнѣ этой категоріи феодальныхъ налоговъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда можно доказать существованіе обязательства, выраженнаго въ заключенномъ договорѣ. Какъ при аналогичномъ предложеніи относительно закона объ охотѣ, такъ и въ данномъ случаѣ, ограниченіе это фактически имѣло весьма малое значеніе, но принципіально оно было очень важно; налоги Laudemium почти всѣ имѣли феодальное происхожденіе и покоились на правахъ давности. Предложеніе прошло 178 голосами противъ 160. Тогда два члена правой, Геллернъ и Тюсгаусъ, голосовавшіе противъ предложенія, внесли добавленіе, по которому въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, на которые не распространяется

безвозмездная отмѣна, Laudemium не долженъ превышать двухъ процентовъ. Замыселъ былъ ясенъ. Нужно было заставить Собраніе затронуть также то право собственности, которое оно только что само признало. И въ эту грубо устроенную ловушку попалась лѣвая. Но какъ только это добавленіе прошло безъ поименного голосованія, другіе члены правой съ Рейхеншпергеромъ и Ринтеленомъ во главѣ занесли въ протоколъ горячій протестъ противъ рѣшенія, принятаго по настоянію ихъ собственныхъ товарищей по фракціи,— мотивируя, что этимъ рѣшеніемъ Собраніе ничѣмъ неоправдываемымъ образомъ вторгается въ сферу договорнаго права и тѣмъ подкапываетъ существованіе всякаго права.

Для разыгрыванія этой сцены изъ общей печальной комедіи правая должна была ежедневно дѣлиться на разные отряды. Однако, эта сцена не была доведена до конца. Собраніе сумѣло-таки создать чудо; оно состряпало законъ, который оскорблялъ имущіе классы, и даже обуржуазившуюся аристократію въ ея священнѣйшихъ чувствахъ собственности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вселилъ въ крестьянъ недовѣріе и досаду. Крестьяне ничего не могли понять въ этой грудѣ параграфовъ и добавленій, съ которой едва справлялись опытные юристы. Они, поэтому, не имѣли охоты проливать свою кровь за это Собраніе, которое не сумѣло ихъ освободить, а только догадалось принести ихъ въ жертву ихъ врагамъ.

Положеніе Собранія нисколько не улучшилось также оттого, что оно при министерствѣ Пфуэля одновременно съ закономъ о феодальныхъ повинностяхъ обсудило также первые отдѣлы новой конституціи. Оно вычеркнуло изъ титула короля слова „Божьей милостью“, упразднило дворянство, отмѣнило всякіе ордена и титулы. Все это ему ничуть не помогло. Напротивъ, политика, одной рукой распускающая армію, а другой рукой дѣлающая дерзкіе вызовы не-

пріятелю, — такая политика не можетъ разсчитывать ни на что другое, кромѣ пораженія.

6. Корона и юнкеры.

Гораздо лучше использовала это переходное время при министерствѣ Пфуэля контръ-революція. Она сковала Берлинъ ста пушками и войскомъ въ сорокъ или пятьдесятъ тысячъ человѣкъ. Она усердно работала надъ тѣмъ, чтобы вызвать возмущеніе въ народныхъ массахъ столицы, которое бы оправдало выступленіе военной силы.

Охотнѣе всего она бы устроила у себя маленькую копію парижской іюньской бойни. Въ серединѣ октября она сдѣлала къ этому нѣкоторые шаги. Безработные ремесленники, занятые на казенныхъ работахъ при проведеніи канала на Кэпеникскомъ полѣ, разгромили машину, которая съ приближеніемъ зимы грозила лишить ихъ послѣдняго куска хлѣба. Отчаяніе этихъ несчастныхъ было вполнѣ понятно; это все были люди, привыкшіе къ тонкой работѣ, золотыхъ дѣлъ мастера и т. п., и грубыя земляныя работы дѣлали ихъ руки все болѣе и болѣе непригодными для ихъ профессіи. Наполовину безпомощное, наполовину топорное, выступленіе гражданской милиціи привело къ столкновенію, при которомъ было убито нѣсколько рабочихъ и нѣсколько милиціонеровъ. Однако, на сей разъ депутатамъ лѣвой удалось уладить конфликтъ еще до прибытія войска. Реакція сдѣлала еще попытку провоцировать рабочихъ, предписавъ „по высшему распоряженію“ инженерамъ, руководившимъ работами по каналу на Кэпеникскомъ полѣ, чтобы были расчитаны не только участвовавшіе въ разрушеніи машины, но также еще сто совершенно непричастныхъ къ этому рабочихъ. Но и этотъ варварскій провокаціонный замыселъ не удался. Сколько-нибудь развитыя и организованныя рабочія массы прекрасно знали, въ чью пользу теперь пойдетъ кровавая бойня.

Такимъ образомъ, контръ-революціи оставалось использовать болѣе скромныя средства для спасенья государства. Въ теченіе октября кучки буяновъ начали собираться вокругъ зданія драматическаго театра, гдѣ засѣдало Собраніе. Они не слушали депутатовъ изъ лѣвой фракціи, но зато охотно прислушивались къ рѣчамъ такихъ демагоговъ, какъ графъ Бреслеръ, который вступалъ въ дружбу то съ лѣвой фракціей, то съ юнкерскимъ парламентомъ и про котораго впослѣдствіи было на судебномъ процессѣ установлено, что онъ въ критическіе октябрьскіе дни попытался подкупить рабочихъ для постройки баррикадъ. Однако ежедневно повторяемыя реакціей горькія жалобы, что эти буяны только терроризируютъ парламентскіе дебаты, были совершенно несостоятельны. Тѣ же депутаты изъ правой, которые въ дни нападенія на арсеналъ, когда настоящіе пролетаріи старались подвинуть Собраніе впередъ, со страхомъ оставались дома, теперь преспокойно разгуливали по залу засѣданій. Сами они не осмѣлились утверждать, что на ихъ голосованія имѣетъ вліяніе страхъ передъ буянами; но они только оплакивали „достоинство" Собранія, въ то время какъ они сами своими жалкими интригами ежедневно подрывали достоинство Собранія. Но помимо всего, если даже оставить открытымъ вопросъ, насколько реакціонная провокація участвовала въ этихъ уличныхъ сценахъ передъ зданіемъ драматическаго театра, мы можемъ сослаться на свидѣтельства всѣхъ безпристрастныхъ наблюдателей, и даже на свидѣтельство такихъ людей, какъ Гнейстъ и Унру, отъ взора которыхъ не могла ускользнуть малѣйшая опасность для собственности. Всѣ они утверждаютъ, что въ свободныхъ странахъ никто бы не обратилъ даже мимолетнаго вниманія на эти сцены.

Рѣшительный ударъ послѣдовалъ въ Вѣнѣ. Какъ берлинская революція, такъ и берлинская контръ-революція получила свои лозунги изъ австрійской столицы.

Послѣ побѣдъ Радецкаго въ Италіи австрійское правительство собрало вокругъ себя свои полуварварскіе славянскіе народы, чтобы съ ихъ помощью броситься на революціонные культурные народы, на нѣмцевъ и мадьяровъ. 31-го октября Виндишгрецъ взялъ штурмомъ Вѣну, оказавшую геройское сопротивленіе. Вечеромъ того же дня прусскій парламентъ послѣ страстныхъ и горячихъ преній принялъ безобидное предложеніе Родбертуса, чтобы правительство сдѣлало скорое и энергичное представленіе у имперскаго правителя и настаивало на томъ, чтобы угрожаемая народная свобода въ нѣмецкихъ земляхъ Австріи и существованіе рейхстага были взяты подъ дѣйствительную и успѣшную защиту для возстановленія мира. 1-го ноября въ Берлинѣ получилось извѣстіе о паденіи Вѣны. Тотчасъ же была вручена отставка Пфуэлю, и графу Бранденбургу было поручено образованіе новаго министерства. Бранденбургъ былъ воплощенная троица юнкера, офицера и Гогенцоллерна, дядя короля, происходилъ отъ одного изъ тѣхъ двоеженствъ, на которыхъ король Фридрихъ Вильгельмъ II упражнялся въ богобоязни и благочестіи.

Назначеніе графа Бранденбурга означало государственный переворотъ въ самой обнаженной формѣ, въ формѣ, которая даже правой казалась слишкомъ рискованной. Передъ Собраніемъ была слѣдующая альтернатива: либо открыто объявить коронѣ войну и объявить себя самостоятельной властью, но эта тактика, которую энергично защищалъ Якоби, была слишкомъ революціонной для большинства Собранія; или же попытаться парламентскимъ путемъ парализовать новое министерство, но этотъ путь не предвѣщалъ успѣха большинству. Согласились на предложеніи лѣваго центра войти черезъ депутацію съ представленіемъ королю о „положеніи страны“. Это былъ полушагъ, который одновременно показалъ королю и несговорчивость Собранія, и его безсиліе. Это уже обнаружилось

во внѣшней формѣ адреса, который долженъ былъ быть представленъ королю депутаціей. Якоби, Бухеръ и Рейхеншпергеръ должны были составить проектъ адреса. Бухеръ представилъ превосходно выработанный проектъ, который въ серьезномъ тонѣ указывалъ королю на „безконечно плачевныя послѣдствія его образа дѣйствій, напоминающія судьбы сосѣдняго государства“. Рейхеншпергеръ вплелъ въ этотъ проектъ всевозможныя лойальныя фразы о „сердцѣ Его Величества“, которое всегда билось за благо народа.

Депутація прибыла въ Сансуси 2-го ноября и послѣ долгихъ переговоровъ съ флигель-адъютантомъ Ф. Мантейфелемъ, ставшимъ впослѣдствіи фельдмаршаломъ, была допущена къ королю. Во время чтенія адреса депутатомъ Унру король повернулся къ депутаціи спиной и принялъ при этомъ позу, которая очень излюблена берлинскими уличными мальчишками, когда они хотятъ выразить кому-либо нѣчто противоположное уваженію. Такая манера была тогда въ первый разъ испробована въ конституціонномъ обращеніи между короной и народнымъ представительствомъ. Пораженная депутація въ первую минуту умолкла, но когда кончилось чтеніе адреса, король направился къ выходу. Тогда Якоби возбужденно спросилъ, желаетъ ли король выслушалъ депутацію и, получивъ грубый отвѣтъ: „нѣтъ!“, онъ бросилъ вслѣдъ удалявшемуся королю слова: „Въ томъ-то и несчастіе королей, что они не желаютъ выслушать правду“.

Надо было ожидать, что Якоби встрѣтятъ съ привѣтствіемъ его товарищи. Вѣдь онъ своимъ, хотя не совсѣмъ оригинальнымъ, но вполнѣ подходящимъ къ положенію, словомъ помогъ депутаціи какъ-нибудь выйти изъ того неловкаго положенія, въ которомъ она очутилась, благодаря своеобразному поведенію короля. Вышло, однако, иначе. Не успѣлъ еще король покинуть комнату, какъ большинство депутаціи обрушилось съ упреками на Якоби, и когда пришелъ фли-

гель-адъютантъ, Родбертусъ подбѣжалъ къ нему и „настойчиво просилъ войти къ Его Величеству и сказать ему, что мы убѣждены, что чувство Его Величества подскажетъ ему разницу между адресомъ Національнаго Собранія и послѣдними словами одного изъ депутатовъ“. На слѣдующій день Родбертусъ въ своей рѣчи въ Собраніи ставилъ себѣ этотъ поступокъ въ особую заслугу. Таковы были эти народные представители. И это были лучшіе изъ нихъ! Въ то время какъ по приказанію короля уже точились мечи, сѣдлались кони и заряжались пушки для разгона народнаго представительства военной силой, вожди парламента жаловались адъютанту короля на недостатокъ вѣрноподданническихъ чувствъ. Такая жалкая и унизительная политика должна была только вселить бодрость въ ряды контръ-революціи.

А контръ-революція очень нуждалась въ такомъ подбадриваніи. Бранденбургъ и Врангель могли только бравировать „летающей пулей и остро-отточенными мечами“ и внушали мало довѣрія осторожнымъ реакціонерамъ. Тогда острили, что флигель-адъютантъ ф. Мантейфель съ револьверомъ въ рукѣ дѣлаетъ небезопасными улицы Берлина, чтобы добыть себѣ министровъ. За шесть дней Бранденбургъ не успѣлъ собрать даже половины министерства. Военное министерство было отдано человѣку съ солдатской психологіей; а два домартовскихъ бюрократа, Ладенбергъ и ф. Мантейфель, получили министерства народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ. Для министерствъ иностранныхъ дѣлъ, торговли, сельскаго хозяйства, юстиціи и финансовъ не нашли кандидатовъ. Просто возстановить домартовскій абсолютизмъ и феодализмъ было совершенно невозможно, и только самые ограниченные юнкера могли еще мечтать объ этомъ. Вагенеръ рѣшительно заявилъ, что это реакціонная утопія; и даже Бранденбургъ безпрестанно увѣрялъ, что онъ съ головы до ногъ конституціоненъ, хотя

конституціонализмъ былъ для него книгой за семью печатями.

Во всякомъ случаѣ, прежде, чѣмъ нанести уничтожающій ударъ Собранію, контръ-революція должна была связаться, по крайней мѣрѣ, съ правой фракціей. Но тутъ оказалось маленькое затрудненіе, такъ какъ правая также неоднократно заявляла, что Собраніе не можетъ быть распущено короной. Принципъ соглашенія былъ безсмысленъ, такъ какъ въ одномъ государствѣ не могутъ быть двѣ суверенныя власти; но буржуазія увѣровала въ этотъ принципъ и не могла отречься отъ него. По этому принципу король не имѣлъ права распустить Собраніе, равно какъ Собраніе не имѣло права низложить короля. Это тревожное настроеніе длилось цѣлую недѣлю, а въ это время Собраніе занималось безразличными преніями, послѣ того какъ оно снова отклонило предложеніе лѣвой объ образованіи комитета безопасности. Въ городѣ въ это время царило полнѣйшее спокойствіе. Октябрьскіе буяны исчезли, какъ сквозь землю провалились. А контръ-революція сѣла у руля, но еще не знала, что начать.

Мало-по-малу родственныя души Бранденбурга и парламентской правой сошлись. Какъ и гдѣ произошло это пріятельское единеніе—неизвѣстно, но результатъ ихъ тайныхъ махинацій скоро всплылъ наружу. Правда, король не имѣлъ права распустить Собраніе, но онъ вѣдь имѣлъ право назначить ему другое мѣстопребываніе и съ этой цѣлью отложить его засѣданія на нѣкоторое время. Прекраснымъ предлогомъ для этого могли служить „частыя анархическія проявленія“ и „преступныя демонстраціи“ въ столицѣ, которыя имѣли цѣлью устрашать Собраніе. А кто же будетъ считать такую нѣжную заботливость о самостоятельности Собранія покушеніемъ на его существованіе? Это былъ старый планъ правой, выдуманный ею еще въ дни нападенія на арсеналъ. Если Собраніе выра-

зить на это свое согласіе, то этимъ будетъ созданъ прецедентъ, на основаніи котораго въ случаѣ нужды можно будетъ доказать, что корона имѣетъ также право распустить Собраніе. Если же оно не подчинится такому распоряженію, то можно будетъ сказать, что Собраніе возстанетъ противъ законнаго распоряженія короны, которое издано только съ цѣлью освободить Собраніе отъ власти черни. Правая имѣла, конечно, полное основаніе сомнѣваться въ умственныхъ способностяхъ графа Бранденбурга, и потому она ему заботливо предоставила своего члена Рintелена, испытаннаго казуиста въ юридическихъ вопросахъ, для поста министра юстиціи. Хотя тотъ же Ринтеленъ такъ недавно, 2-го ноября, ѣздилъ въ Сансуси для выраженія протеста противъ министерства Бранденбурга, но для прусскаго чиновника юстиціи весьма легкое дѣло сегодня наложить печать права на тѣ же акты насилія, которые онъ вчера осуждалъ. Съ этимъ коварнымъ планомъ въ карманѣ Бранденбургъ отправился къ Унру, чтобы вывѣдать у него кое-что о настроеніи фракцій. Если бы Бранденбургъ могъ читать въ душѣ буржуазіи, онъ бы пришелъ въ восторгъ отъ отвѣта Унру, что большинство Собранія, оба центра и лѣвая и онъ самъ, въ качествѣ предсѣдателя, не подчинятся указу о перемѣщеніи и объ отложеніи засѣданій.

Унру не была по вкусу абсолютистски-феодальная реакція, и онъ не намѣренъ былъ расчитаться съ ней такъ дешево, какъ правая. Но еще меньше по вкусу ему была вторая революція народа, и главной причиной его неподчиненія было, какъ онъ самъ открыто признался, его желаніе во что бы то ни стало предотвратить взрывъ новой революціи. Если бы Собраніе подчинилось указу о перемѣщеніи и отложеніи засѣданія, оно бы совершенно потеряло у народа свой и безъ того сильно поколебленный авторитетъ. Тогда можно было бы опасаться, что „политическіе кружки

станутъ во главѣ движенія", тогда „былъ бы неизбѣженъ уличный бой", какъ Унру говоритъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ". Но если Собраніе оказываетъ сопротивленіе приказамъ короны, оно тѣмъ самымъ укрѣпляетъ свой авторитетъ въ глазахъ народа; и телѣжка можетъ катиться дальше, а потомъ уже никакая человѣческая сила не въ состояніи будетъ вывезти ее на правильный путь. Унру былъ увѣренъ—и имѣлъ на то основаніе, что онъ мастерски разрѣшитъ эту задачу.

Сомнительно, чтобы Бранденбургъ вѣрно понялъ это положеніе вещей. Во всякомъ случаѣ, онъ имѣлъ въ рукахъ политическую нить. 9-го ноября онъ оповѣстилъ въ Собраніи королевскій указъ о перемѣщеніи его въ городъ Бранденбургъ и объ отложеніи его засѣданій до 27 ноября. На заявленіе Унру, что онъ не можетъ закрыть засѣданія безъ согласія Собранія и поэтому предлагаетъ Собранію рѣшить этотъ вопросъ, Бранденбургъ отвѣтилъ „торжественнымъ" протестомъ противъ „незаконнаго" продолженія преній и покинулъ залъ. Онъ забаррикадировался въ зданіи военнаго министерства, а Врангель съ большимъ войскомъ вступилъ въ Берлинъ. Не прошло трехъ дней, и оба воина, Бранденбургъ и Врангель, растоптали своими шпорами все государственное право: законы отъ 6-го и отъ 8-го апрѣля, законы о гражданской милиціи и охрану личной свободы. Зато они себѣ создали новое право въ видѣ осаднаго положенія, для введенія котораго не было никакой законной прицѣпки и никакого фактическаго повода. Они провозгласили голое господство штыка.

7. Ноябрская трагикомедія.

Благодаря выступленію контръ-революціи, Собраніе получило такую солидную правовую почву, какой прусская, буржуазія ни до того ни послѣ этого никогда не имѣла подъ ногами.

И формально и по существу парламентъ поступилъ вполнѣ легально, когда онъ рѣшилъ не подчиниться указу короны, — независимо отъ того, считать ли дѣйствительной теорію соглашенія или нѣтъ. Даже тѣ, которые признавали эту теорію, какъ масштабъ для сужденія о легальности дѣйствій Собранія, должны были прійти къ выводамъ, которые Гнейстъ, юристъ, принадлежавшій къ правой, выразилъ въ слѣдующихъ словахъ: „Національное Собраніе было созвано въ Берлинѣ для выработки конституціи путемъ соглашенія. Оно собралось на основаніи закона въ Берлинѣ. Оно при созывѣ и послѣ фактически утвердило назначеніе мѣста. Перемѣна мѣста и времени не можетъ, поэтому, исходить отъ одной изъ сторонъ, ни отъ короны, ни отъ Собранія, ибо и корона и Собраніе стояли другъ противъ друга, какъ самостоятельныя власти. Кто признаетъ за короной право перемѣстить Собраніе въ Бранденбургъ, тотъ долженъ признать за ней также право перемѣстить его и въ Тильзитъ и въ Саарлуи и въ какое-угодно мѣсто; кто признаетъ отложеніе засѣданій на четырнадцать дней, тотъ долженъ признать такое отложеніе и на четырнадцать лѣтъ. Свободное соглашеніе между двумя сторонами немыслимо, когда одной сторонѣ предоставляется право опредѣленія времени и мѣста. Такое одностороннее рѣшеніе существуетъ также тамъ, гдѣ одна сторона беретъ себѣ право судить, существенно ли то или другое измѣненіе или нѣтъ, имѣется ли достаточное основаніе для этого или нѣтъ. Тутъ рѣчь идетъ не о „приказаніи и повиновеніи, а объ охраненіи нашихъ правъ". Вопросъ съ точки зрѣнія права былъ ясенъ. Даже консервативные юристы, когда они не хотѣли намѣренно гнуть право, разрѣшали этотъ вопросъ въ смыслѣ Гнейста, какъ, напр., Борнеманнъ, бывшій министръ юстиціи въ министерствѣ Кампгаузена.

Большинство Собранія было убѣждено въ своемъ правѣ. Когда Бранденбургъ 9-го ноября послѣ своего

„торжественнаго протеста“ покинулъ залъ засѣданій, даже не всѣ члены правой послѣдовали за нимъ. Нѣкоторые изъ ея членовъ остались въ залѣ, будь то изъ-за угрызенія совѣсти или изъ какихъ-либо дурныхъ соображеній. Около 250 членовъ не подчинились государственному перевороту, и ихъ присутствіе дѣлало Собраніе способнымъ принимать рѣшенія. Резолюція, обоснованная бывшимъ министромъ сельскаго хозяйства Гирке, оспаривала за короной право противъ воли Собранія отложить его засѣданія, перемѣстить или распустить его и обвиняла отвѣтственныхъ министровъ въ тяжкомъ нарушеніи долга передъ короной, передъ страной и передъ Собраніемъ. И эта резолюція получила почти единогласное одобреніе. Послѣ этого удачнаго разрѣшенія юридическаго вопроса, дѣло сводилось къ тому, будетъ ли Собраніе защищать свое право и отражать беззаконіе короны.

Самъ по себѣ и этотъ вопросъ былъ ясенъ, какъ день, не менѣе ясенъ, чѣмъ вопросъ о правѣ. Онъ даже непосредственно вытекалъ изъ правового вопроса. Если корона прибѣгаетъ къ насилію, то Собраніе должно защищать себя силой. О правѣ на революцію, къ которому лойяльная буржуазія относилась подозрительно, тутъ не приходилось говорить. Тутъ шла рѣчь о простомъ законномъ отраженіи незаконнаго нападенія, и защитники должны волей-неволей пустить въ ходъ то оружіе, которое выбрали нападающіе. Когда иноземный завоеватель вторгается въ страну силой оружія, народъ защищаетъ ее также съ оружіемъ въ рукахъ; а измѣнники, Бранденбургъ и Врангель, были опаснѣе и ненавистнѣе, чѣмъ иноземные завоеватели. Если Собраніе послѣ нарушенія закона со стороны короны смотрѣло на себя, какъ на единственную законную власть въ странѣ, каковой оно въ дѣйствительности было, оно должно было призвать народъ къ сопротивленію всѣми силами и къ воору-

женному сопротивленію вооруженнымъ насильникамъ. Это были его долгъ и его право, какъ только корона сдѣлала попытку разогнать его силой.

Положеніе вещей нисколько не измѣнилось отъ того, что Собраніе могло опасаться, что, благодаря своимъ крупнымъ ошибкамъ, оно потеряло довѣріе народа, что оно не сумѣетъ противопоставить силѣ короны большую силу. Отказаться отъ борьбы за право лишь потому, что она можетъ кончиться пораженіемъ, на это способны лишь трусы. Если-бы Леонидъ при Ѳермопилахъ повернулъ назадъ со своими тремя стами греками, на томъ основаніи, что онъ все равно не въ состояніи побѣдить персидское войско, его имя перешло бы въ исторію не какъ имя героя, а какъ имя плута или шута. Что обязательно на войнѣ, то обязательно также во время революціи. Марксъ впослѣдствіи осудилъ тактику прусскаго Собранія во время ноябрьскаго кризиса, говоря: „Пораженіе послѣ упорной борьбы есть не менѣе революціонный по своему значенію фактъ, чѣмъ легкая побѣда". Если бы Собраніе приняло вызовъ и вступило въ борьбу, даже будучи увѣреннымъ въ пораженіи, оно бы этимъ искупило свою вину въ прошломъ и спасло бы надежду на свое будущее; тогда прусскій парламентаризмъ не былъ бы обреченъ на роль тѣни на стѣнѣ въ продолженіе полувѣка. Къ тому же борьба не была еще безнадежной, при томъ, конечно, предположеніи, что Собраніе будетъ дѣйствовать энергично, быстро и ясно.

Удобный случай для начала дѣйствій ему представился еще въ тотъ же день. Министръ внутреннихъ дѣлъ съ истинно-прусскимъ цинизмомъ отдалъ приказъ черезъ президента полиціи начальству гражданской милиціи закрыть доступъ Собранію въ зданіе драматическаго театра. Начальство милиціи отказалось исполнить этотъ приказъ, мотивируя свой отказъ вполнѣ справедливо тѣмъ, что гражданская милиція, согласно спеціальному закону, обязана „охранять конститу-

ціонную свободу и законный порядокъ“ и отнюдь не должна нарушать ихъ, и что эта милиція, согласно тому же закону, должна принимать приказы не отъ министра внутреннихъ дѣлъ и не отъ призидента полиціи, а исключительно только отъ общинныхъ властей. Римплеръ доставилъ эту переписку Унру, и послѣдній быстро созвалъ Собраніе на 10 ноября въ 5 часовъ утра, такъ какъ президентъ полиціи объявилъ, что, если гражданская милиція до шести часовъ утра не выразитъ своей готовности повиноваться приказу, королевскія власти примутъ „свои мѣры, которыя найдутъ подходящими“.

На этомъ засѣданіи передъ Собраніемъ лежали три обращенія, которыя могли опредѣлить его образъ дѣйствія. Депутація отъ магистрата предлагала свое посредничество между короной и парламентомъ. Она требовала отъ Собранія „примирительныхъ шаговъ“ и, главнымъ образомъ, предупрежденія кровопролитія. Гражданская милиція передала Собранію всю переписку между ея начальствомъ и президентомъ полиціи, не прибавивъ къ этому никакихъ особыхъ совѣтовъ и требованій. Этимъ молчаливымъ намекомъ она, очевидно, хотѣла сказать, что она, конечно, не дастъ себя употребить для нападенія на Собраніе, но что этимъ исчерпывается все ея геройство. Наконецъ, организованные рабочіе Берлина, „берлинскій окружной комитетъ Братства Германскихъ Рабочихъ, къ которому,—какъ Унру замѣтилъ при чтеніи обращенія, — судя по подписямъ, принадлежала большая часть ремеселъ“, призывали Собраніе къ вооруженному возстанію. Въ этомъ краткомъ обращеніи было сказано: „Рабочіе Берлина вполнѣ готовы послѣдовать вашему зову, если кто-нибудь осмѣлится нарушить права народа въ лицѣ его представителей; они предлагаютъ вамъ свою руку и кровь своего сердца противъ каждаго врага, который пожелаетъ совершить предательское насиліе надъ вами и надъ свободами

народа". Не открывая дебатовъ по поводу этихъ обращеній, Унру разъяснилъ, что „примирительныхъ шаговъ" Собраніе уже дѣлать не можетъ, но что, во всякомъ случаѣ, должно быть предотвращено кровопролитіе. У министерства долженъ быть отнятъ всякій предлогъ къ насильственнымъ и принудительнымъ мѣрамъ, къ объявленію осаднаго положенія и т. п. Нужно оказывать пассивное сопротивленіе, и вполнѣ достаточно, если Собраніе дастъ себя прогнать съ своихъ мѣстъ „только силѣ". Настоящее рѣшеніе вопроса можетъ дать страна. Если печать и право союзовъ не будутъ снова подавлены, страна сможетъ побѣдить реакцію безъ кровопролитія. Если же страна не выступитъ съ подлежащимъ протестомъ, то она должна будетъ пенять только на себя, если начавшая только что цвѣсти свобода снова завянетъ.

Унру лучше всякаго другого зналъ то, о чемъ воробьи кричали уже на всѣхъ крышахъ, что контръреволюція уже дѣлаетъ шаги къ подавленію печати и права союзовъ и къ объявленію осаднаго положенія,— чѣмъ и объясняется героичность его принципіальнаго заявленія. Фактически онъ прибавилъ къ этому заявленію призывъ къ гражданской милиціи не защищать активно Собранія, когда ему будутъ угрожать военной силой, а оказывать только пассивное сопротивленіе. А относительно обращенія рабочихъ онъ сказалъ: „Если я вѣрно понялъ мнѣніе Собранія, то могу сказать, что мы никоимъ образомъ не можемъ подавать поводъ или даже только допустить, чтобы эти люди, силы и кровь которыхъ принадлежатъ отечеству, пожертвовали эти посвященныя отечеству силы въ не надлежащее время и на ненадлежащемъ мѣстѣ". Унру былъ буржуа до мозга костей, и кулакъ рабочаго, подымающійся надъ деспотическимъ беззаконіемъ, хотя бы въ интересахъ буржуазіи, долженъ былъ ему казаться несвоевременнымъ и неумѣстнымъ. Онъ считалъ, что кровь и силы пролетаріата принад-

лежатъ исключительно „отечеству", подъ которымъ онъ понималъ прибыль капитала.

Собраніе отвѣтило на разъясненія своего предсѣдателя „единодушнымъ браво". Не раздалось ни одно возраженіе. На томъ же засѣданіи Собраніе рѣшило выпустить воззваніе къ народу, совѣтуя ему „ни на одну минуту не покидать почвы закона даже въ настоящій тяжелый моментъ, когда законное представительство народа разгоняется штыками". А чтобы показать свою независимость отъ правительства въ обсужденіи органическихъ законовъ, оно снова взялось за обсужденіе закона о феодальныхъ повинностяхъ, но при такихъ условіяхъ, которыя должны были охладить интересъ къ Собранію со стороны сельскаго пролетаріата, какъ заявленіе Унру охладило интересъ городского пролетаріата. Оставшіеся въ Собраніи нѣсколько человѣкъ правой потребовали, чтобы въ случаѣ возраженія со стороны хотя бы одного члена всѣ вносимыя поправки къ закону были переданы обратно въ комиссію,—и Собраніе удовлетворило это требованіе. Оно пожертвовало интересами крестьянъ, тщательно охраняя до тончайшихъ подробностей право тѣхъ членовъ, которые, забывъ свой долгъ, повернулись къ Собранію спиной.

И тутъ это, такъ называемое, Національное Собраніе разыграло пошлый фарсъ, пародію на ту величавую историческую драму, которую шестьюдесятью годами раньше выдвинуло передъ міромъ французское Національное Собраніе.

По законопроекту правительства, безвозмездной отмѣнѣ подлежали тѣ безконечныя повинности, которыя имѣли чисто феодальное происхожденіе и не покоились на договорахъ,—повинности, которыя даже въ домартовскомъ законодательствѣ признавались, какъ послѣдствія наслѣдственнаго крѣпостного состоянія. Это относилось, однако, только къ захолустьямъ провинцій Саксоніи и Вестфаліи, гдѣ эти повинности еще

существовали; въ другихъ же западныхъ частяхъ страны французское иноземное владычество уже давно вытравило эти остатки христіанско-германскаго великолѣпія. Но внесенное предложеніе объ общей безвозмездной отмѣнѣ такихъ повинностей, т. е. объ отмѣнѣ ихъ также въ восточныхъ провинціяхъ, гдѣ онѣ особенно жестоко выколачивались, должно было быть отложено, такъ какъ одинъ членъ высказался противъ его обсужденія. Тотъ же правительственный законопроектъ заключалъ въ себѣ безвозмездную отмѣну охотничьихъ, погоньщичьихъ, собаковожатыхъ, охотослужебныхъ повинностей, равно какъ разныхъ податей, встрѣчающихся подъ именами: собачій хлѣбъ, собачье зерно, собачій овесъ, собачье полевое зерно, собачій полевой овесъ и т. п. Цѣлый рядъ поправокъ вносился съ цѣлью прибавить къ этому средневѣковому перечню еще охотничьи деньги, прядильныя, дровосѣчныя деньги, конопляныя, фитильныя, льняныя, болотныя деньги и т. д. и т. д. Но ни одна изъ этихъ поправокъ, не обсуждалась, такъ какъ каждый разъ этому противился какой-либо членъ изъ правой. И въ этой толчеѣ проходили цѣлые часы.

Это была горькая, но вполнѣ заслуженная иронія судьбы, когда посреди этой недостойной жалкой игры получилось извѣстіе, что охраняемый граждкнской милиціей домъ драматическаго театра окруженъ также войсками. Римплеръ и Врангель, во главѣ своихъ армій, вели между собой гомерическое словосостязаніе, которое окончилось завѣреніемъ генерала, что, если ему даже придется восемь дней подрядъ простоять тутъ на площади, онъ не уйдетъ раньше, чѣмъ депутаты покинутъ зданіе, которое онъ послѣ ихъ ухода запретъ. Гражданская милиція не хотѣла отступить безъ депутатовъ, и потому президентъ констатировалъ, что наступилъ уже моментъ вторженія военной силы. При „всеобщихъ крикахъ: браво“, на которые, вообще, не скупились въ эти дни, Собраніе заявило, что оно

уступаетъ „только военной силѣ“, и ушло вмѣстѣ съ гражданской милиціей. Тотчасъ послѣ этого войска заняли домъ драматическаго театра, и въ видахъ спасенія отечества или для препровожденія времени солдаты разбросали архивы Собранія.

11 ноября министерство распустило гражданскую милицію, на что король, „изъ важныхъ соображеній, отмѣченныхъ подробно въ указѣ о роспускѣ“, имѣлъ формальное право. Но по существу эта мѣра была беззаконіемъ,—единственный мотивъ, упомянутый въ указѣ былъ слѣдующій: гражданская милиція была распущена потому, что она отказалась повиноваться формально и матеріально противозаконному приказу президента полиціи закрыть доступъ къ драматическому театру. Собраніе, собравшись въ тотъ же день въ Стрѣлковомъ домѣ, объявило роспускъ гражданской милиціи беззаконіемъ и каждаго чиновника или гражданина, который этому будетъ содѣйствовать, измѣнникомъ. Но при этомъ оно прибавило оговорку, что оно призываетъ министерство взять свой указъ обратно, а гражданская милиція и населеніе Берлина должны спокойно ожидать этого. Римплеръ тотчасъ же сложилъ съ себя полномочія начальника милиціи. Маіоры гражданской милиціи попытались кое-что сдѣлать и собрались въ ту же ночь для обсужденія вопроса, какое сопротивленіе надо оказывать: активное или пассивное. Депутація отъ Братства Рабочихъ призывала къ активному сопротивленію и ручалась, что пролетаріатъ окажетъ сильную поддержку. Пришелъ на это собраніе также Вальдекъ съ нѣкоторыми депутатами лѣвой. Онъ сказалъ, что не его дѣло давать совѣты маіорамъ, что онъ самъ не владѣетъ оружіемъ и не свѣдущъ въ военномъ дѣлѣ, что каждый долженъ самъ знать, что ему слѣдуетъ дѣлать, и тому подобныя уклончивыя фразы. Собраніе, и безъ того весьма немноголюдное, разбрелось послѣ нѣсколькихъ путанныхъ рѣчей, а разоруженіе милиціи прошло при полномъ спокойствіи.

А фельдфебели въ министерскихъ фракахъ исчерпали уже всю свою политическую премудрость. Они должны были и хотѣли объявить осадное положеніе, чтобы окончательно уничтожить свободу союзовъ и свободу печати; но гражданская милиція дала себя спокойно разоружить, и бумажные протесты Собранія нисколько не нарушили общей тишины и спокойствія. Въ эту трудную минуту безпомощность министровъ фельдфебелей нашла себѣ подмогу въ глупости бюргеровъ. 12 ноября явилась депутація городскихъ гласныхъ передъ собравшимся министерствомъ и уговаривала его подать въ отставку. У Брандербурга хватило самообладанія, чтобы спокойно выслушать это курьезное требованіе и отклонить его „со спокойнымъ достоинствомъ", какъ докладываетъ объ этомъ очевидецъ Гнейстъ. Тогда представитель магистрата выпалилъ: „Только что, неизвѣстно какимъ путемъ, нѣсколько тысячъ ружей гражданской милиціи попало въ руки демократическихъ клубовъ и рабочихъ, и поэтому въ виду предотвращенія страшнаго кровопролитія мы должны протестовать противъ роспуска гражданской милиціи и противъ угрожающаго осаднаго положенія". При этихъ словахъ, содержаніе которыхъ было разумѣется чистѣйшимъ вымысломъ, по лицамъ министровъ пробѣжала, улыбка удовольствія — Гнейстъ съ свойственной ему вѣжливостью называетъ эту улыбку „просіяніемъ радостнаго сюрприза" — и они моментально отвѣтили, что осадное положеніе должно быть объявлено, именно, въ виду такихъ чрезвычайно серьезныхъ обстоятельствъ,—что и было исполнено еще въ тотъ же день.

Немедленно были закрыты всѣ клубы, собранія свыше двадцати лицъ были запрещены, выпускъ листковъ, газетъ и другихъ печатныхъ произведеній былъ поставленъ въ зависимость отъ разрѣшенія полиціи. Послѣдняя тотчасъ же пріостановила всѣ непріятные ей органы. А старымъ филистерскимъ газетамъ она сдѣлала настойчивое внушеніе, что онѣ бу-

дутъ пріостановлены, если обнародуютъ кое-что въ пользу Собранія или противъ правительства. Затѣмъ пошла масса беззаконныхъ обысковъ, арестовъ и другихъ притѣсненій, какъ, напр., распоряженіе полиціи выслать въ теченіе двадцати четырехъ часовъ всѣхъ иногородныхъ, „которые не могутъ документально доказать цѣль своего пребыванія въ столицѣ"—это распоряженіе было примѣнено также къ Родбертусу — и назначеніе военныхъ судовъ, которымъ стали подсудны всѣ, чьи „измѣнническія дѣйствія" могли причинить опасность или вредъ войску.

Получивъ извѣстіе объ этихъ событіяхъ, депутаты рѣшили собраться въ Стрѣлковомъ домѣ. Но они нашли этотъ домъ и сосѣднія улицы наполненными вооруженными людьми. Это не были милиціонеры, это были летучіе отряды, составлявшіеся изъ купцовъ, техниковъ, художниковъ, студентовъ. Они категорически потребовали, чтобы народные представители позволили имъ охранять ихъ. Но не менѣе категорически отвѣчалъ имъ Унру, что Собраніе не желаетъ имѣть ихъ охраны, а Вальдекъ, какъ вице-президентъ, подтвердилъ это. Унру настаивалъ на томъ, чтобы вооруженные отряды удалились, и отказывался до ихъ ухода открыть засѣданіе. Въ этомъ засѣданіи введеніе осаднаго положенія было объявлено беззаконіемъ и на этотъ разъ безъ обычнаго припѣва, что населеніе не должно оказать этому беззаконію активнаго сопротивленія. Юнгъ, депутатъ изъ лѣвой, заявилъ даже при этомъ, что пора уже оставить читать наставленія народу, ибо такія предостереженія могутъ быть истолкованы такъ, что Собраніе не признаетъ за народомъ права на активное сопротивленіе беззаконному насилію. Если Собраніе не желаетъ призывать народъ къ оружію, то пусть оно, по крайней мѣрѣ, не удерживаетъ его отъ активныхъ выступленій. Мало-по-малу пробудилось чувство стыда въ Собраніи. Со всѣхъ частей страны получались сотни ободряю-

щихъ адресовъ, а Собраніе въ это время работало надъ разрѣшеніемъ квадратуры круга: оно хотѣло защищать свободу, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы при этомъ не была пролита ни одна капля крови.

Еще 11 ноября лѣвая предложила отказъ отъ уплаты податей. Но это предложеніе было отдано въ комиссію, при чемъ Унру возвѣстилъ, что и безъ этого „послѣдняго мирнаго средства" „голосъ народа" заглушитъ „шипѣніе реакціи". Но когда оказалось, что реакція вовсе не „шипитъ", а нагромождаетъ одну беззаконную насильственную мѣру надъ другой, несмотря на все громче и громче раздававшійся „голосъ народа", тогда лѣвая снова внесла 12 ноября предложеніе, что совершившее государственную измѣну министерство не имѣетъ права расходовать казенныя деньги и взимать подати. Бухеръ при этомъ предложилъ резолюцію, освобождающую войско отъ присяги, въ случаѣ приказа дѣйствовать противъ закона, какъ при исполненіи приказовъ, связанныхъ съ осаднымъ положеніемъ. Нѣкоторые члены лѣвой предложили, чтобы было выпущено въ этомъ духѣ воззваніе, которое бы обращалось къ „братьямъ въ арміи" и побуждало ихъ признавать „законный образъ дѣйствія" Собранія. Все это, однако, казалось присутствовавшимъ нѣсколькимъ членамъ правой слишкомъ революціоннымъ, и они угрожали своимъ уходомъ сдѣлать Собраніе неспособнымъ принимать рѣшенія, если оно не откажется отъ такихъ плановъ. Предложенія, имѣвшія отношенія къ войску, были взяты обратно. Циглеръ, упоенный своимъ прусскимъ государственнымъ фанатизмомъ, за который онъ впослѣдствіи былъ жестоко наказанъ, восхвалялъ при этомъ военную дисциплину, какъ мать всѣхъ побѣдъ. Было уже извѣстно, что большинство комиссіи противъ отказа отъ уплаты податей, и рѣшеніе по этому вопросу Собраніе отложило до представленія комиссіей письменнаго доклада. Тѣ немногіе члены правой, въ рукахъ которыхъ было формальное право

Собранія на существованіе, лишили, вмѣстѣ съ тѣмъ, это право всякаго матеріальнаго содержанія.

Послѣ объявленія осаднаго положенія министерство приняло рѣшительныя мѣры противъ Собранія, какъ противъ частнаго клуба съ числомъ членовъ больше двадцати. Но Собранію все-таки удалось устроить еще три засѣданія: 13, 14 и 15 ноября. Стенографическій отчетъ объ этихъ засѣданіяхъ производитъ крайне жалкое впечатлѣніе. Снова министры были объявлены государственными измѣнниками, о чемъ рѣшено было донести прокурору, прочитывались адреса при шумнымъ аплодисментахъ. При этомъ одинъ вице-президентъ и пара секретарей, оставшіеся послѣ закрытія засѣданія 13 ноября въ залѣ Стрѣлковаго дома для пріема депутацій, разсказывали, съ какой неожиданной вѣжливостью войско ихъ выпроводило оттуда. Въ трогательномъ тонѣ заявилъ вице-президентъ, что противъ него примѣнена была грубая, но не жестокая сила. Одинъ изъ секретарей разсказывалъ взволнованнымъ голосомъ, какъ солдатъ, „рослый и сильный человѣкъ взялъ его съ особой нѣжностью подъ руку, скорѣе по-братски, нежели, какъ врагъ“, и повелъ его внизъ по лѣстницѣ; другой секретарь прибавилъ, что у солдатъ „катились слезы съ глазъ“. Одинъ членъ лѣвой пробовалъ было протестовать противъ такого превознесенія прусской тиранніи, когда она подкрадывается на цыпочкахъ, но онъ былъ за эту фривольную шутку наказанъ „неодобреніемъ“ Собранія. Въ то же время тщательно заносилось въ протоколъ каждое неделикатное слово, которое какой-нибудь лейтенантъ говорилъ по адресу какого-нибудь депутата. Эти хорошіе люди, но плохіе музыканты, принялись за дѣло такъ, какъ будто рѣчь шла не объ исторической тяжбѣ между короной и народомъ, а объ обыкновенномъ процессѣ, нуждающемся въ разностороннемъ разслѣдованіи и приведеніи доказательствъ за и противъ.

Нелегко было, однако, Собранію справиться съ предложеніемъ объ отказѣ отъ уплаты податей. Объявляя такъ часто Бранденбурга и его присныхъ государственными измѣнниками, оно по необходимости должно было оспаривать за ними право взимать подати и распоряжаться государственными суммами. Но при такихъ условіяхъ отказъ отъ уплаты податей былъ уже не послѣднимъ шагомъ пассивнаго сопротивленія и первымъ шагомъ активнаго сопротивленія. Если отказъ отъ уплаты податей долженъ быть „мирнымъ средствомъ", то возникали всякія педантичныя конституціонныя сомнѣнія, въ правѣ ли Собраніе отклонить установленные уже въ бюджетѣ текущаго года налоги, ибо право на разрѣшеніе и отклоненіе налоговъ было предоставлено закономъ 6-го апрѣля лишь будущимъ народнымъ представителямъ.

Вопросъ этотъ затронулъ Собраніе за живое, и неудивительно, что онъ былъ неудобенъ не только членамъ правой, но также многимъ другимъ депутатамъ. Послѣ вторичнаго обсужденія комиссія снова отклонила отказъ отъ уплаты податей пятью голосами противъ трехъ. Но адресы и депутаціи стали все настойчивѣе требовать принятія этого рѣшенія, и тогда Унру выдумалъ особенно хитрую тактику. Когда на засѣданіи 14-го ноября, происшедшемъ въ залѣ городской думы, начали распространяться слухи о приближеніи войска, Унру заявилъ, что если Собраніе еще разъ будетъ разогнано, онъ его больше не созоветъ, пока онъ не убѣдится, что засѣданія могутъ проходить безпрепятственно; ибо онъ считаетъ ниже достоинства Собранія давать себя гнать изъ одной части города въ другую. Но войско къ несчастью не пришло, и когда Вальдекъ при сильномъ протестѣ со стороны правой потребовалъ рѣшенія вопроса объ отказѣ отъ уплаты податей, предсѣдатель просилъ повременить этимъ до слѣдующаго дня, чтобы не нарушить какимъ нибудь несогласіемъ „славной позиціи" Собранія. Унру

обѣщалъ созвать собраніе на слѣдующій день въ томъ же залѣ, такъ какъ оно на этотъ разъ не было разогнано. Этимъ обѣщаніемъ удовлетворился Вальдекъ и согласился на отсрочку. Но, послѣ закрытія засѣданія, въ залу вошли солдаты, и Унру былъ увѣренъ, что теперь вмѣстѣ съ народнымъ представительствомъ похоронено также предложеніе объ отказѣ въ податяхъ.

Собраніе, однако, не пало еще такъ низко, какъ его достойный предсѣдатель. Письменное заявленіе, подписанное 202 депутатами—законнымъ числомъ для принятія рѣшеній,—заставило предсѣдателя созвать еще разъ Собраніе на вечеръ 15-го ноября въ отелѣ Миленцъ. Этого требовали и защитники и противники предложенія объ отказѣ въ податяхъ. Съ одной стороны, комиссія пришла теперь къ заключенію, что мѣропріятія правительства достигли такой степени насилія, коварства и несправедливости, и Собраніе опутано такой густой сѣтью насилія и козней, что ему ничего другого не остается, какъ прибѣгнуть къ этому крайнему средству, даже на тотъ случай, если это средство введетъ анархію въ странѣ. Съ другой стороны, противники хотѣли растоптать искру, прежде чѣмъ она разгорится въ пламя, а въ крайнемъ случаѣ они надѣялись внести въ рѣшеніе такія оговорки, которыя бы свели его къ нулю. Они приготовили на всякій случай слѣдующее предложеніе: подати взимаются попрежнему, установленные кредиты также расходуются попрежнему, но излишки не отдаются въ распоряженіе министерства Бранденбурга, а остаются въ рукахъ податныхъ присутствій на ихъ собственную отвѣтственность. Лучше нельзя было иллюстрировать пассивное сопротивленіе, какъ этимъ предложеніемъ, требующимъ сопротивленія государственному перевороту отъ той части населенія, которая менѣе всего способна оказать сопротивленіе—отъ бюрократіи, находящейся въ полной зависимости отъ министерства.

Своевременное прибытіе войска спасло Собраніе отъ этого позорнаго самоуничтоженія. Посреди громовой филиппики одного депутата противъ отказа въ податяхъ маіоръ Герватъ, впослѣдствіи фельдмаршалъ, занялъ домъ съ отрядомъ солдатъ. Какъ только Унру увидѣлъ въ залѣ блестящіе шлемы солдатъ, онъ заявилъ, что въ присутствіи штыковъ онъ не приступитъ къ голосованію. Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ съ Гервартомъ онъ произнесъ магическую формулу: „Мы снова уступаемъ насилію“. Но Собраніе было возбуждено и протестовало противъ этого, требуя немедленнаго голосованія. Родбертусъ употребилъ весь свой запасъ вѣжливости, чтобы выпроводить на минуту маіора, и отказъ въ податяхъ былъ принятъ единогласно. Принята была самая слабая изъ предложенныхъ формъ: министерство Бранденбурга не имѣетъ права распоряжаться государственными суммами и взимать подати и налоги, пока Собраніе не имѣетъ возможности безпрепятственно продолжать свои занятія въ Берлинѣ. Предсѣдатель объявилъ рѣшеніе „законнымъ“ и закрылъ засѣданіе.

Непосредственно послѣ этого этотъ хитрый человѣкъ созвалъ чиновниковъ Собранія на конференцію, которая установила, что это рѣшеніе не можетъ еще считаться окончательнымъ, такъ какъ принятое рѣшеніе было доставлено депутатамъ лишь въ рукописномъ видѣ, а такой-то параграфъ наказа опредѣляетъ, что непечатныя предложенія, въ случаѣ ихъ принятія, должны быть послѣ ихъ напечатанія вторично проголосованы безъ преній. Хотя тотъ же предсѣдатель за день до того разъяснилъ, что нарушеніе такого чисто формальнаго требованія наказа ни въ коемъ случаѣ не можетъ затронуть матеріальной дѣйствительности рѣшеній, но утро вечера мудренѣе—и черезъ ночь онъ могъ перемѣнить свое мнѣніе. Теперь онъ долженъ былъ сдѣлать одно изъ двухъ: или еще разъ созвать Собраніе для исполненія забытой формаль-

ности, или же, если онъ этого не хотѣлъ сдѣлать, по крайней мѣрѣ, открыто обратиться къ налогоплательщикамъ и заявить имъ, что то рѣшеніе, которое онъ открыто оповѣстилъ, какъ „законное“, все-таки незаконно. Самая скромная доза чувства чести и долга не дожна была позволить ему сознательно ввести въ заблужденіе избирателей, которые сами, конечно, не могли разобраться во всѣхъ тонкихъ формальностяхъ наказа. Тѣмъ не менѣе, конференція рѣшила, что не дѣло Собранія обнародовать разъясненія по своему наказу. Эти храбрые буржуа поспѣшили обезопасить свои драгоцѣнныя тѣла, и тогда имъ ничего не стоило играть роль самоотверженныхъ героевъ на счетъ своихъ избирателей.

При такихъ обстоятельствахъ рѣшеніе объ отказѣ въ податяхъ было ударомъ въ воздухъ. Нѣкоторые революціонные центры, особенно въ Рейнской провинціи и въ Силезіи, использовали это рѣшеніе для того, чтобы вызвать вооруженное возстаніе, но эти отдѣльныя вспышки скоро потухли, такъ какъ Собраніе совсѣмъ не думало о разжиганіи крупнаго пожара путемъ организаціи отказа въ платежѣ податей. Когда впослѣдствіи нѣсколько десятковъ депутатовъ были привлечены къ отвѣтственности за подстрекательство своихъ избирателей къ неплатежу податей, они безъ труда доказали свою полную невиновность. Шульце-Деличъ хвасталъ даже, что ему удалось удержать гражданъ своего родного города, когда послѣдніе хотѣли совершить нападеніе на арсеналъ. Одинъ только Бухеръ былъ уличенъ въ томъ, что онъ побуждалъ своихъ избирателей и также городскія власти своей родной провинціи наложить арестъ на королевскія кассы, прогнать чиновниковъ министерства, совершившаго государственную измѣну, отвѣчать на вооруженное насиліе вооруженнымъ сопротивленіемъ, словомъ— во всѣхъ такихъ дѣяніяхъ, которыя должны были бы совершить всѣ члены Собранія, если бы они своимъ

рѣшеніемъ объ отказѣ въ податяхъ имѣли въ виду нѣчто большее, чѣмъ шумиху.

Послѣ того какъ Унру и его единомышленники успѣли, такимъ образомъ, завести парламентъ въ безнадежный тупикъ, они рѣшили отправиться въ городъ Бранденбургъ для продолженія парламентской болтовни. Но тутъ они ошиблись въ разсчетѣ, не принявъ во вниманіе образа дѣйствій министерства Бранденбурга. Какъ только контръ-революція убѣдилась въ томъ, что за спиной Собранія не стоятъ народныя массы, она обнаружила то практическое и тактическое превосходство, которымъ постоянно отличалась политика прусскаго юнкерства отъ политики прусской буржуазіи. 5-го декабря министерство распустило Собраніе и въ то же время опубликовало конституцію, которая еще подлежала пересмотру Собраніемъ, выбраннымъ на основѣ всеобщаго избирательнаго права. Конституція эта была, конечно, въ нѣкоторыхъ весьма существенныхъ пунктахъ сильно обезображена; къ тому еще на ряду съ новымъ Собраніемъ имѣлось въ виду собрать для пересмотра этой конституціи первую палату, выбранную по очень высокому цензу; но блескъ либеральныхъ принциповъ сіялъ въ этомъ дарованномъ королевской рукой документѣ такъ ярко, что оставались незамѣтными всѣ оговорки, которыя могли, однако, разрушить все это конституціонное великолѣпіе.

Въ то же время правительство обѣщало внести въ новый парламентъ цѣлый рядъ законопроектовъ, поименно перечисленныхъ, которые должны были создать основы гражданской свободы въ прусскомъ государствѣ. Для вящшаго завѣренія своихъ добрыхъ желаній оно обласкало буржуазную прессу по самому чувствительному ея мѣсту, отмѣнивъ гербовый газетной сборъ; затѣмъ оно вселило въ душу добродѣтельнаго гражданина магнатскую гордость своимъ указомъ о введеніи суда присяжныхъ, и, наконецъ, оно сдѣлало

попытку потушить самый опасный очагъ крестьянскихъ бунтовъ распоряженіемъ объ упорядоченіи отношеній между помѣщиками и крестьянами въ провинціи Силезіи. И если эта попытка въ нѣкоторой степени удалась правительству, то это случилось не столько благодаря нѣсколько смягченнымъ пунктамъ упомянутаго распоряженія, сколько благодаря летучимъ отрядамъ, разъѣзжавшимъ по всей Силезіи и, главнымъ образомъ, благодаря тому общему разочарованію, которое парламентъ подготовилъ своимъ игнорированіемъ чаяній крестьянъ. На это, именно, спекулировала контръреволюція. Она изливала передъ крестьянами свое сердечное горе, что она не въ состояніи оказать имъ полную помощь до созыва новой палаты, но виною тому только распущенное Собраніе, которое вмѣсто того, чтобы позаботиться о благѣ крестьянъ — что составляетъ сердечное желаніе короны — занялось безпрестанными запросами о вещахъ, совершенно не относящихся къ его настоящему призванію". Это былъ необыкновенно дерзкій обманъ: если бы Собраніе усерднѣе обсуждало законъ о повинностяхъ, корона и юнкерство, пожалуй, еще энергичнѣе провели бы свой государственный переворотъ; но, съ другой стороны, Собраніе своимъ образомъ дѣйствія подготовило то положеніе вещей, при которомъ правительство могло рѣшиться на такой обманъ и могло придать ему нѣкоторую тѣнь правдоподобія

Вскорѣ оказалось, что Собраніе сумѣло устроиться не только мѐжъ двухъ, но и между трехъ стульевъ. Его собственный классъ отшатнулся отъ него. Щедрою рукой правительство раздавало почти все то, что намѣревалось давать Собраніе. И если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣчались пробѣлы, то они легко сглаживались возникшей надеждой на оживленіе кредита и на возстановленіе спокойствія, при которомъ безпрепятственно будетъ функціонировать машина эксплоатаціи. Добродѣтельные граждане тѣшили себя въ

своемъ воображеніи, что все оправдается, что въ данный моментъ сочла нужнымъ обѣщать контръ-революція.

Еще болѣе жалкій видъ, чѣмъ сама буржуазія, имѣла ея интеллигенція, которая преимущественно поставляла ей парламентскихъ борцовъ: городское чиновничество, университеты и, главнымъ образомъ, суды. За немногими исключеніями магистраты большихъ городовъ старались превзойти другъ друга въ раболѣпныхъ заявленіяхъ; восемьдесятъ профессоровъ берлинскаго университета, между ними такіе люди какъ братья Гриммы, Шенлейнъ, Эрнбергъ, Беккъ, не постѣснялись въ адресѣ къ королю опорочить распущенное Нац. Собраніе, „опозорившее нѣмецкую націю". Какъ суды охотно подчинялись штыкамъ, отчасти съ цѣлью загладить свои крамольныя вожделѣнія, какъ они съ явнымъ и завѣдомымъ нарушеніемъ законовъ старались прикрывать покровомъ права всякій актъ насилія правительства, объ этомъ неизгладимыми буквами написано въ исторіи прусскаго правосудія. Впрочемъ, это не первый и не послѣдній случай въ этомъ храмѣ справедливости, къ которому одураченный нѣмецкій мѣщанинъ въ своемъ безнадежномъ рабскомъ терпѣніи приближается со священнымъ благовѣніемъ.

Но самую жалкую роль въ этой ноябрской трагикомедіи сыграло германское Національное Собраніе. Оно отправило нѣсколько комиссаровъ въ Берлинъ для посредничества между короной и парламентомъ. Но эти комиссары себя окончательно скомпрометировали—одни, какъ Симсонъ, своимъ пустымъ важничаніемъ, другіе, какъ Бассерманъ, своими нелѣпыми вымыслами и своими изображеніями Берлина въ видѣ Содома и Гоморры, какъ города, въ которомъ кишмя кишитъ какими-то чудовищными фигурами. Тогда франкфуртское Собраніе пролепетало что-то о необходимости отставки министерства Бранденбурга и въ то же время объявило недѣйствительнымъ рѣшеніе объ

отказѣ въ платежѣ податей. Этотъ просвѣщенный парламентъ не понялъ даже, что этимъ онъ самъ себя объявляетъ недѣйствительнымъ, ибо за разгономъ берлинскаго Собранія его разгонъ долженъ былъ послѣдовать какъ буква Б за буквой А.

8. Бунтующее мелкое мѣщанство.

Охваченная страхомъ передъ рабочимъ классомъ, нѣмецкая буржуазія покорилась самодержавно-феодальной реакціи. Разъ корона и юнкеръ обрушились на пролетаріатъ, она охотно или не охотно подставляла и свою спину подъ удары. Но въ своемъ несчастьѣ она имѣла одно утѣшеніе: при ея слабыхъ силахъ она все же подвинулась значительно впередъ. Она оставалась восходящимъ классомъ, несмотря на намордникъ, который снова одѣли на нее.

Иначе относилось ко всему происходящему нѣмецкое мелкое мѣщанство. Этотъ классъ потерпѣлъ въ германской революціи рѣшительное пораженіе, отъ котораго онъ уже никогда послѣ этого не оправился. Отъ начала 18-го вѣка до середины 19-го этотъ классъ дѣлалъ не разъ попытки къ борьбѣ и въ своемъ родѣ дѣйствительно боролся за гражданскую свободу. Но онъ никогда не пошелъ такъ далеко, чтобы совершенно сбросить съ себя то филистерство, которое съ середины 16-го вѣка вошло въ его плоть и кровь. Когда послѣ мартовскихъ дней разсѣялись иллюзіи о наступленіи всеобщаго благоденствія послѣ паденія домартовскаго правительства, когда обнаружилось, что гражданская свобода только создала почву, на которой лишь можетъ разыграться классовая борьба современнаго буржуазнаго общества, тогда нѣмецкій мѣщанинъ ужаснулся передъ этой невеселой перспективой. Онъ во что бы то ни стало хотѣлъ сохранить свое спокойствіе, даже цѣной своей моральной, экономической и политической гибели.

Въ Англіи и Франціи, въ англійскомъ чартизмѣ и

во французской соціалъ-демократіи наиболѣе энергичные элементы мелкаго мѣщанства соединялись съ пролетаріатомъ противъ буржуазіи. Отъ этого пролетаріатъ не выигралъ; его классовое развитіе, благодаря этому, сильно задержалось, но это было очень полезно мелкому мѣщанству, которое въ этомъ союзѣ пріобрѣло революціонный инстинктъ. Но нѣмецкій мѣщанинъ никогда не могъ подняться до мысли о такомъ союзѣ. Онъ считалъ для себя величайшимъ подвигомъ, когда съ ребяческой наивностью требовалъ отъ рабочаго класса, чтобы онъ слѣпо довѣрился его руководству. Эта мелкомѣщанская ограниченность оказала большую услугу нѣмецкому пролетаріату; она одна изъ главныхъ причинъ, давшихъ такой сильный толчокъ политической организаціи пролетаріата въ Германіи. Съ другой стороны, для самого нѣмецкаго мелкаго мѣщанства сыграло роковую роль то, что оно никогда, даже послѣ самаго горькаго опыта, не научилось понимать пролетарскую классовую борьбу. Въ теченіе послѣдняго полустолѣтія не проходитъ ни одно десятилѣтіе, въ которомъ отдѣльные идеологи не пытались бы сорганизовать мелкомѣщанскую демократію, совѣтуя ей оставить открытыя двери влѣво и совершенно оградить себя отъ правыхъ партій. Блестящіе публицистическіе таланты, какъ Валесроде и Гвидо Вейсъ, потратили свою жизнь на такіе опыты. Обыкновенно горсточка идеологовъ собирается вокругъ знамени, которое, едва развернувшись, опускается къ землѣ. Большая масса нѣмецкаго мелкаго мѣщанства оставалась глухой ко всѣмъ воззваніямъ, рекомендовавшимъ сознательную и смѣлую классовую политику.

Эта масса распалась въ 1848 году на три части, жалкіе остатки которыхъ фигурируютъ теперь въ рейхстагѣ въ качествѣ антисемитской, свободомыслящей и южно-германской народной партій. Антисемитско-цеховое направленіе нашло свой главный опорный пунктъ въ сѣверо-германскихъ мелкихъ и среднихъ госу-

дарствахъ, въ которыхъ еще не были сметены остатки цехового строя: въ ганзейскихъ городахъ, въ Ганноверѣ, въ Брауншвейгѣ, въ Мекленбургѣ, отчасти также въ Саксоніи. Еще 22 апрѣля 1848 года 22 главныхъ мастера лейпцигскихъ цеховъ выпустили открытое письмо ко „всѣмъ цеховымъ товарищамъ Германіи", въ которомъ послѣднимъ рекомендовалось крѣпко держаться цехового устройства, какъ того сокровища, безъ котораго рабочій вопросъ никогда не можетъ быть разрѣшенъ, и Германія никогда не увидитъ лучшихъ дней. Рука объ руку съ этимъ восхваленіемъ цеха шла ожесточенная травля противъ евреевъ: ихъ сердце — денежный кошелекъ, ихъ эмансипація есть только модный товаръ; ихъ проискамъ Германія, главнымъ образомъ, обязана своимъ все возрастающимъ пролетаріатомъ, который еврейскіе ораторы и писатели возбуждаютъ противъ существующаго порядка. Реакціонный характеръ этого воззванія выражался также въ партикуляристскомъ отношеніи къ другимъ германскимъ государствамъ и въ ожесточенной полемикѣ противъ всеобщаго избирательнаго права, которое, какъ тамъ говорилось, держало въ угнетеніи мастеровъ, предоставляя право голоса прислугѣ и подмастерьямъ. Подобныя же воззванія были выпущены бременскими и гамбургскими мастерами, а въ Гамбургѣ 2 іюня состоялось „Собраніе сѣверо-германскаго ремесленнаго и промышленнаго сословій" изъ 200 делегатовъ. На этомъ собраніи повторялись на всѣ лады фразы о всеспасительномъ дѣйствіи цеха и о всеуничтожающей свободѣ промысловъ. Одинъ берлинскій делегатъ утверждалъ, что безъ свободы промысловъ никогда бы никому не удалось отвратить сердца берлинцевъ отъ ихъ добраго короля, и это утвержденіе было встрѣченно бурнымъ одобреніемъ. При такой безнадежной путаницѣ собраніе, вѣроятно, прошло бы безъ всякихъ результатовъ, особенно въ виду возникшаго сильнаго спора между мастерами и подмастерьями, если

бы во-время не выступилъ съ успокоеніями одинъ членъ собранія, котораго допустили къ преніямъ лишь послѣ долгихъ переговоровъ и который внесъ нѣкоторую современную идейную связь въ общую сумятицу. Это былъ профессоръ Винкельблехъ, посланный делегатомъ народнымъ собраніемъ въ Касселѣ.

Винкельблехъ читалъ лекціи по химіи въ высшей технической школѣ въ Касселѣ. Случайно на своемъ путешествіи по Норвегіи онъ встрѣтился съ нѣмецкимъ фабричнымъ рабочимъ, который ему описалъ нищету пролетаріата. Это описаніе произвело на Винкельблеха сильное впечатлѣніе, и онъ, по его собственнымъ словамъ, рѣшилъ отнынѣ заботиться не только о машинахъ и техникѣ, но также о людяхъ и ихъ хозяйственной системѣ. Онъ создалъ цѣлую профессорскую систему, которая должна была примирить либерализмъ и коммунизмъ съ федерализмомъ, уничтожить монополизмъ посредствомъ панполизма и вообще замѣнить всѣ дурные „измы“ хорошими „измами“. По существу дѣла это былъ ограниченный, мелкобуржуазный соціализмъ, который, руководимый справедливой ненавистью къ эксплоататорскимъ тенденціямъ буржуазіи, могъ только остановиться на христіанско-германскомъ цеховомъ строѣ, на мальтузіанской теоріи народонаселенія, къ тому еще сильно преувеличенной, и на нѣсколькихъ идеяхъ Фурье и Луи Блана.

Такая смѣсь, однако, вполнѣ подходила къ желаніямъ собранія ремесленныхъ мастеровъ, которые хотѣли вновь оживить цехи на почвѣ буржуазной революціи. По предложенію Винкельблеха гамбургское собраніе объявило, что только всепроникающее, обнимающее всѣ отрасли промышленности цеховое устройство можетъ предохранить Германію отъ судьбы Англіи и Франціи, равно какъ предотвратить опасность коммунизма, и оно рѣшило созвать во Франкфуртѣ на Майнѣ всеобщій германскій ремесленный конгрессъ для обсужденія такого устройства и для предъявленія соот-

вѣтствующаго проекта германскому Національному Собранію. Этотъ конгрессъ, состоявшій изъ 116 ремесленныхъ мастеровъ, изъ 24 германскихъ государствъ, засѣдалъ отъ середины іюля до середины августа и выработалъ по указаніямъ Винкельблеха проектъ ремесленнаго и промышленнаго устава, который былъ затѣмъ представленъ Національному Собранію въ качествѣ „торжественнаго протеста милліона несчастныхъ противъ свободы промысловъ“. Германскій парламентъ не зналъ, что сдѣлать съ этой своеобразной смѣсью прогрессивныяъ и реакціонныхъ предложеній, — что, пожалуй, нельзя ему ставить въ особую вину.

Проектъ требовалъ своего рода цехового государства, іерархически расчлененнаго, во главѣ котораго стоитъ всеобщая германская промышленная палата. „Соціальная палата“ должна была выбираться по прямымъ выборамъ отъ всѣхъ цеховыхъ мастеровъ и каждый разъ собираться одновременно съ германскимъ парламентомъ въ томъ же городѣ, чтобы помочь ему соотвѣтственными совѣтами. Внутри цеховъ должно было остаться старое подраздѣленіе на учениковъ, подмастерьевъ и мастеровъ, должны были остаться и старыя рабочія книжки и обязательный срокъ ученія и странствованія, и старыя удостовѣренія способности къ данному ремеслу, и старое ограничительное правило, по которому человѣкъ можетъ заниматься только однимъ ремесломъ. Кромѣ того, требовалось введеніе брачнаго ценза, удостовѣреніе наличности капитала всѣхъ желающихъ вступить въ бракъ. Но бокъ-о-бокъ съ этими реакціонными утопіями находились также практическія, реформаторскія требованія, какъ-то: введеніе прогрессивнаго налога, законодательная нормировка рабочаго времени, основательныя улучшенія школьнаго дѣла, безплатное обученіе и превращеніе народныхъ школъ въ общія образовательныя учрежденія для всѣхъ членовъ гражданскаго общества, дабы наука и искусство стали общимъ достояніемъ

народа и не оставались, какъ до сихъ поръ, монополіей богачей.

Но, несмотря на все это, центръ тяжести ремесленнаго конгресса лежалъ въ его реакціонныхъ, цеховыхъ утопіяхъ. Это, между прочимъ, также обнаружилось во враждебномъ отношеніи конгресса къ десяти подмастерьямъ, выбраннымъ делегатами. Сначала ихъ совсѣмъ не хотѣли допустить, а затѣмъ ихъ участіе ограничили совѣщательнымъ голосомъ. Въ отвѣтъ на это подмастерья выпустили воззваніе для созыва особаго конгресса подмастерьевъ, который былъ многолюднѣе и засѣдалъ также во Франкфуртѣ отъ конца іюля до конца сентября. Этотъ конгрессъ обнаружилъ рѣзкій контрастъ съ конгрессомъ мастеровъ. Въ своемъ докладѣ Національному Собранію онъ пишетъ: „По своему эгоизму мастера забыли всякую осторожность и осмѣлились объявить насъ незрѣлыми, въ то время какъ мы имѣемъ на своей сторонѣ молодость и силу, въ то время какъ мы, настоящіе трудящіеся и потому настоящіе производители, и образуемъ ядро Германіи, въ то время какъ мы составляемъ громадное большинство и прекрасно это сознаемъ“. Однако, и этотъ конгрессъ не вылѣзалъ изъ цехового болота.

Винкельблехъ, который хотѣлъ собрать воедино всѣхъ противниковъ крупнаго капитала, былъ очень огорченъ расколомъ между мастерами и подмастерьями, который грозилъ разрушить всю его мелкобуржуазную утопію. Его неутомимой дѣятельности удалось склонить подмастерьевъ къ принятію главныхъ требованій мастеровъ, обязательности цеховъ и даже брачныхъ ограниченій для рабочихъ. Но подмастерья не хотѣли имѣть такое цеховое устройство, которое было составлено по шаблону старыхъ цеховыхъ порядковъ. Они требовали „организаціи труда“, „введенія новаго цехового устройства, которое бы совершенно отличалось отъ прежняго, соотвѣтствовало нашимъ высоко развитымъ промышленнымъ условіямъ, признавало равноправ-

ность всѣхъ производителей и распространялось на всѣ соціальныя профессіи". Въ нѣкоторыхъ важныхъ деталяхъ они также возставали противъ той санкціонированной опеки, которую мастера ввели въ свой проектъ. Они отвергли рабочія книжки, какъ тягостную полицейскую мѣру; они знать не хотѣли объ обязательномъ срокѣ странствованія; прогрессивный налогъ они приняли только какъ палліативъ, но отнюдь не какъ достаточное средство для согласованія интересовъ капитала и труда. Тѣмъ не менѣе, по своимъ убѣжденіямъ конгрессъ подмастерьевъ представлялъ только ту часть нѣмецкихъ подмастерьевъ, которая еще не освободилась отъ предразсудковъ цехового мастерства.

Конгрессъ этотъ очень неумѣло приступилъ къ основанію Всеобщаго Германскаго Рабочаго Союза, который долженъ былъ объединить всѣ германскіе рабочіе союзы подъ тѣмъ лозунгомъ, что рабочіе должны служить только самимъ себѣ и никому другому, что они должны преслѣдовать исключительно свои собственныя цѣли. Этотъ разумный принципъ былъ тотчасъ нарушенъ тѣмъ совѣтомъ, что рабочіе союзы должны только въ томъ случаѣ заниматься политикой, когда непосредственно затрагиваются ихъ собственные интересы. Большее значеніе, чѣмъ политикѣ, конгрессъ придавалъ общей кокардѣ и общему знамени, принятіе которыхъ рекомендовалось рабочимъ въ высокопарныхъ воззваніяхъ. Конгрессъ подмастерьевъ кончилъ тѣмъ, что назначилъ комиссію, въ которую былъ выбранъ также Винкельблехъ. Эта комиссія должна была сорганизовать всѣхъ рабочихъ Германіи и издавать всеобщую германскую рабочую газету. Газета эта вышла перваго января 1849 года во Франкфуртѣ, но уже своимъ первымъ номеромъ она оттолкнула отъ себя всѣхъ сколько-нибудь развитыхъ рабочихъ; она, очевидно, старалась скомпрометировать конституціонную систему повтореніемъ романтическихъ фразъ прусскаго короля.

На ряду съ реакціоннымъ мелкимъ мѣщанствомъ, тяготѣвшимъ къ цеховому строю, существовала также мелкомѣщанская демократія. Она состояла изъ тѣхъ элементовъ ремесленнаго сословія, которые еще не чувствовали опасности отъ крупной промышленности или же умѣли приспособиться къ ней,—изъ мелкихъ торговцевъ, изъ политически пробудившагося слоя крестьянства и также изъ тѣхъ частей ученаго и литературнаго класса, которымъ не улыбалась перспектива состоять на жалованьѣ и находиться въ рабствѣ у капитализма. Демократія эта сорганизовалась въ союзахъ и группировалась вокругъ газетъ. Но это демократическое мелкое мѣщанство не представляло собой одного цѣлаго, а распадалось на сѣверо-германскую и южно-германскую составныя части, которыя при многихъ общихъ чертахъ значительно, однако, различались.

Мелкобуржузная демократія сѣверной Германіи нашла свое классическое выраженіе въ лѣвой фракціи прускаго Національнаго Собранія. Она была совершенно свободна отъ средневѣковыхъ цеховыхъ причудъ, но зато она тащилась на буксирѣ буржуазіи; часто буксирный канатъ былъ довольно длинный, но, тѣмъ не менѣе, онъ оставался крѣпкимъ буксирнымъ канатомъ. Она не осмѣливалась на продолжительное время вести послѣдовательную самостоятельную политику, она даже теряла охоту къ такой политикѣ постоянно въ тотъ моментъ, когда ей приходилось выбирать между поддержкой буржуазіи и поддержкой пролетаріата. Въ такіе моменты она смѣло довѣрялась наиболѣе прогрессивной фракціи буржуазіи. Правда, на скамьяхъ лѣвой фракціи въ прусскомъ Національномъ Собраніи сидѣли также нѣсколько членовъ, которыхъ бы не пугалъ союзъ съ рабочимъ классомъ и которые даже этого желали; это были соціалисты по чувству, какъ старикъ Неесъ фонъ Эзенбекъ изъ Бреславля, или рѣшительные практики, какъ молодой врачъ д'Эстеръ изъ Кельна; но все же

это были лишь отдѣльныя лица, и въ рѣшительный критическій моментъ для Собранія демократическое мелкое мѣщанство плясало по дудкѣ либеральной буржуазіи.

Съ самой плохой стороны оно себя отрекомендовало въ Берлинѣ; послѣ минутнаго опьяненія мартовской ночи, оно впало въ безконечное апатичное похмелье. Въ своей коммунальной и военной организаціи, въ городскихъ присутствіяхъ и въ гражданской милиціи оно обнаруживало неописуемый страхъ. Даже органъ берлинской буржуазіи, которая сама не страдала излишествомъ геройской храбрости, насмѣхался надъ этой демократіей, которая „изъ-за каждой мелочи поднимала тревогу". Въ „Фоссовой Газетѣ" она себѣ воздвигла классическій памятникъ. Обычная заячья трусливость этого органа была на короткое время нарушена въ первые дни послѣ мартовской битвы; появились радикальныя, пустозвонныя фразы, которыя такъ любитъ мѣщанинъ, когда онъ чувствуетъ безопасность для разыгриванія роли героя. По словамъ „экстреннаго номера радости", который „Фоссова Газета" выпустила 20-го марта, баррикады защищались „самими почтенными городскими чиновниками". Но эта „радость" была, дѣйствительно, только „экстреннымъ номеромъ", а въ общемъ—вполнѣ правъ извѣстный демократическій историкъ революціоннаго года, когда онъ говоритъ, что ни одинъ реакціонный органъ не защищалъ съ такой послѣдовательностью и выдержкой сказку о бродягахъ и преступникахъ, боровшихся на баррикадахъ, какъ „Фоссова Газета". Эта газета изобрѣла новый источникъ дохода въ видѣ писемъ въ редакцію. За наличныя она предложила свои услуги въ качествѣ рупора для всякой клеветы, которую юнкерская реакція выдвигала противъ буржуазной революціи, или буржуазія противъ пролетаріата. Первый номеръ первой рабочей газеты, вышедшей въ Берлинѣ поднялъ энергичный протестъ

противъ этой „продажной печати". „Народъ", органъ Центральнаго Комитета рабочихъ, писалъ въ своемъ номерѣ отъ 25-го мая: „Фоссова Газета" пользуется тѣмъ необыкновеннымъ преимуществомъ, что она вмѣсто того, чтобы оплачивать своихъ сотрудниковъ, сама получаетъ отъ нихъ плату. По временамъ она, дѣлаетъ исключенія изъ этого правила: такъ, напримѣръ, она помѣщаетъ безъ вознагражденія длинную статью берлинскихъ владѣльцевъ типографіи; зато она отъ типографскихъ рабочихъ взыскиваетъ 16 талеровъ 22 зильбергрошена за помѣщеніе ихъ опроверженія". Даже буржуазныя газеты тогда еще были далеки отъ такой погони за наживой.

Съ лучшей своей стороны мелкобуржуазная демократія сѣверной Германіи выказала себя въ королевствѣ Саксоніи. Высокое экономическое развитіе этой маленькой страны постоянно не мирилось съ его отсталой государственной формой, а ея домашняя промышленность, лежащая въ основѣ ея экономическаго развитія, задерживала раздѣленіе между мелкой буржуазіей и пролетаріатомъ. Въ саксонскомъ ландтагѣ 14 депутатовъ образовали соціалъ-демократическую фракцію—соціалъ-демократическую во французскомъ, мелко-буржуазно-пролетарскомъ смыслѣ слова,—а изъ 24 депутатовъ, которыхъ Саксонія послала въ германское Національное Собраніе, 20 присоединились къ лѣвой фракціи. Во главѣ ея стояли Блюмъ и Тритчлеръ, два парламентарія 1848 года, которые были убиты мстительной реакціей съ нарушеніемъ даже требованій военно-полевого кодекса: одного пронзила императорско-австрійская пуля, другого королевско-прусская. Тритчлеръ былъ утонченнымъ аристократомъ, съ тонкимъ умомъ и желѣзной волей. Блюмъ вышелъ изъ рейнской пролетарской семьи; здоровая натура съ непреклонной волей; его некрасивая внѣшность не вызывала представленія о томъ мужественномъ сердцѣ, которое въ немъ билось. Въ лицѣ Блюма нѣмецкое

мелкое мѣщанство во время буржуазной революціи поставило своего лучшаго представителя. Но судьба этого класса сказалась и на немъ, съ той только разницей, что у него она выразилась съ трагическимъ величіемъ. Когда массы были призваны къ избирательнымъ урнамъ, Блюмъ былъ правъ, когда онъ въ предварительномъ парламентѣ не доводилъ до разрыва между буржуазіей и мелкимъ мѣщанствомъ; но онъ былъ неправъ, когда онъ подобнымъ же образомъ дѣйствовалъ въ тѣ рѣшительные октябрьскіе дни, когда уже невозможно было спасти германскій парламентъ и когда нѣмецкая революція могла быть спасена только посредствомъ второй революціи. Съ этихъ поръ онъ потерялъ свой надежный компасъ, и напрасно онъ старался въ вѣнскомъ уличномъ боѣ спасти то, что онъ упустилъ во франкфуртскомъ уличномъ боѣ. Онъ искупилъ свою политическую ошибку храброй смертью, и его имя живетъ и понынѣ; конечно, не въ томъ классѣ, за который онъ положилъ свою голову, а въ томъ классѣ, изъ котораго онъ вышелъ, но за который онъ не хотѣлъ бороться. Къ сожалѣнію, надо признать, что симпатія, которую Бисмаркъ спустя 20 лѣтъ выказалъ казненному въ Бригитенау за то, что онъ ничего знать не хотѣлъ о пролетарской классовой борьбѣ, къ сожалѣнію надо признать, что эта симпатія не совсѣмъ незаслуженная.

Близко подходили другъ къ другу мелкое мѣщанство и пролетаріатъ на демократическихъ конгрессахъ, но вскорѣ снова расходились. Первый изъ этихъ конгрессовъ состоялся во Франкфуртѣ на Майнѣ въ серединѣ іюня. Въ немъ участвовало больше 200 делегатовъ, явившихся представителями 88 демократическихъ ферейновъ. Изъ членовъ Союза Коммунистовъ были на этомъ конгрессѣ въ числѣ другихъ Моль и Шапперъ. Конгрессъ призналъ единогласно, что демократическая республика есть единственная прочная форма правленія для Германіи, и старался создать

организацію для демократически-республиканской пропаганды. Демократическіе ферейны должны были распредѣляться по округамъ или провинціямъ подъ руководствомъ окружныхъ комитетовъ, мѣстопребываніями которыхъ предполагались города: Мангеймъ, Штуттгартъ, Бамбергъ, Вѣна, Берлинъ, Кельнъ, Франкфуртъ, Марбургъ, Галле, Бреславль, Штеттинъ и Кенигсбергъ. Надъ окружными комитетами стоялъ Центральный Комитетъ изъ 5-ти членовъ, мѣстопребываніемъ котораго, вопреки энергичному сопротивленію южно-германскихъ партикуляристовъ, былъ выбранъ городъ Берлинъ. Берлинскимъ ферейнамъ предоставлено было выбрать двухъ членовъ въ Центральный Комитетъ, а изъ трехъ его членовъ, выбранныхъ конгрессомъ двое склонялись къ соціализму правда, весьма сомнительнаго свойства. Это были—Юлій Фребель и извѣстный Криге изъ Нью-Іорка, „слюнявый романтизмъ" котораго такъ рѣзко критиковали Марксъ и Энгельсъ. Органами конгресса выбраны были на ряду съ „Мангеймской Вечерней Газетой", самой радикальной газетой южной Германіи, „Новая Рейнская Газета" въ Кельнѣ и „Zeitungshalle" въ Берлинѣ

Въ Кельнскомъ окружномъ комитетѣ сидѣли вмѣстѣ съ двумя буржуазными демократами три члена Союза Коммунистовъ; шестымъ членомъ комитета былъ Германъ Беккеръ, впослѣдствіи городской голова Кельна; онъ хотя не прин длежалъ къ Союзу Коммунистовъ, но близко стоялъ къ нему. Въ другихъ мѣстахъ эта организація не развила дѣятельной жизни. Какая путаница господствовала въ центральномъ комитетѣ, видно хотя бы изъ того, что Фребель отправился въ Вѣну, полагая, что, какъ пояснялъ Криге, „идея федеративной республики со славянскими народностями представляется намъ болѣе возвышенной, чѣмъ даже идея германской республики". На второмъ конгрессѣ, засѣдавшемъ въ Берлинѣ въ концѣ октября, обнаружился уже полный разбродъ организаціи. Въ этомъ

конгрессѣ участвовало 240 делегатовъ преимущественно изъ сѣверной Германіи. Изъ коммунистовъ тамъ были Эвербекъ изъ Парижа, который вскорѣ послѣ этого отпалъ отъ Союза Коммунистовъ, и Вейтлингъ, который въ своемъ утопическомъ самомнѣніи давно порвалъ съ союзомъ. Предсѣдателемъ конгресса былъ выбранъ по предложенію Криге—Георгъ Файнъ, политическая мумія давно минувшихъ дней, романтическихъ буршеншафтовъ. Въ качествѣ докладчика отъ Центральнаго Комитета Криге открылъ засѣданіе со слѣдующими многообѣщающими словами: „Нашей главной опорой должны быть мѣщане, на пролетаріатъ намъ нечего разсчитывать,—онъ слишкомъ грубъ и невѣжественъ, чтобы присоединиться къ нашимъ стремленіямъ“. Криге, правда, прибавилъ къ этому, что конгрессъ долженъ стоять во всеоружіи, какъ правительство демократически-соціальной республики, и что онъ считаетъ недобросовѣстнымъ приступить къ революціи безъ такой организаціи. Но эти и подобныя ораторскія вспышки привели только къ тому, что многіе члены вышли изъ зала конгресса, заявивъ, что ихъ довѣрители не могли знать, что „члены настоящаго конгресса проникнуты идеей республиканской формы правленія и должны дѣйствовать для ея осуществленія“.

Послѣ этого конгрессъ растратилъ свое время на пустопорожнія формальныя уставныя разсужденія, на пространныя обсужденія вопроса, долженъ ли состоять Центральный Комитетъ вмѣсто 5-ти изъ 3-хъ или 7-ми членовъ, на пренія о робеспьеровскихъ правахъ человѣка, основательное обсужденіе которыхъ было поручено демократическимъ ферейнамъ, на составленное Руге воззваніе въ пользу осажденной Вѣны. Удачно замѣтила „Новая Рейнская Газета“ по поводу этого воззванія, что въ немъ недостатокъ революціонной энергіи замѣненъ проповѣдническимъ визгливымъ пафосомъ, за которымъ скрывается полное убожество мысли и

страсти. И это въ такое время, когда прусскій государственный переворотъ уже носился въ воздухѣ! Фіаско этого конгресса не мало способствовало тому, что военные усачи подняли голову, а революціонныя фразы, которыми забавлялись нѣкоторые члены, имѣли только то дѣйствіе, что прусскіе прокуроры воспользовались ими для того, чтобы послѣ побѣды реакціи привлечь къ суду этихъ безобидныхъ фразистыхъ бунтарей, какъ страшныхъ заговорщиковъ. Такъ случилось съ бѣднымъ Вальдекомъ, королевско-прусскій патріотизмъ котораго возбуждалъ только отвращеніе демократическаго конгресса, имѣвшаго какъ никакъ свои республиканскія тенденціи.

Послѣ того, какъ на первомъ конгрессѣ Берлинъ былъ выбранъ центральнымъ пунктомъ республиканской пропаганды, мелкобуржуазная демократія южной Германіи совершенно отдалилась отъ этой демократической организаціи. Въ южно-германской ненависти къ пруссакамъ скрывалось не одно только, вполнѣ понятное, отвращеніе къ прусскому деспотизму; въ ней былъ также вполнѣ реакціонный элементъ; сказалась ненависть невозмутимаго захолустья къ большому государству, на почвѣ котораго начали развиваться великіе конфликты современнаго общества. Объ этихъ конфликтахъ южно-германскій мѣщанинъ знать ничего не хотѣлъ; они ему были еще болѣе чужды, чѣмъ сѣверно-германскому мѣщанину. Его охватывалъ ужасъ передъ классовой борьбой между буржуазіей и пролетаріатомъ; онъ инстинктивно чувствовалъ, что его классъ будетъ совершенно стертъ въ порошокъ между этими двумя твердыми жерновами. Тотъ карликовый республиканизмъ, который игралъ руководящую роль въ южной Германіи и особенно сильно былъ представленъ въ лѣвой фракціи Франкфуртскаго парламента, шелъ скорѣе въ арріергардѣ, чѣмъ въ авангардѣ революціоннаго движенія.

Въ тѣхъ югозападныхъ мелкихъ государствахъ, въ которыя проникалъ изъ-за границы болѣе свободный духъ и которыя въ продолженіе цѣлыхъ десятилѣтій страдали отъ деспотическаго хозяйничанья, мелкомѣщанскія, а главнымъ образомъ—мелкокрестьянскія массы были охвачены сильнымъ волненіемъ. Онѣ охотнѣе прибѣгали къ оружію, чѣмъ прусскій мелкій мѣщанинъ и гораздо слабѣе ощущали облагораживающее вліяніе „монархической идеи". Но, съ другой стороны, кругозоръ ихъ былъ ўже, чѣмъ у прусскаго мелкаго мѣщанства. Ихъ поле зрѣнія не переходило за мѣстныя границы и ихъ государственный идеалъ не выходилъ изъ рамокъ расширенной общины. Такимъ образомъ, эти массы легко превратились въ орудіе у тѣхъ людей, кругозоръ которыхъ былъ немного шире, у адвокатовъ, книгопродавцевъ, учителей, газетныхъ писателей, которые морочили ихъ филистерской благонамѣренностью и измѣняли имъ при первомъ удобномъ случаѣ въ угоду своему собственному, часто невинному, а иногда и очень ехидному, честолюбію.

Въ Баденѣ, гдѣ находилось ядро южно-германской демократіи вожди домартовской оппозиціи пріобрѣли славу, прогремѣвшую по всей Германіи. Но, какъ только грозныя тучи революціи немного разсѣялись, часть этихъ образцовыхъ патріотовъ, всѣ эти Бассерманы, Мати, Сойроны, повернулись спиной къ революціи. Блюмъ по своемъ прибытіи во Франкфуртъ выразилъ въ сильныхъ словахъ свое негодованіе противъ тѣхъ „мерзавцевъ, которые цѣлое десятилѣтіе считались стойкими либералами, а теперь стали реакціонерами". Если бы онъ дольше жилъ, ему бы пришлось убѣдиться еще въ томъ, что даже во франкфуртской лѣвой далеко не всѣ плевелы были отдѣлены отъ пшеницы. Возлѣ него, какъ парламентарный вождь лѣвой фракціи, сидѣлъ Карлъ Фогтъ изъ Гисена, который въ 1849 году разыгривалъ роль германскаго имперскаго регента,

а въ 1859 году съ одинаковой помпой выступалъ, какъ публицистическій герой бонапартизма.

9. Революціонный пролетаріатъ.

Пролетарская классовая борьба могла развиться во время германской революціи только подъ непосредственнымъ вліяніемъ рѣшительной битвы между аристократіей и буржуазіей. При извѣстной смѣлости со стороны буржуазіи за ней пошла бы вся рабочая масса Германіи. Но буржуазія изъ страха передъ пролетаріатомъ склонила свое знамя передъ короной и юнкерами и этимъ вызвала то, чего она всѣми силами старалась избѣжать,—она этимъ вызвала классовое сознаніе рабочихъ въ гораздо болѣе рѣзкой формѣ, чѣмъ это могло бы естественно развиться согласно тогдашнему историческому положенію вещей.

Сельскій пролетаріатъ, за исключеніемъ Силезіи, гдѣ такъ называемые деревенскіе ферейны доставляли много заботъ контръ-революціи, еще не дошелъ до сознательной классовой организаціи. Онъ обыкновенно излагалъ свою программу въ тысячахъ петицій къ Берлинскому и Франкфуртскому національному собранію, но его требованія не шли дальше отмѣны феодальныхъ повинностей, полученія маленькаго участка земли—хотя бы ничтожнаго куска для выгона гусей,—повышенія заработной платы и уменьшенія податей. Иначе и быть не могло, такъ какъ, именно, эта программа соотвѣтствовала взглядамъ феодальныхъ крѣпостныхъ, которые ожидали своего освобожденія отъ феодальной революціи, и поэтому точка зрѣнія, переходящая за предѣлы этой революціи, была имъ чужда.

Другое дѣло промышленный пролетаріатъ. Послѣдній уже давно жилъ въ тайной враждѣ съ капиталомъ, а буржуазную революцію онъ поддерживалъ лишь для того, чтобы получить арену борьбы, на которой онъ могъ бы объявить открытую войну буржуазіи. Какъ только онъ увидѣлъ, что буржуазія, жертвуя

даже собственными своими интересами, начинаетъ загораживать доступъ къ этой аренѣ борьбы, онъ понялъ, что теперь онъ уже ничего не можетъ получить черезъ буржуазію, а долженъ организоваться вопреки буржуазіи. И чѣмъ больше измельчала буржуазная революція, тѣмъ революціоннѣе становился рабочій классъ. Онъ еще былъ слишкомъ слабъ для того, чтобы повести къ побѣдѣ знамя, которому измѣнила буржуазія. Но онъ храбро сражался подъ этимъ знаменемъ, и его пораженіе не было началомъ конца, какъ у буржуазнаго класса, а наоборотъ, оно было концомъ начала его борьбы за освобожденіе. Рабочій классъ въ мартовской революціи освободился отъ послѣднихъ иллюзій, которыя присущи революціонному пролетаріату на первыхъ стадіяхъ его революціоннаго развитія; онъ исчезъ съ исторической сцены съ тѣмъ только, чтобы спустя десять лѣтъ, оправившись отъ своихъ тяжелыхъ ранъ, выступить на той же исторической сценѣ съ большей рѣшительностью, съ большей зрѣлостью и большей ясностью.

Главными центрами пролетарской классовой борьбы были въ 1848 году большіе города, преимущественно Берлинъ и Кельнъ. Берлинскіе рабочіе одержали побѣду 18-го марта, но уже на другой день послѣ побѣды плоды ея были вырваны у нихъ изъ рукъ. Это было возможно только потому, что рабочіе неясно понимали свои интересы и не владѣли организованной силой для ихъ защиты. Ихъ политическая незрѣлость уже обнаружилась на первомъ большомъ собраніи, которое они созвали 26 марта для обсужденія средствъ облегченія ихъ нужды. Собралось около 20 тысячъ человѣкъ, изъ среды которыхъ раздавались всевозможныя предложенія. Собраніе закончилось шумнымъ скандаломъ, длившимся цѣлые часы, такъ какъ одному хитрому сотруднику „Фоссовой Газеты“ удалось неясной постановкой вопроса вызвать ложное представленіе, будто собраніе даетъ предпочтеніе соединенному

ландтагу передъ современнымъ народнымъ представительствомъ.

Правящіе классы, понятно, сознательно или безсознательно сдѣлали все возможное, чтобы увеличить смятеніе въ рядахъ рабочаго класса. Бѣшеныя атаки гражданской милиціи и грубая ловля крестьянъ со стороны контръ-революціи, даровая выдача всѣхъ вещей, заложенныхъ въ королевскихъ ломбардахъ на сумму ниже пяти талеровъ, сложеніе всѣхъ недоимокъ по квартирному налогу, равно какъ невзысканныхъ штрафовъ и платы за право ученія, основаніе своего рода національныхъ мастерскихъ, устройство земляныхъ работъ, при которыхъ государство давало работу 3,500, а городъ 2,500 безработнымъ, даже учрежденіе такъ называемаго министерства труда, министерства торговли, промышленности и общественныхъ работъ, которыя, конечно, вскорѣ оказались новымъ укрѣпленіемъ для имущихъ классовъ, пустыя обѣщанія такихъ демагоговъ, какъ Гельдъ и ему подобные, медовыя рѣчи прекраснодушныхъ друзей рабочихъ, задушевныя увѣщеванія, что рабочіе должны теперь работать и жить на благо общества, такъ какъ они умѣли бороться и умирать на баррикадахъ, увѣщеванія, которыя преподносились имъ въ тонѣ погребальныхъ рѣчей домартовскими скоморохами либеральныхъ филистеровъ, литераторами Гласбреннеромъ и Косакомъ,—все это дѣйствовало на берлинскихъ рабочихъ, какъ дикій концертъ, раздирающій уши и помрачающій чувства. Но къ чести рабочихъ можно сказать, что они не дали себя оттѣснить съ того политическаго пути, на который имъ указала ихъ историческая задача. Они стойко держались до конца, несмотря на отвратительную либеральную панику; они устояли противъ пѣснопѣнія реакціонныхъ сиренъ, и до и послѣ государственнаго переворота они отдавали въ распоряженіе буржуазной революціи свои силы и свою кровь.

Они извлекали уроки изъ своихъ ошибокъ. Уже опустя нѣсколько дней послѣ неудачнаго массового собранія, 150 рабочихъ образовали отдѣльный рабочій клубъ, открыто признавъ, что они должны пока въ небольшихъ кружкахъ освоиться съ парламентской формой и логическимъ разъясненіемъ вопросовъ, раньше, чѣмъ устраивать большія массовыя собранія, на которыхъ всякаго рода важничающіе демагоги могутъ ихъ вести за носъ. Клубъ этотъ рѣшилъ обратиться съ призывомъ ко всѣмъ рабочимъ союзамъ и фабрикамъ выбирать изъ своей среды представителей для образованія Центральнаго Комитета Рабочихъ.

Этотъ планъ осуществился. Послѣ нѣкоторыхъ обсужденій 19-го апрѣля конституировался проектированный Центральный Комитетъ. Въ его составъ вошли, конечно, нѣсколько ненадежныхъ неофитовъ, но его предсѣдатели, наборщикъ Борнъ и золотыхъ дѣлъ мастеръ Биски, были люди, которые хорошо разбирались въ окружающихъ условіяхъ.

На ряду съ ними на первыхъ засѣданіяхъ выступилъ студентъ Густавъ Адольфъ Шлеффель, мечтательный юноша 19 лѣтъ, сынъ того силезскаго помѣщика, который когда-то испытывалъ гоненія со стороны Штибера и который впослѣдствіи, какъ говорятъ, принадлежалъ къ лучшимъ членамъ лѣвой фракціи Франкфуртскаго національнаго собранія. Молодой Шлеффель былъ исключенъ изъ гейдельбергскаго университета за распространеніе бунтовщическихъ воззваній въ Озенвальде, а берлинскій университетъ, гдѣ онъ хотѣлъ продолжать курсъ ученія, отказалъ ему въ пріемѣ. Съ того времени онъ всецѣло отдался пролетарской агитаціи и издавалъ въ формѣ непеіодическихъ летучихъ листковъ „Volksfreund“, въ которомъ онъ въ сильныхъ и смѣлыхъ словахъ объявилъ непримиримую борьбу между капиталомъ и трудомъ. Его привлекательная наружность вскорѣ доставила ему много сторонниковъ изъ среды рабочихъ. Скоро, однако, онъ очу-

тился въ рѣзкомъ конфликтѣ съ Борномъ и Биски, когда онъ устраивалъ большую массовую демонстрацію, которая должна была состояться 20 апрѣля передъ дворцомъ и требовать равнаго избирательнаго права.

Борнъ былъ умнымъ, хладнокровнымъ и уравновѣшеннымъ человѣкомъ. Въ Брюсселѣ и Парижѣ онъ принадлежалъ къ Союзу Коммунистовъ и, какъ видно изъ его статей и рѣчей, хорошо усвоилъ себѣ духъ „Коммунистическаго манифеста". Какъ руководитель собраній и какъ ораторъ, онъ стоялъ выше всѣхъ тогдашнихъ народныхъ вождей, что признано было даже органомъ буржуазіи. Онъ, равно какъ и Биски, который при меньшей даровитости, въ общемъ, походилъ на него, былъ противъ массовой демонстраціи въ пользу равнаго избирательнаго права, изъ опасенія, что безоружная толпа будетъ разогнана вооруженной гражданской милиціей, и такимъ образомъ произойдетъ столкновеніе между бюргерами и рабочими, которое въ то время, когда не было еще выбрано національное собраніе, расчистило бы путь контръ-революціи. Изъ комитета народныхъ выборовъ, который поставилъ себѣ цѣлью добиться равнаго избирательнаго права, выступили Борнъ и Биски вмѣстѣ съ нѣкоторыми буржуазными демократами, когда большинство комитета рѣшило привести въ исполненіе планъ Шлеффеля. Планъ этотъ, однако, канулъ въ воду, такъ какъ народныя массы не собрались къ назначенному времени. Вслѣдъ за тѣмъ Шлеффель былъ арестованъ и 11-го мая присужденъ къ шестимѣсячному заключенію въ крѣпости по обвиненію въ призывѣ къ бунту. Наказаніе это онъ отбылъ въ Магдебургѣ. Это была—еще при министерствѣ Кампгаузена—первая жертва реакціи. Горячія выраженія сочувствія сопровождали благороднаго юношу. Его дѣятельность въ берлинской революціи, однако, не оставила серьезныхъ слѣдовъ.

Конфликтъ между Борномъ и Шлеффелемъ имѣлъ еще болѣе глубокое основаніе; въ извѣстномъ смыслѣ

онъ былъ даже отраженіемъ всего теченія дѣлъ. Борнъ съ полной откровенностью высказалъ свое мнѣніе, утверждая, что въ Германіи буржуазія и пролетаріатъ, капиталъ и трудъ еще не такъ рѣзко враждебно стоятъ другъ противъ друга, какъ въ Англіи и Франціи, гдѣ они хладнокровно и въ полномъ вооруженіи, какъ двѣ совершенно обособленныя партіи, выстроены въ двухъ враждебныхъ лагеряхъ. Въ Германіи, по его мнѣнію, рабочіе еще неорганизованы и еще не смотрятъ на себя, какъ на сложившуюся партію. И потому онъ считалъ безсмысленными попытки нѣкоторыхъ рабочихъ разрушить машины или предъявляемыя фабрикантамъ невыполнимыя требованія. Если рабочій классъ хочетъ дѣйствительно стать силой въ государствѣ, онъ долженъ считать первой своей задачей организацію. „На нашей сторонѣ большинство націи, въ нашихъ рядахъ не только наемный рабочій и подмастерье, но также большое число мелкихъ ремесленниковъ, которые чувствуютъ на себѣ гнетъ конкурренціи крупнаго капитала; къ намъ идетъ и земледѣлецъ, участокъ котораго недостаточенъ для прокормленія его семьи, и учитель, обучающій нашихъ дѣтей, и дѣвушка, сидящая за вязальнымъ станкомъ или за швейной машиной,—къ намъ идутъ всѣ, чей трудъ и прилежаніе не могутъ устоять въ свободной конкурренціи съ силой капитала“. Эту программу Борнъ предпослалъ уставу Центральнаго Комитета Рабочихъ, уставу, на основаніи котораго долженъ былъ организоваться пролетаріатъ.

Энгельсъ спустя много лѣтъ сказалъ, что въ оффиціальныхъ документахъ основанной Борномъ организаціи взгляды, изложенные въ „Коммунистическомъ манифестѣ“, перемѣшаны съ цеховыми пережитками и цеховыми пожеланіями, съ различными обломками теорій Луи-Блана и Прудона, съ протекціонистскими взглядами и т. д. Это, конечно, вѣрно; но Энгельсъ прибавляетъ къ этому, что Борнъ будучи очень талант-

ливымъ молодымъ человѣкомъ, слишкомъ поспѣшно занялъ мѣсто политической величины, что онъ связывался со всякимъ встрѣчнымъ, чтобы какъ-нибудь образовать группу, что онъ не былъ тѣмъ человѣкомъ, который бы могъ внести единство въ противоположныя тенденціи и свѣтъ въ общій хаосъ. Это сужденіе Энгельса, во всякомъ случаѣ, нуждается въ дополненіи.

Насколько по источникамъ можно прослѣдить рабочее движеніе 1848 года въ германскихъ торговыхъ и промышленныхъ городахъ, приходится сказать, что оно, за исключеніемъ Рейнской провинціи и отчасти Вестфаліи, не развилось выше уровня тогдашней французской соціалъ-демократіи и еще не переросло такихъ вопросовъ, какъ организація труда, право на трудъ, министерство труда. Оно уже имѣло за собой стадію безцѣльныхъ стихійныхъ голодныхъ бунтовъ, хотя мѣстами еще случались разгромы фабрикъ и машинъ. Оно уже во всемъ существенномъ переросло утопическій ремесленный коммунизмъ. Вейтлингъ, прибывшій въ іюлѣ мѣсяцѣ въ Берлинъ, не нашелъ никакой почвы въ рабочей средѣ; основанная имъ газета „Urwähler" должна была прекратиться послѣ нѣсколькихъ номеровъ изъ-за недостатка читателей. Тѣмъ не менѣе, тогдашнее рабочее движеніе не было достаточно зрѣло для воспріятія идей „Коммунистическаго манифеста". Для того чтобы „Коммунистическій манифестъ" могъ стать знаменемъ массового движенія, крупная промышленность должна была быть въ гораздо большемъ объемѣ типичной формой производства, чѣмъ это имѣло мѣсто въ восточныхъ частяхъ Германіи. Желая организовать рабочихъ, какъ особый классъ, Борнъ не могъ не считаться съ тѣмъ кругомъ идей, въ которомъ только и могли тогда вращаться рабочіе; и, во всякомъ случаѣ, онъ не мало трудился надъ тѣмъ, чтобы поднять ихъ выше этого кругозора.

На предварительныхъ совѣщаніяхъ, приведшихъ къ основанію Центральнаго Комитета Рабочихъ,

присутствовалъ президентъ Летте, либеральный бюрократъ, который призывалъ рабочихъ къ совмѣстной организаціи съ работодателями на томъ основаніи, что послѣдніе могутъ лучше обозрѣть и упорядочить отношенія національнаго производства къ міровому рынку. На это возразилъ Борнъ, что эти отношенія нисколько не затрагиваютъ интересовъ рабочихъ, ибо рабочему, какъ таковому, совершенно безразлично, какъ сбываются продукты и въ какихъ отношеніяхъ находится промышленность къ заграничнымъ рынкамъ. Расширеніе промышленности не есть, по его мнѣнію, средство для поднятія жизненнаго уровня трудящихся классовъ, оно, напротивъ, является причиной увеличенія пролетаріата, и интересы рабочихъ совершенно противоположны интересамъ предпринимателей. Съ той же рѣшительностью Борнъ выступилъ и противъ всякаго рода цеховыхъ вожделѣній и упованій; онъ говорилъ, что государство, разъ введшее у себя современную крупную промышленность, не можетъ уже больше вернуться къ превзойденному способу производства, если оно не желаетъ дойти до полной гибели или занять совершенно второстепенное положеніе въ рядѣ европейскихъ государствъ.

Когда Прудонъ приступилъ къ выполненію своей утопіи рабочихъ денегъ путемъ основанія народнаго банка и вскорѣ потерпѣлъ неудачу, Борнъ писалъ въ духѣ „Коммунистическаго манифеста“ и согласно съ теоріей историческаго матеріализма слѣдующее: „Мы никогда не привѣтствовали этого предпріятія, и если его неудача насъ огорчаетъ, то она насъ нисколько не поражетъ; мы ожидали, именно, такого исхода, такъ какъ идея, какъ бы она ни была велика и вѣрна, не можетъ быть приведена въ исполненіе тамъ, гдѣ нѣтъ налицо въ достаточной мѣрѣ нужныхъ для этого элементовъ. Республика, напримѣръ, есть безъ сомнѣнія болѣе разумная форма правленія, чѣмъ монархія; но большой вопросъ, подходитъ ли она въ равной

мѣрѣ для всѣхъ народовъ, для кроатовъ и для французовъ. Мы постоянно ставили организацію рабочихъ выше организаціи труда; мы постоянно утверждали, что необходимо политическое господство трудящагося класса, прежде чѣмъ будетъ возможно привести къ осуществленію соціальныя идеи во всѣхъ общественныхъ кругахъ... Мы съ самаго начала относимся отрицательно къ такого рода соціалистическимъ экспериментамъ, хотя, а пожалуй, именно—потому, что мы принадлежимъ къ соціалистической партіи. Человѣческое общество, этотъ вѣчно живущій и творящій организмъ, нельзя втиснуть въ опредѣленную систему, равно какъ нельзя помочь все возрастающему обѣднѣнію народными банками, которые должны черпать свои фонды изъ кармановъ бѣдныхъ... Мы имѣемъ полное основаніе задать такой вопросъ: какую будущность, какую жизнеспособность могъ имѣть народный банкъ, когда онъ долженъ былъ погибнуть вслѣдствіе какого-то судебнаго литературнаго процесса господина Прудона? Посредствомъ своего народнаго банка Прудонъ хотѣлъ построить новый міръ, въ народномъ банкѣ заключалось его рѣшеніе соціальнаго вопроса, и вдругъ изъ-за шести мѣсяцевъ тюремнаго заключенія и нѣсколькихъ тысячъ франковъ штрафа, къ которымъ былъ присужденъ гражданинъ Прудонъ, міръ потерялъ своего спасителя. Мы не можемъ скрыть горькой улыбки, когда мы думаемъ о тѣхъ мелкихъ тщеславныхъ людяхъ, которые взяли на себя роли свѣточей впереди великаго народнаго движенія и которые, какъ современные Іисусы изъ Назарета, облачаются въ плащъ пророка, не съ тѣмъ, однако, чтобы вступить въ борьбу, чтобы обнажить острый мечъ, а съ тѣмъ только, чтобы вызвать къ себѣ общее благоговѣніе. Вотъ приходитъ къ намъ господинъ Консидеранъ, пророкъ второго ранга, и оспариваетъ у господина Прудона честь изобрѣтенія народнаго банка. Какъ жалка эта мелочная борьба между двумя лицами

въ такое время, когда весь міръ чреватъ проектами, когда земля дрожитъ отъ шаговъ двухъ великихъ армій, приближающихся другъ къ другу съ бѣшеной воинственностью и вотъ уже смотрящихъ другъ другу въ глаза, въ такое время, когда одна выигранная Дембинскимъ или Бемомъ битва въ Венгріи имѣетъ гораздо большее значеніе, чѣмъ всѣ напечатанныя и еще ненапечатанныя сочиненія граждан Прудона и Консидерана вмѣстѣ взятыхъ,—въ такое время, когда въ одинъ день сходятъ со сцены величайшія знаменитости!“ Такъ писалъ Борнъ въ „Народѣ“ и въ „Братствѣ“, оффиціальныхъ органахъ руководимой имъ организаціи. И если, несмотря на это, въ ихъ собственныхъ программахъ преобладали идеи Луи Блана, къ тому еще приправленныя протекціонистскими пожеланіями, разнаго рода утопіями и цеховыми упованіями, то этотъ фактъ объясняется тѣмъ, что промышленные рабочіе Германіи, за исключеніемъ нѣкоторыхъ западныхъ мѣстностей, могли дойти только до точки зрѣнія тогдашней французской соціалъдемократіи,—что, впрочемъ, для пролетаріата остъ-эльбскихъ провинцій представляло довольно высокую ступень развитія.

Центральный Комитетъ Рабочихъ развилъ энергичную агитацію въ печати на собраніяхъ и также для выборовъ въ національное собраніе, на которыхъ Биски былъ проведенъ въ одномъ берлинскомъ избирательномъ округѣ, какъ замѣститель депутата. Съ 1-го іюня выходилъ три раза въ недѣлю „Народъ“, соціально-полистическій журналъ. Его программой было: „съ одной стороны поддерживать буржуазію въ ея борьбѣ противъ аристократіи, противъ средневѣковья, противъ силъ, освященныхъ Божьей милостью, съ другой стороны—защищать интересы мелкаго производителя и рабочаго противъ силы капитала и свободной конкурренціи и постоянно идти впередъ, когда рѣчь идетъ о завоеваніи для народа ка-

кого-либо недостающаго ему политическаго права, дабы народъ получилъ средства для наиболѣе скораго завоеванія соціальной свободы и независимаго существованія". Въ своемъ третьемъ номерѣ журналъ привѣтствуетъ появленіе „Новой Рейнской Газеты," также начавшей выходить съ 1-го іюня, „за радикальное направленіе" которой могутъ служить ручательствомъ имена „нашихъ друзей" Маркса, Энгельса, Вольфа. „Народъ" разжигалъ политическія страсти лѣвой Берлинскаго собранія, онъ смѣло заступился за парижскихъ іюньскихъ борцовъ, прославлялъ англійскій чартизмъ и, вообще, старался поддерживать духовную связь съ революціонными рабочими партіями европейскаго запада. Рука объ руку съ этой положительной дѣятельностью шло безпощадное бичеванье того политически-соціальнаго надувательства, въ которомъ упражнялись такіе демагоги какъ Гельдъ. Большую часть номера журналъ посвящалъ выясненію соціальныхъ идей, которыя обсуждались въ Центральномъ Комитетѣ; это были всякаго рода темы соціальной жизни, начиная съ вывозной преміи и ремесленныхъ корпорацій до вопроса о доставленіи государствомъ работы для безработныхъ.

Центральный Комитетъ послалъ своихъ представителей на гамбургскій ремесленный съѣздъ и заявилъ, свое несогласіе съ нимъ „въ его фанатической защитѣ средневѣковыхъ цеховъ". Его также не удовлетворялъ небольшой конгрессъ ремесленныхъ и рабочихъ ферейновъ, засѣдавшій 18-го іюня въ Берлинѣ. Послѣдній хотя не обнаруживалъ такого цехового рвенія какъ гамбургскій съѣздъ, но также не пошелъ дальше общихъ благожелательныхъ фразъ о спасеніи рабочихъ. Шесть членовъ этого конгресса: Борнъ отъ Центральнаго Комитета, Лухтъ и Краузе отъ берлинскихъ машиностроительныхъ рабочихъ, Бюрингъ и Штейнгауэръ отъ гамбурскихъ и Крюгеръ отъ кенигсбергскихъ рабочихъ, выпустили 27-го іюня „Ко всѣмъ

рабочимъ, ремесленнымъ и образовательнымъ ферейнамъ Германіи и къ нѣмецкимъ ферейнамъ въ Швейцаріи, Парижѣ, Брюсселѣ и Лондонѣ" воззваніе съ приглашеніемъ выбирать делегатовъ въ рабочій парламентъ, который долженъ былъ засѣдать въ Берлинѣ. Предполагалось представительство „трудящихся классовъ изъ всѣхъ городовъ, фабричныхъ и земледѣльческихъ районовъ". Предметами обсужденія должны были быть государственное обезпеченіе работой, государственная поддержка промышленныхъ рабочихъ ассоціацій, государственное обезпеченіе всѣхъ безпомощныхъ и нетрудоспособныхъ рабочихъ, регулированіе и ограниченіе чрезмѣрнаго рабочаго времени, реформа налоговой системы въ интересахъ трудящихся классовъ, какъ-то: сильно прогрессирующій подоходный налогъ, ограниченіе права наслѣдованья и отмѣна всѣхъ налоговъ на предметы первой необходимости, равно какъ отмѣна всѣхъ феодальныхъ повинностей и тяготъ, національныя школы съ безплатнымъ обученіемъ, безплатная юридическая помощь, образованіе министерствъ труда въ отдѣльныхъ германскихъ государствахъ по свободнымъ выборамъ трудящихся классовъ.

Рабочій конгрессъ собрался 23 августа. Собралось 40 человѣкъ, въ томъ числѣ 5 съ совѣщательнымъ голосомъ, 35 рабочихъ организацій изъ Берлина, Бреславля, Гамбурга, Лейпцига, Кенигсберга, Мюнхена и другихъ большихъ городовъ послали на этотъ конгрессъ своихъ представителей. Былъ тамъ также представитель Франкфрутскаго конгресса подмастерьевъ. Вмѣстѣ съ послѣднимъ Вейтлингъ тотчасъ послѣ открытія засѣданія внесъ предложеніе отправить петицію во Франкфуртское національное собраніе о созывѣ спеціальнаго рабочаго парламента. Конгрессъ не отклонилъ совершенно этого предложенія, а отложилъ его разсмотрѣніе до слѣдующаго засѣданія. Вейтлингъ былъ до того огорченъ такимъ исходомъ, что поки-

нулъ залъ. Конгрессъ выбралъ въ предсѣдатели Несса фонъ Эзенбена и Борна и въ секретари Биски и геометра Швеннингера изъ Гамма. Въ продолженіе десяти дней разсматривалась масса предложеній, которыя не выходили за предѣлы, намѣченные устроителями конгресса. Въ общемъ, однако, эти предложенія представляли чрезвычайно пеструю смѣсь. Тамъ были выработаны точныя опредѣленія о правахъ мастера, для пользованія которыми конгрессъ требовалъ представленія ремесленнаго свидѣтельства. Игралъ тамъ большую роль также планъ собиранія средствъ для покупки земли и раздѣла ея путемъ отчисленія извѣстной части заработка. Былъ также выпущенъ манифестъ, въ которомъ требовалось отъ германскаго національнаго собранія, чтобы оно включило резолюцію конгресса въ основныя права нѣмецкаго народа и созвало на счетъ государства во Франкфуртѣ рабочій парламентъ для содѣйствія экономической комиссіи собранія.

Важнѣе, чѣмъ эти теоретическія резолюціи, былъ уставъ, выработанный конгрессомъ для организаціи нѣмецкихъ рабочихъ. „Братство Рабочихъ",—такъ предполагалось назвать новый союзъ—организовалось въ мѣстныхъ и окружныхъ комитетахъ, надъ которыми, въ качествѣ верховной инстанціи, стоялъ Центральный Комитетъ. Въ мѣстныхъ комитетахъ должны были быть представлены различныя профессіи даннаго мѣста пропорціонально числу занятыхъ въ нихъ рабочихъ. Задача комитета состояла въ томъ, чтобы устраивать регулярныя собранія рабочихъ и защищать мѣстные интересы рабочихъ. То или другое число мѣстныхъ комитетовъ группировалось вокругъ окружнаго комитета, который выбирался не рѣже чѣмъ ежегодно на окружномъ собраніи представителей мѣстныхъ комитетовъ. На обязанности окружныхъ комитетовъ лежала защита рабочихъ интересовъ въ ихъ округахъ; они также должны были служить посредствующими звеньями между Центральнымъ Комитетомъ и мѣстными ко-

митетами. Особое отдѣленіе они должны были имѣть для защиты интересовъ работницъ. Окружные комитеты должны были по постановленію конгресса быть въ Данцигѣ, Кенигсбергѣ, Штетинѣ, Кельнѣ, Вьельфельдѣ, Франкфуртѣ, Гамбургѣ, Штуттгартѣ, Аугсбургѣ, Мюнхенѣ, Линцѣ, Вѣнѣ, Брюннѣ, Прагѣ, Нюрнбергѣ, Бамбергѣ, Іенѣ, Кобургѣ, Марбургѣ, Ганноверѣ, Оснабрюкѣ, Брауншвейгѣ, Магдебургѣ, Берлинѣ, Бреславлѣ, Дрезденѣ, что, однако, не лишало мѣстныхъ комитетовъ права образовывать еще другіе окружные комитеты. Надъ окружными комитетами стоялъ Центральный Комитетъ, который долженъ былъ засѣдать въ Лейпцигѣ и которому поручено было изданіе союзнаго органа. Онъ имѣлъ надъ собой надзоръ со стороны не рѣже одного раза въ годъ созываемаго генеральнаго собранія всѣхъ нѣмецкихъ рабочихъ, на которомъ онъ и выбирался. До перваго такого собранія конгрессъ назначилъ членами Центральнаго Комитета Борна, Кика и Швеннигера, которые съ октября издавали въ Лейпцигѣ „Братство", какъ органъ союза.

Новый центральный комитетъ съ неутомимой энергіей отдался своей задачѣ, и ему удалось развить дѣятельность союза по значительной части Германіи и созвать цѣлый рядъ окружныхъ конгрессовъ въ Альтенбургѣ, Лейпцигѣ, Гамбургѣ, Гейдельбергѣ, Нюрнбергѣ и другихъ мѣстахъ. Въ Гейдельбергѣ Борнъ столкнулся съ Винкельблехомъ, и наборщикъ такъ основательно раздѣлалъ ученаго профессора, что Винкельблехъ на второй день съѣзда поспѣшилъ уѣхать изъ города. Въ общемъ, рабочій ферейнъ, основанный Франкфуртскимъ конгрессомъ подмастерьевъ, былъ частью поглощенъ, частью оттѣсненъ новымъ союзомъ. Въ политическомъ отношеніи „Братство Рабочихъ" вело себя вполнѣ мужественно. Его берлинскій окружной комитетъ, во главѣ котораго стоялъ Биски, отдалъ себя въ распоряженіе національнаго собранія, чтобы выступить противъ задуманнаго государственнаго пе-

реворота не только съ рѣчами, но также съ оружіемъ. Въ ту знаменательную ночь, когда собирались маіоры берлинской гражданской милиціи, Виски употребилъ всю свою энергію, чтобы двинуть буржуазныхъ филистеровъ на баррикады. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ Центральный Комитетъ въ Лейпцигѣ выпустилъ настойчивый призывъ къ окружнымъ и мѣстнымъ комитетамъ, побуждая ихъ позаботиться о вооруженіи рабочихъ.

Но не совсѣмъ безупречны были соціальныя стремленія „Братства Рабочихъ". Оно приняло въ свою соціальную программу все возможное и невозможное, и чѣмъ больше стало мѣстъ, въ которыхъ оно пыталось проявлять свою дѣятельность, тѣмъ больше раздроблялись его силы. Его попытки путемъ отчисленія извѣстной доли заработка закупить земельные участки, образовать ссудныя кассы для рабочихъ, основать всевозможныя производительныя ассоціаціи и другія поползновенія ухватить скачущую лошадь за хвостъ и потягаться съ капиталистическимъ способомъ производства, раньше чѣмъ пролетаріатъ завоевалъ политическую власть,—привели къ потерямъ и разочарованіямъ.

Однако, органъ союза много способствовалъ пробужденію и обостренію классового сознанія рабочихъ. Извѣстныя фразы о капиталѣ, обогащающемъ народъ, о богатыхъ и бѣдныхъ, испоконъ вѣка существовавшихъ, и тому подобныя изреченія капиталистическаго фокусничества — удачно осмѣивались и разбивались этимъ органомъ, имѣвшимъ все время умѣлую редакцію. Онъ также дѣятельно поддерживалъ борьбу рабочихъ за повышеніе заработной платы, доказывая справедливость этой борьбы и удерживая иногороднихъ рабочихъ отъ предложенія своей рабочей силы за болѣе дешевую плату.

Особенно много случаевъ борьбы за повышеніе заработной платы было въ 1848 году. Въ одномъ Берлинѣ было нѣсколько десятковъ такихъ стачекъ послѣ

мартовскихъ дней. Часто борьба приводила къ успѣхамъ, но успѣхи эти были весьма непрочны. Все, что въ страхѣ передъ революціей имъ давалось, скоро отнималось у нихъ обратно при восторжествованіи реакціи. Изъ многочисленныхъ случайныхъ стачекъ въ нѣкоторыхъ профессіяхъ образовались зачатки прочныхъ общенаціональныхъ союзовъ, которые раньше всего создались и сильнѣе всего развились у наборщиковъ и сигарщиковъ. Наборщики основали свой профессіональный органъ подъ названіемъ „Гутенбергъ", а сигарщики—„Конкордію". Буржуазія относилась враждебно къ профессіональной организаціи рабочихъ, которая непосредственно угрожала ея наживѣ, въ еще большей степени, чѣмъ къ ихъ политически-соціальной организаціи. Она нашла себѣ для этого добровольныхъ прислужниковъ въ судахъ и полиціи, которые дѣйствовали такъ энергично домартовскими законами о запрещеніи коалицій, какъ будто на свѣтѣ не было закона отъ 6-го апрѣля, гарантировавшаго неограниченную свободу союзовъ.

Противъ этихъ силъ грубаго, беззаконнаго гнета не могъ устоять ни одинъ профессіональный союзъ, но моральная побѣда постоянно оставалась на сторонѣ рабочихъ. Когда берлинскіе наборщики, изнуренные чрезмѣрной работой и плохо оплачиваемые, устроили стачку, добиваясь сокращенія рабочаго времени и повышенія заработной платы, берлинскіе владѣльцы типографій объявили, что, въ случаѣ удовлетворенія требованій рабочихъ, цѣны должны увеличиться на 50% и вслѣдствіе этого сбытъ долженъ прекратиться на 100%. Это, говорили они, неопровержимая, страшная истина, доказанная столѣтней статистикой и непобѣдимыми легіонами фактовъ, что когда цѣны какого-нибудь продукта труда увеличиваются въ ариѳметической пропорціи, потребленіе его уменьшается въ геометрической пропорціи. Исходя изъ этой нелѣпой безсмыслицы, образованные буржуа, возму-

щенные до глубины своего сердца, спрашивали, „имѣемъ ли мы право, мы, причастные къ дѣлу, которое преимущественно даетъ пищу уму, принести въ жертву высшія блага интеллигенціи?“ „Національная Газета“ доказывала, что стачки имѣютъ только тогда смыслъ, когда онѣ устраиваются съ позволенія начальства, ибо въ противномъ случаѣ все государство распалось бы на разные союзы, беззаконно борющіеся другъ съ другомъ. „Фоссова Газета“ оклеветала стачечниковъ,—что они подкуплены заграничными агентами, что они получили 14,000 франковъ изъ Франціи и изъ Швейцаріи. И впрямь,—наборщики этой газеты получали недѣльную плату отъ 4 до 6 талеровъ при дневномъ трудѣ въ 14—16 часовъ, не исключая и воскресенья; и берлинскій бюргеръ сразу догадался, что недовольство такими идиллическими условіями труда можетъ быть вызвано только презрѣннымъ французскимъ золотомъ.

Теперь еще съ удовольствіемъ читаешь, съ какимъ достоинствомъ вожди пролетарской борьбы, наборщики Борнъ и Фрелихъ, сигарщики Кольвекъ и Штеханъ, реагировали на эту пустую болтовню, которая появилась на свѣтъ божій отъ безобразнаго брачнаго союза буржуазнаго идіотизма съ буржуазной алчностью. Это были большей частью, а иногда и сплошь—тѣ пролетаріи, которые прошли школу Союза Коммунистовъ.

Глава вторая.

„Новая Рейнская Газета“.

---

1. Германская политика.

Съ наступленіемъ революціи Союзъ Коммунистовъ потерялъ цѣль своего существованія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пересталъ существовать. Помимо того, что онъ былъ слишкомъ слабымъ рычагомъ для управленія массами, вовлеченными въ революціонное движеніе,

онъ уже потому сталъ излишнимъ, что рабочій классъ теперь получилъ средства и возможность открытой пропаганды.

Когда получилось извѣстіе о парижской революціи, центръ Союза въ Лондонѣ передалъ свои полномочія комитету руководящаго округа въ Брюсселѣ. Но дни послѣдняго были уже сочтены, такъ какъ его члены были частью высланы, частью арестованы бельгійскимъ правительствомъ, а оставшіеся ежечасно ждали высылки или ареста. Кромѣ того, Марксъ и Энгельсъ собирались ѣхать въ Парижъ, куда Маркса пригласилъ вернуться Флоконъ, членъ временнаго правительства французской республики, въ письмѣ отъ 1-го марта. Въ моментъ своего распаденія Брюссельскій Центральный Комитетъ передалъ Марксу „центральное руководство всѣми дѣлами союза" и поручилъ ему образовать новую центральную организацію въ Парижѣ.

Такая организація, дѣйствительно, образовалась. Согласно „Коммунистическому манифесту" этотъ новый центръ, въ которомъ сидѣли Марксъ, Энгельсъ, Вильгельмъ Вольфъ, Бауэръ, Молль и Шапперъ, направилъ главное свое вниманіе на Германію. Здѣсь буржуазная революція получила нѣсколько иной характеръ, такъ какъ она побѣдила не собственными силами, а благодаря предшествовавшей ей французской революціи, которая уже носила пролетарскій отпечатокъ. Революціонныя стремленія, которыя таились въ нѣмецкой буржуазіи, съ самаго начала были вслѣдствіе этого надломлены, и тѣмъ важнѣе было толкать этотъ классъ впередъ для гарантированія тѣхъ правъ, въ которыхъ нуждается пролетаріатъ для своей политической организаціи: свободы союзовъ, свободы печати и другихъ правъ, завоеваніе которыхъ составляетъ историческую миссію буржуазіи, и пожертвовать которыми изъ страха передъ пролетаріатомъ составляло тайное желаніе нѣмецкой буржуазіи. И если

Союзъ Коммунистовъ пожелалъ вовлечь массы въ революціонное движеніе, если онъ не хотѣлъ снова впасть въ сектантство, которое онъ недавно сбросилъ съ себя, онъ могъ ступить на почву нѣмецкой революціи лишь въ качествѣ радикальнаго крыла демократіи, что отнюдь не требовало затаиванія его конечныхъ цѣлей.

Соотвѣтственно этому „требованія коммунистической партіи въ Германіи", выставленныя новымъ Центральнымъ Комитетомъ въ одномъ воззваніи, сводились къ ряду пунктовъ, которые были столько же въ интересахъ мелкаго мѣщанства и мелкой буржуазіи, сколько въ интересахъ пролетаріата. Самыми существенными изъ этихъ пунктовъ были: объединеніе Германіи въ видѣ единой нераздѣльной республики, всеобщее вооруженіе народа, жалованье народнымъ представителямъ, ограниченіе права наслѣдованія, сильно прогрессирующіе съ ростомъ дохода налоги, отмѣна обложенія предметовъ потребленія, учрежденіе національныхъ мастерскихъ, всеобщее безплатное воспитаніе, національзація всѣхъ средствъ перевозки, какъ-то: желѣзныхъ дорогъ, каналовъ, пароходовъ, шоссе, почтъ—въ интересахъ неимущаго класса. Далѣе, требовалось превращеніе всѣхъ рудниковъ и копей, всѣхъ княжескихъ и феодальныхъ земельныхъ владѣній въ государственное имущество, съ той оговоркой, чтобы на этихъ земляхъ хозяйство велось въ крупномъ масштабѣ съ помощью современныхъ средствъ науки на пользу общества. Равнымъ образомъ требовали перехода въ государственную собственность ипотекъ съ крестьянскихъ земель, съ тѣмъ, чтобы крестьяне платили государству проценты за эти ипотеки; къ государству должна была перейти также земельная рента и арендная плата въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ арендная система развита.

Эти требованія далеко не исчерпывали коммунистической программы. Они были значительно меньше

тѣхъ, которыя „Коммунистическій Манифестъ“ предлагалъ для наиболѣе развитыхъ странъ послѣ завоеванія политической власти пролетаріатомъ. Они, такимъ образомъ, сильно считались съ экономической отсталостью Германіи. Тѣмъ не менѣе, историческое теченіе событій показало, что эта программа была еще преждевременной для того уровня экономическаго развитія, на которомъ тогда стояла Германія. Но, съ другой стороны, нельзя сказать, чтобы программа эта была непрактичной и утопичной. Она не была непрактичной, такъ какъ она направила на вѣрный путь вниманіе революціонно возбужденныхъ массъ; она не была утопичной, такъ какъ ея авторы прекрасно сознавали и нисколько не скрывали, что эта программа можетъ быть проведена лишь послѣ длиннаго ряда революціонныхъ стычекъ и переворотовъ. Они ошиблись только въ своемъ предположеніи, что это, вообще, достижимо въ одномъ хотя бы длинномъ, но непрерывномъ революціонномъ процессѣ. Они не обманывались ни относительно направленія, ни относительно цѣли, а только относительно длины пути.

Союзъ Коммунистовъ энергично боролся со всякимъ сектанствомъ, равно какъ со всякой игрой въ революцію. Въ средѣ парижскихъ эмигрантовъ свирѣпствовала тогда манія революціонныхъ легіоновъ, которые задавались цѣлью освободить свои отечества отъ рабскаго гнета. Союзъ Коммунистовъ не переставалъ доказывать безсмысленность этого предпріятія. Большинство буржуа, засѣдавшихъ во временномъ правительствѣ французской республики, съ особымъ усердіемъ поощряло эту манію. Чтобы освободиться отъ иностранныхъ рабочихъ, временное правительство предоставляло имъ походныя квартиры и походное жалованье до французской границы. А цвѣтистый ораторъ Ламартинъ въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ охотно сдѣлалъ все, отъ него зависящее, чтобы предать легіонеровъ въ руки правительствъ

ихъ странъ. Гервегъ увлекся этой маніей и сталъ во главѣ нѣмецкаго легіона, который долженъ былъ двинуться черезъ Рейнъ, чтобы революціонизировать Германію. Но Марксъ, невзирая на нерасположеніе взволнованныхъ народныхъ массъ, доказывалъ на открытыхъ собраніяхъ всю безнадежность этого плана. Насильственный ввозъ революціи въ Германію долженъ быть желателенъ правительству, какъ пугало, и самый легіонъ будетъ преданъ въ руки войска. Особенно послѣ того, какъ вспыхнула революція въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ, эта глупая игра потеряла даже подобіе смысла, но, къ сожалѣнію, многіе продолжали забавляться этой игрой, пока дѣло не дошло до того печальнаго конца, который предсказывалъ Марксъ.

Вмѣсто нѣмецкаго легіона Марксъ и Энгельсъ основали нѣмецкій коммунистическій ферейнъ и совѣтовали его членамъ вернуться въ Германію и дѣйствовать, какъ бродильный грибъ, въ революціонномъ движеніи. Флоконъ доставилъ этимъ рабочимъ тѣ же льготы, которыя давались легіонерамъ, и, такимъ образомъ, отъ трехъ до четырехъ сотъ рабочихъ вернулись въ Германію, большая часть которыхъ были членами Союза. Разсѣявшись по всей Германіи, Союзъ Коммунистовъ пересталъ, какъ таковой, существовать; но при своемъ распаденіи онъ оставался прекрасной школой для освободительной борьбы пролетаріата. Повсюду, гдѣ только въ это революціонное время рабочій классъ началъ развиваться, члены Союза оказывались движущими силами, и даже тамъ, гдѣ они добровольно или принужденно приспособлялись къ мѣстнымъ условіямъ и не удерживались на принципіальной высотѣ „Коммунистическаго манифеста“, они своимъ яснымъ пониманіемъ положенія и своей рѣшительностью далеко превосходили буржуазныхъ народныхъ вождей. Они работали и въ Гессенѣ, и въ Нассау, въ Гамбургѣ, въ Бременѣ и въ Ганноверѣ, въ Берлинѣ, въ Лейпцигѣ и въ Бреславлѣ, гдѣ Вильгельмъ Вольфъ работалъ съ

большимъ успѣхомъ и былъ избранъ даже замѣстителемъ депутата для Франкфуртскаго собранія. Но разумѣется, что Союзъ Коммунистовъ только тамъ могъ развить свою агитацію въ крупномъ революціонномъ стилѣ, гдѣ уже были налицо предпосылки современнаго буржуазнаго общества.

Марксъ и Энгельсъ вмѣстѣ съ тѣснымъ кругомъ своихъ друзей отправились въ Кельнъ, гдѣ кружокъ демократовъ и отчасти коммунистовъ подготовляли изданіе большой газеты. Вначалѣ инициаторы газеты смотрѣли на нихъ косо и совѣтовали имъ отправиться въ Берлинъ, на что Марксъ и Энгельсъ имѣли основаніе не согласиться. Они знали Берлинъ и знали, какъ мало развитъ былъ въ то время буржуазный классъ прусской столицы. Они знали также, что въ Берлинѣ еще нѣтъ прочной свободы печати, чему лишнимъ доказательствомъ служила судьба молодого Шлеффеля. Въ Берлинѣ еще господствовало прусское земское право и политическіе процессы были подсудны коронным судамъ. На Рейнѣ же дѣйствовалъ кодексъ Наполеона, по которому политическіе процессы разбирались судомъ присяжныхъ. Большая газета, которая должна была быть въ извѣстномъ смыслѣ маякомъ надъ волнующимся моремъ революціи, не могла издаваться нигдѣ, кромѣ рейнской столицы, и энергичной волѣ Маркса и его друзей, которой они подкрѣпили свой упомянутый вѣрный взглядъ на дѣло, вскорѣ удалось преодолѣть всѣ препятствія. Они получили въ свои руки новую газету подъ однимъ условіемъ, чтобы Генрихъ Бюргерсъ былъ членомъ редакціи. На послѣдняго акціонеры надѣялись, что онъ будетъ служить тормозомъ въ колесницѣ; фактически же онъ былъ лишь пятымъ колесомъ въ колесницѣ.

Первый номеръ „Новой Рейнской Газеты“ вышелъ 1-го іюля 1848 года. Штабъ редакціи состоялъ изъ Карла Маркса, какъ руководящаго редактора, Генриха

Бюргерса, Эрнста Дронке, Фридриха Энгельса, Георга Верта, Фердинанда Вольфа и Вильгельма Вольфа. Газета начала съ весьма небольшимъ капиталомъ, состоявшимъ изъ акцій, изъ которыхъ только немногія были выплачены. И первая ея статья, которая бичевала пустую болтовню Франкфуртскаго собранія, выпускавшаго изъ своихъ рукъ одно орудіе власти за другимъ, стоила газетѣ половины ея акціонеровъ.

Въ своемъ заголовкѣ „Новая Рейнская Газета" называлась „органомъ демократіи" и нисколько не скрывала, что она примыкаетъ къ существующему крайнему теченію революціоннаго движенія для того, чтобы двигать его впередъ въ интересахъ пролетаріата. Газета не добивалась чести быть органомъ какой-нибудь парламентской лѣвой. Она открыто высказывала, что при существованіи различныхъ элементовъ, изъ которыхъ образовалась демократическая партія въ Германіи, она находитъ настоятельно необходимымъ, главнымъ образомъ, строго наблюдать за демократами; ея идеалъ не есть черно-красно-золотистая республика: она — именно, въ этой республикѣ лишь начнетъ свою настоящую оппозицію. Уже въ первый мѣсяцъ послѣ своего открытія она раскрыла свои настоящія цѣли въ сильной статьѣ, полной пламенной страсти. Это было тогда, когда на побѣжденныхъ іюньскихъ борцовъ Парижа посыпались со всѣхъ сторонъ всевозможныя клеветы, и въ этомъ общемъ клеветническомъ хорѣ явственно слышались голоса либеральной буржуазіи и демократическаго мелкаго мѣщанства.

„Парижскіе рабочіе разбиты, но побѣждены ихъ враги", такъ возвѣстила „Новая Рейнская Газета". „Мгновенное торжество грубой силы окупается уничтоженіемъ всѣхъ иллюзій и миражей февральской революціи, раздѣленіемъ французской націи на двѣ націи, на націю имущихъ и націю рабочихъ. Эта глубокая пропасть не должна навести демократовъ на мысль, что борьба изъ-за государственнаго строя иллюзорна и безсодер-

жательна. Тѣ коллизіи, которыя вытекаютъ изъ условій буржуазнаго общества, должны быть изжиты въ борьбѣ, а не устранены въ фантазіи. Лучшая государственная форма не та, въ которой затушевываются общественныя противорѣчія, въ которой они насильственно, слѣдовательно, только искусственно, съ виду только, скованы, а та, въ которой эти противорѣчія вступаютъ въ свободную борьбу и могутъ такимъ образомъ дойти до разрѣшенія". О томъ, какое мѣсто должна занять демократія въ классовой борьбѣ между буржуазіей и пролетаріатомъ, говорилось въ этой статьѣ слѣдующее: „Насъ спросятъ, неужели мы не находимъ ни одной слезы, ни одного вздоха, ни одного слова для жертвъ народнаго гнѣва, для національной гвардіи, для подвижной гвардіи, для республиканской гвардіи, для линейныхъ войскъ? Государство позаботится объ ихъ вдовахъ и сиротахъ, оффиціальные декреты будутъ ихъ прославлять, торжественные похороны будутъ имъ устроены, оффиціальная пресса объявитъ ихъ безсмертными, европейская реакція отъ востока до запада будетъ чтить ихъ память. Но вотъ плебеи, истерзанные голодомъ, оплеванные прессой, оставленные безъ врачебной помощи,—ихъ приличная публика ругаетъ ворами, поджигателями, каторжанами, ихъ жены и дѣти повержены въ безпредѣльное несчастіе, ихъ лучшіе сыны сосланы за океанъ, — имъ плести лавры вокругъ ихъ грозно-мрачнаго чела да будетъ это привилегіей и правомъ демократической прессы". Эта написанная Марксомъ статья, вѣчный памятникъ настоящаго революціоннаго настроенія, лишила „Новую Рейнскую Газету" послѣдняго остатка ея акціонеровъ.

Между тѣмъ, эта газета пріобрѣла себѣ сочувствіе народныхъ массъ. Она сочетала въ себѣ два качества, изъ которыхъ ни одно не было даже въ приблизительной мѣрѣ достигнуто никакой другой газетой въ Германіи, изъ которыхъ каждое очень рѣдко встрѣчается и еще рѣже гармоническое сочетаніе обоихъ. Она со-

четала глубокое пониманіе исторической связи вещей, которое, однако, никогда не выродилось въ праздное созерцаніе, съ неудержимо смѣлымъ влеченіемъ къ дѣлу, которое, однако, никогда не расплылось въ иллюзіяхъ. Она также мало льстила народу, какъ его деспотамъ. Она бичевала жестоко все то унаслѣдованное рабское, отъ котораго еще не освободились нѣмцы, но она, вмѣстѣ съ тѣмъ, бережно собирала каждую революціонную искру, которая обѣщала разгорѣться въ очищающее пламя по насквозь прогнившему жалкому нѣмецкому существованію. Она издѣвалась и насмѣхалась надъ тѣмъ пресловутымъ нѣмецкимъ „добродушіемъ", которое есть, въ сущности, только благовидное выраженіе для инертности слабонервнаго филистера; какъ выразился Веертъ, газета эта третировала нѣмецкій народъ en canaille, но нигдѣ интересы нѣмецкой будущности не оберегались съ такой ясностью и твердостью, какъ на столбцахъ этой газеты; даже буржуазія съ своей точки зрѣнія должна была бы, въ сущности, прислушиваться къ предостереженіямъ и призывамъ этой газеты.

„Новая Рейнская Газета" своевременно поставила на видъ министерству Кампгаузена, что оно сѣетъ реакцію въ духѣ крупной буржуазіи, но пожнетъ ее въ духѣ феодальной партіи. Она назвала квадратурой круга желаніе министерства Ганземанна закрѣпить господство буржуазіи путемъ сдѣлки съ полицейскимъ феодальнымъ правительствомъ. Буржуазія не можетъ установить свое господство безъ того, чтобы, хотя на время имѣть весь народъ на своей сторонѣ, безъ того, чтобы выступить болѣе или менѣе демократически. „Дѣловое министерство" должно погибнуть, если буржуазія, пока еще борящаяся противъ абсолютизма, противъ феодализма, противъ юнкерства, противъ господства военщины и чиновничества, уже приступаетъ къ исключенію, устраненію и покоренію народа. Газета слѣдила за преніями въ Берлинскомъ собраніи и подвер-

гала ихъ основательной критикѣ; она старалась вывести лѣвую изъ ея полубоевой политики, выясняла ей, что старая власть охотно предоставляетъ ей маленькія парламентскія побѣды и большіе конституціонные проекты, въ то же время укрѣпляя со всей рѣшительностью свои позиціи. Въ одно прекрасное утро лѣвая увидитъ, что ея парламентская побѣда совпала съ ея дѣйствительнымъ пораженіемъ. Это были предсказанія, которыя оправдались съ поразительной точностью по всей линіи.

„Новая Рейнская Газета“ бичевала жестокимъ сарказмомъ то бахвальное краснорѣчіе, которому такъ охотно предавались лѣвые парламентскіе вожди буржуазіи и мелкаго крестьянства. Самымъ безпощаднымъ образомъ она вскрывала все ничтожество парламентскаго кретинизма, напримѣръ, Франкфуртскаго собранія, гдѣ онъ еще больше былъ распространенъ, чѣмъ въ Берлинскомъ. Она, разумѣется, не одобряла и прусскихъ плановъ партіи Гагерна: тѣ прекрасные дни уже прошли безвозвратно, когда совершенно распавшаяся Германія видѣла послѣднее средство общей связи въ общемъ примѣненіи прусской бюрократической смирительной рубашки. Вообще, о прусской легендѣ газета отзывалась съ величайшимъ презрѣніемъ. Когда при нападеніи на берлинскій арсеналъ были уничтожены нѣсколько старыхъ знаменъ и гербовъ и когда по поводу этого поднялся шумъ патріотическаго возмущенія, газета выражала свою похвалу вѣрному такту берлинскаго народа, который въ первый разъ тутъ выступилъ революціонно, не только противъ своихъ угнетателей, но также противъ блестящихъ иллюзій своего собственнаго прошлаго; первое, что нѣмцы должны сдѣлать въ своей революціи, это окончательно порвать со всѣмъ своимъ жалкимъ прошлымъ.

„Новая Рейнская Газета“ не оставила безъ рѣзкой критики того федеративнаго республиканизма, который былъ представленъ франкфуртской лѣвой. Федерація

изъ конституціонныхъ монархій, мелкихъ княжествъ и мелкихъ республикъ съ республиканскимъ правительствомъ во главѣ не можетъ быть настоящей конституціей Германіи. „Мы не выставляемъ того утопическаго требованія, чтобы a priori была превозглашена единая, нераздѣльная германская республика, но мы требуемъ отъ такъ называемой радикально-демократической партіи, чтобы она не смѣшивала исходный пунктъ борьбы и всего революціоннаго движенія съ ихъ конечной цѣлью. Объединеніе Германіи, равно какъ германская конституція — могутъ быть только результатомъ всего движенія, при чемъ рѣшающую роль будутъ играть и внутренніе конфликты, и война съ Россіей. Окончательно конституція не можетъ быть декретирована, — она совпадаетъ съ движеніемъ, которое мы должны еще пройти. Рѣчь идетъ не объ осуществленіи того или другого взгляда, той или другой политической идеи, рѣчь идетъ о вѣрномъ пониманіи всего хода развитія. Національное собраніе должно пока сдѣлать только практически возможные шаги“.

Въ высшей степени нелѣпо, по мнѣнію газеты, взять, какъ масштабъ для германской конституціи, сѣверо-американское федеративное государство. „Соединенные Штаты Сѣверной Америки, помимо того, что они всѣ имѣютъ однородную конституцію, простираются по площади, равной всей цивилизованной Европѣ. Аналогіей американской федераціи была бы только общеевропейская федерація. Но для того, чтобы Германія могла войти въ федерацію съ другими странами, она раньше всего сама должна стать единой страной. Въ Германіи борьба между централизаціей и федераціей есть борьба между современной культурой и феодализмомъ. Германія впала въ обуржуазившійся феодализмъ, въ тотъ самый моментъ, когда образовались крупныя монархіи Запада, но она, вмѣстѣ съ тѣмъ, была исключена изъ міроваго рынка въ тотъ самый моментъ, когда міровой рынокъ открылся передъ Запад-

ной Европой. Германія нищала въ то время, какъ другія страны богатѣли. Она превращалась въ деревенщину, въ то время, какъ въ другихъ странахъ развивались большіе города. Даже, если бы у воротъ Германіи не стояла грозная сила Россіи, одни экономическія условія Германіи должны были толкать ее къ централизаціи. Даже съ буржуазной точки зрѣнія единство Германіи есть первое условіе для выхода изъ теперешняго жалкаго положенія и для созданія національныхъ богатствъ. Какимъ же образомъ возможно разрѣшить современныя соціальныя задачи на площади, раздробленной въ тридцать девять государствъ?" Изъ этихъ разсужденій видно, что Марксъ и Энгельсъ понимали подъ „непрерывной революціей", которой они, какъ нѣкоторые увѣряютъ, будто бы добивались всеобщей анархіи и хаоса.

„Новая Рейнская Газета" боролась противъ патріотическаго „завершенія революціи" столько же въ интересахъ буржуазіи, сколько въ интересахъ пролетаріата.

2. Европейская политика.

Не послѣднимъ достоинствомъ газеты надо считать ея тонкое и глубокое пониманіе иностранной политики, отношеніе къ которой издавна было одной изъ слабыхъ сторонъ демократическихъ партій. „Новая Рейнская Газета" ни на одну минуту не упускала изъ виду связи германскихъ условій съ общеевропейскими. Какъ о борьбѣ партій въ Германіи, такъ и о борьбѣ націй въ Европѣ, она не судила по шаблону безсодержательныхъ крылатыхъ словъ, какъ свобода, равенство, братство, справедливость.

Отправной точкой зрѣнія была для нея постоянно та ступень культуры и цивилизаціи, которой достигли отдѣльные народы, равно какъ то положеніе, которое они соотвѣтственно этому занимали въ текущей революціонной борьбѣ. Она развернула передъ нѣмецкимъ народомъ всю картину позора, какъ его сыны уже

семьдесятъ лѣтъ, со времени американской войны за независимость и французской революціи до недавняго усмиренія итальянскихъ и польскихъ возстаній, служили палачами для революціонныхъ народовъ. „Теперь, когда нѣмцы начинаютъ сбрасывать съ себя свое собственное ярмо, должна также измѣниться вся ихъ политика по отношенію къ иностраннымъ народамъ. Въ противномъ случаѣ наша молодая почти что только предчувствуемая нами свобода очутится въ тѣхъ же оковахъ, которыя мы налагаемъ на другіе народы. Германія освобождается лишь постольку, поскольку она предоставляетъ свободу сосѣднимъ народамъ". Но въ то же время газета тонко различала между большими жизнеспособными націями, борющимися съ самоотверженнымъ геройствомъ за свою независимость, и тѣми маленькими отсталыми народностями, которыя только выкрикиваютъ демократическія крылатыя словечки съ тѣмъ, чтобы фактически стать на пути или дать себя ставить на пути революціоннаго развитія болѣе развитыхъ націй.

Она требовала Италіи для итальянцевъ, Польши для поляковъ, Венгріи для венгерцевъ, но она отвергала панславистское движеніе, которое, по ея мнѣнію, было либо пустой фантазіей, либо стремленіемъ къ русскому кнуту. Она клеймила маккіавелистическую политику австрійскаго и прусскаго правительства, которая обнаруживалась въ кровавомъ усмиреніи возстаній въ Италіи и Польшѣ, „которая, потрясенная въ Германіи въ своихъ твердыняхъ, пытается парализовать демократическую энергію, отвлечь отъ себя общее вниманіе, создать отводъ для революціонной лавы и ковать оружіе для внутренняго угнетенія, вызывая узкосердечную національную вражду, противную космополитическому характеру нѣмцевъ". Она также заступалась за историческое право Германіи въ борьбѣ съ Даніей изъ-за Шлезвигъ-Голштиніи.

Прежде всего газета требовала революціонной вой-

ны противъ Россіи. „Только война съ Россіей есть война революціонной Германіи, война, которой она можетъ побѣдить своихъ собственныхъ самодержцевъ, которой она можетъ, какъ подобаетъ народу, сбрасывающему съ себя цѣпи долголѣтняго инертнаго рабства, купить пропаганду цивилизаціи цѣной жертвы своими сыновьями, себя освободить, освобождая другихъ". Газета не уставала указывать на опасность, которая грозитъ нѣмецкой революціи со стороны царскаго деспотизма. Она предвидѣла дни Вильны и Варшавы. Еще въ іюнѣ 1848 года она писала: „Царь уже стоитъ у воротъ Торна!" — какъ будто она вычитала это изъ документа, обнародованнаго тридцать лѣтъ спустя, въ которомъ императоръ Николай какъ разъ въ тѣ дни предлагалъ помощь русскаго войска для насильственнаго возстановленія домартовскаго деспотизма.

Съ войной противъ Россіи неразрывно было связано возстановленіе независимости Польши. Это было безусловно необходимо въ интересахъ европейской революціи, которая не могла быть доведенной до конца, не парализуя русскаго колосса, и которая для парализованія русскаго колосса имѣла только одно средство: вызвать польское возстаніе. Этимъ объясняется популярность идеи освобожденія Польши въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ Западной Европѣ. Въ Германіи эта популярность отнюдь не вытекала изъ романтической причуды или изъ увлеченія идеей братства народовъ, какъ это выставлялось Бисмаркомъ и модными патріотами имперіи. Наоборотъ, она вытекала изъ весьма трезвенной реальной политики, основательность которой не подлежала сомнѣнію, поскольку царь имѣлъ возможность играть роль опекуна германскихъ князей. Кто желалъ имѣть германское единство и свободу, тотъ долженъ былъ также желать самостоятельной Польши. Даже предварительный парламентъ при всей его дряблости не могъ не признать этой неопровержимой логики. Поэтому онъ

назвалъ раздѣлъ Польши „позорной несправедливостью“ и объявилъ „священнымъ долгомъ“ нѣмецкаго народа содѣйствовать возстановленію Польши.

„До тѣхъ поръ, пока мы содѣйствуемъ угнетенію Польши, пока мы приковываемъ часть Польши къ Германіи, до тѣхъ поръ мы сами остаемся прикованными къ Россіи и къ русской политикѣ, до тѣхъ поръ мы не въ силахъ сломить нашего патріархально-феодальнаго абсолютизма“. Въ этихъ немногихъ словахъ „Новая Рейнская Газета“ охарактеризовала всю политику, которая диктовалась германской революціей въ польскомъ вопросѣ. Что этотъ взглядъ былъ вѣренъ, яснѣе всего доказала политика контръ-революціи, политика прусской монархіи и прусскаго юнкерства, которая ни передъ чѣмъ не останавливалась, кромѣ разрыва съ Россіей, которая вслѣдствіе этого всѣми силами стремилась къ тому, чтобы приковать прусскую долю въ польскомъ грабежѣ къ новой Германіи, къ той новой Германіи, которая 18-го марта хотя еще не была создана, но была возвѣщена. Охваченный страхомъ мартовскихъ дней, Фридрихъ-Вильгельмъ IV обѣщалъ провинціи Познани „національную реорганизацію“, и польское населеніе этой провинціи ясно обнаружило свою готовность идти рука объ руку съ революціонной Германіей противъ Россіи. Но вскорѣ оказалось, что это обѣщаніе было дано только подъ давленіемъ страха. Прусское военное и гражданское чиновничество въ провинціи Познани занималось травлей нѣмецкаго и еврейскаго населенія противъ поляковъ. Оно старалось разжечь гражданскую войну, которую оно вело безъ военныхъ геройскихъ подвиговъ, но зато съ настоящимъ вандализмомъ. Неоднократно потерпѣвшія позорныя пораженія въ открытомъ полѣ, прусскія войска одержали, наконецъ, здѣсь побѣду, благодаря своему численному превосходству и лучшему вооруженію. Польскіе топоры и косы не могли, понятно, устоять противъ прусской картечи. И въ этомъ вопросѣ мини-

стерство Кампгаузена не имѣло силы и смѣлости защищать право буржуазной революціи. Оно санкціонировало насиліе военщины, отрѣзавъ въ апрѣлѣ и маѣ отъ провинціи Познани большія части, въ общемъ, болѣе двухъ третей и заставивъ находившійся въ агоніи бундестагъ на скорую руку включить ихъ въ германскій союзъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что эти земли будто бы преимущественно населены нѣмцами.

Франкфуртское національное собраніе должно было послѣ этого заняться рѣшеніемъ вопроса, считать ли дѣйствительными полномочія тѣхъ депутатовъ, которые были выбраны въ этихъ частяхъ провинціи Познани. Послѣ трехдневныхъ дебатовъ оно 27-го іюля рѣшило этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ, что означало грубую расправу съ польскимъ вопросомъ съ точки зрѣнія нѣмецкой революціи. Раздѣлы Польши, которые предварительный парламентъ назвалъ „позорной несправедливостью", теперь были санкціонированы самимъ парламентомъ. При томъ огромномъ значеніи, которое Марксъ и Энгельсъ придавали революціонной войнѣ противъ Россіи, вполнѣ понятно, что „Новая Рейнская Газета" подвергала эти дебаты Франкфуртскаго собранія болѣе обстоятельной критикѣ, чѣмъ всякіе другіе. Статьи газеты объ этихъ дебатахъ представляютъ собою лучшее изъ всего того, что когда-либо писалось на нѣмецкомъ языкѣ о тогдашнемъ польскомъ вопросѣ, хотя эти статьи не были свободны отъ историческихъ ошибокъ. Въ этихъ статьяхъ польская исторія разсматривалась при свѣтѣ тѣхъ польскихъ историковъ и политиковъ, которые, какъ Лелевель и Мѣрославскій, считали независимость польской націи тѣсно связанной съ аграрной демократической революціей внутри Польши. Самъ по себѣ этотъ взглядъ былъ правильный, но у польскихъ патріотовъ, отстаивавшихъ этотъ взглядъ, желаніе было отцомъ мысли. Ихъ взгляды на тѣ реформаторскія попытки, которыя дѣлало польское дворянство для спасенія своей

родины отъ гибели, въ особенности на польскую конституцію 1791 года, обосновывались больше ихъ собственными намѣреніями, чѣмъ фактическими результатами этихъ реформъ. И когда „Новая Рейнская Газета, въ августѣ 1848 года писала, что Польша дворянской демократіи уже давно похоронена, но что она родила здороваго сына—Польшу крестьянской демократіи, — то это было обманчивымъ отголоскомъ изъ круговъ упомянутыхъ польскихъ патріотовъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что приписываемыя газетой нѣмецкой иммиграціи въ Польшу роковыя послѣдствія фактически не имѣли мѣста по той простой причинѣ, что эта иммиграція не происходила безпрерывно. Какъ быстро Марксъ оріентировался въ сложныхъ историческихъ концепціяхъ и какъ глубоко онъ проникалъ во внутреннюю связь крупныхъ событій, показываетъ слѣдующее мѣсто въ одной изъ его статей о Польшѣ: „Нѣмцы, которые достигли своего высшаго расцвѣта въ мелкомъ мѣщанствѣ средневѣковыхъ мѣщанскихъ городовъ въ примитивной, караванообразной внутренней торговлѣ и ограниченной морской торговлѣ, въ цеховомъ ремесленномъ производствѣ 14 и 15 столѣтія обнаружили свое призваніе стать филистерами всемірной исторіи и даже теперь они образуютъ ядро мелкаго мѣщанства всего востока и сѣвера Европы и даже Америки. Въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Варшавѣ и Краковѣ, въ Стокгольмѣ и Копенгагенѣ, въ Пештѣ, Одессѣ и Яссн, въ Нью-Іоркъ и въ Филадельфіи ремесленники, лавочники и мелкіе посредники большей частью нѣмцы или нѣмецкаго происхожденія. Во всѣхъ этихъ городахъ имѣются цѣлые кварталы, гдѣ говорятъ только по-нѣмецки; нѣкоторые города, какъ Пештъ, совершенно нѣмецкіе“. Въ 12 и 13 столѣтіяхъ нѣмецкіе переселенцы изъ дворянства и духовенства уходили въ Польшу, но уже съ 17-го столѣтія начинается обратное движеніе. Въ интересахъ монополизированной ими хлѣбной торговли польскіе юнкера

насильственно разрушили зачатки городского развитія, и нѣмецкіе колонисты начали возвращаться обратно на свою родину. Они не тормозили образованія польскихъ городовъ, какъ въ томъ ихъ упрекала „Новая Рейнская Газета". Они не затрудняли своимъ особымъ языкомъ, своей обособленностью отъ польскаго населенія или же своими различными привилегіями и городскими правовыми устройствами той централизаціи, которая является сильнымъ политическимъ средствомъ для быстраго развитія страны. Такъ же мало можно было ихъ упрекать въ томъ, что они не собрали крупныхъ капиталовъ, не приспособились къ крупной промышленности и не овладѣли широкими, торговыми связями. Права была „Новая Рейнская Газета", когда она усматривала настоящую причину польскаго паденія въ недостаточномъ развитіи городовъ, но виновно въ томъ было исключительно польское дворянство.

Несравненно болѣе основательна была критика, которой газета подвергала легендарныя утвержденія прусскаго историка Штенцеля въ Франкфуртскомъ собраніи, будто послѣ раздѣла Польши прусская корона и прусское юнкерство внесли культуру и цивилизацію въ Польшу. Въ противоположность этимъ намѣреннымъ искаженіямъ историческихъ фактовъ, которые не могли быть неизвѣстны каждому прусскому историку, „Новая Рейнская Газета" констатировала, что раздѣлъ Польши былъ грабежемъ не только въ смыслѣ государственномъ, но и въ обычномъ гражданско-правовомъ смыслѣ. Она съ исторической вѣрностью изобразила тѣ колоссальные разбойничьи набѣги, которые послѣ третьяго раздѣла Польши въ 1796 году прусская корона и прусское княжество предпринимали на церковныя имѣнія и имѣнія староствъ и въ нѣсколько измѣненной формѣ повторили послѣ польскихъ возстаній 1830 и 1845 годовъ. Она также попала въ самую точку, когда утверждала, что этотъ весьма песвященный грабежъ Польши былъ главнымъ цементомъ, связывавшимъ

Священный Союзъ. Впрочемъ, Священный Союзъ выставлялъ передъ деспотическими угнетателями Польши опасность аграрной революціи въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ ее чувствовали и могли чувствовать въ Берлинѣ, Вѣнѣ и Петербургѣ.

Не менѣе справедлива была иронія этой газеты по адресу того же Штенцеля, рисовавшаго, какъ піонеровъ современной цивилизаціи, тѣхъ нѣмецкихъ евреевъ, которые поселились въ Познани подъ крылышкомъ прусскаго орла и больше въ сознаніи своей нечистой совѣсти, чѣмъ вслѣдствіе воодушевленія германскимъ геройствомъ, дали себя натравливать противъ поляковъ. Особенно ѣдко иронизировала газета по поводу попытки Штенцеля выставлять польскихъ евреевъ, какъ носителей нѣмецкой любви къ родинѣ. „Неожиданная симпатія и признательность, которыя польскіе евреи нашли въ Германіи, получили свое оффиціальное выраженіе. Повсюду, куда только простирается вліяніе лейпцигской ярмарки, ихъ считаютъ олицетвореніемъ торгашества, скряжничества и нечистоплотности, и вдругъ они стали братьями нѣмцевъ. Добродѣтельный Михель со слезами радости прижимаетъ ихъ къ своей груди, и господинъ Штенцель именемъ нѣмецкой націи рекламируетъ ихъ, какъ нѣмцевъ, желающихъ быть нѣмцами. И почему въ самомъ дѣлѣ не быть польскимъ евреямъ настоящими нѣмцами? Развѣ они и ихъ дѣти въ своихъ семьяхъ не говорятъ на нѣмецкомъ языкѣ? Да и еще на какомъ нѣмецкомъ языкѣ! Кстати обращаемъ вниманіе господина Штенцеля, что онъ такимъ же маneромъ можетъ рекламировать всю Европу, половину Америки и даже часть Азіи. Какъ извѣстно, на нѣмецкомъ языкѣ говорятъ евреи всего міра. Въ Нью-Іоркѣ и Константинополѣ, въ Петербургѣ и въ Парижѣ евреи въ своихъ семьяхъ и ихъ дѣти говорятъ на нѣмецкомъ языкѣ и часто на лучшемъ нѣмецкомъ языкѣ, чѣмъ познанскіе евреи".

По положенію вещей въ 1848 году сущность польскаго вопроса состояла въ томъ, что національное существованіе Польши ни для одного народа не было такъ необходимо, какъ для нѣмецкаго народа. Союзная война революціонныхъ нѣмцевъ и поляковъ противъ Россіи была бы самымъ вѣрнымъ средствомъ для свержевія феодализма въ Германіи и въ Польшѣ. Газета безспорно не дооцѣнивала тѣхъ трудностей, которыя стояли на пути такого нѣмецко-польскаго союза; она была увлечена революціонной смѣлостью и имѣла преувеличенныя представленія о Польшѣ крестьянской демократіи. „Понятно,—писала она,—что рѣчь идетъ не о возстановленіи призрачной Польши, а о возстановленіи государства на жизнеспособной основѣ. Польша должна по меньшей мѣрѣ получить всю площадь, которая ей принадлежала до 1772 года, ей должны быть отведены не только области, но и устья ея большихъ рѣкъ и также большая побережная полоса при Балтійскомъ морѣ. Все это можетъ ей гарантировать Германія и при этомъ обезпечить свои интересы и свою честь, если она послѣ революціи въ своихъ собственныхъ интерессахъ будетъ имѣть смѣлость съ оружіемъ въ рукахъ требовать отъ Россіи возвращенія польскихъ областей. Само собой разумѣется, что въ пограничныхъ областяхъ, гдѣ живетъ смѣшанное населеніе, нѣмцы и поляки, и особенно на берегу моря, дѣло не обойдется безъ взаимныхъ уступокъ, которыя не встрѣтятъ, однако, никакихъ затрудненій“. Впрочемъ, великодушная ошибка, сказавшаяся въ этихъ строкахъ, дала газетѣ еще большее право осмѣять половинчатую германскую революцію, не имѣвшую смѣлости выступить съ такой рѣшительностью. „Произносить торжественныя рѣчи на тему объ освобожденіи Польши, встрѣчать на желѣзнодорожныхъ станціяхъ странствующихъ поляковъ и предлагать имъ горячія симпатіи нѣмецкаго народа (и кому такія симпатіи не были выражены?)—на это у насъ

многіе горазды. Но начать войну съ Россіей, поставить на карту все европейское равновѣсіе и, въ концѣ-концовъ, вернуть кусочекъ похищенной области—на это мало охотниковъ среди нѣмцевъ!" И снова заявила „Новая Рейнская Газета", что война съ Россіей означаетъ полный, открытый и дѣйствительный разрывъ съ позорнымъ прошлымъ Германіи, дѣйствительное освобожденіе и объединеніе Германіи, что такая война есть единственно возможный путь для спасенія нѣмецкой чести и нѣмецкихъ интересовъ по отношенію къ славянскимъ сосѣдямъ и, главнымъ образомъ, по отношенію къ Польшѣ.

Такъ же справедливо, какъ къ полякамъ, газета относилась и къ венгерцамъ; къ послѣднимъ она, пожалуй, относилась слишкомъ справедливо. Въ пестрой смѣси враждующихъ народностей въ австрійскихъ земляхъ газета видѣла два обособившихся лагеря: на сторонѣ революціи стояли нѣмцы, поляки и мадьяры, на сторонѣ контръ-революціи стояли румыны, саксонцы изъ Семиградіи и всѣ славяне за исключеніемъ поляковъ. На вопросъ: отчего произошелъ этотъ расколъ? „Новая Рейнская Газета" отвѣчала: благодаря всей исторіи этихъ племенъ. Помимо поляковъ, не входившихъ въ составъ старой Австріи, историческая иниціатива въ придунайскихъ областяхъ еще со времени среднихъ вѣковъ была связана съ нѣмцами и мадьярами. Безъ нѣмцевъ и мадьяръ всѣ такъ называемые южные славяне—въ отличіе отъ русскихъ и поляковъ—попали бы подъ турецкое владычество, что и фактически случилось съ нѣкоторой частью ихъ. И если бы даже отъ австрійскихъ южныхъ славянъ требовалась перемѣна ихъ національностей на нѣмецкую или мадьярскую, это не было бы слишкомъ дорогой цѣной за оказанную имъ историческую услугу.

Турецкое вторженіе пятнадцатаго и шестнадцатаго столѣтій было вторымъ изданіемъ арабскаго вторженія восьмого столѣтія. Побѣда Карла Мартела

была завершена подъ стѣнами Вѣны и на равнинахъ Венгріи. Какъ тогда при Пуатье, такъ и здѣсь опасность грозила всему европейскому развитію. И когда рѣчь шла о спасеніи всей европейской культуры, можно ли было думать о парѣ такихъ безсильныхъ и разлагающихся національностей, какъ австрійскіе славяне, которые, впрочемъ, при этомъ также были спасены? Такъ дѣло обстояло по отношенію къ внѣшнему врагу, такъ оно и обстояло внутри страны. Движущій впередъ классъ, носитель историческаго движенія, буржуазія, была повсюду нѣмецкой или мадьярской. Промышленная сила—капиталъ былъ въ рукахъ нѣмцевъ или мадьяръ, развивалось нѣмецкое образованіе, и также въ духовномъ отношеніи славяне находились подъ руководствомъ сначала нѣмцевъ, а потомъ мадьяръ. Въ австрійскомъ государствѣ нѣмцы и мадьяры были революціонны, ибо они были носителями культуры и цивилизаціи. По отношенію къ нимъ славяне замкнулись въ панславизмѣ, который возникъ не въ Польшѣ и не въ Россіи, а въ Прагѣ и Аграмѣ и который въ качествѣ сознательнаго противовѣса революціоннымъ нѣмцамъ и мадьярамъ съ самаго начала былъ реакціоненъ.

„Новая Рейнская Газета“ сравнивала мадьярскую освободительную войну съ борьбой революціонной Франціи противъ реакціонной Европы. „На сторонѣ реакціи огромное численное превосходство. Вся Австрія, впереди всѣхъ 16 милліоновъ фанатизированныхъ славянъ, противъ 4 милліоновъ мадьяръ. Массовое возстаніе, національная фабрикація оружія, ассигнаціи, быстрая расправа со всякимъ мѣшающимъ революціонному движенію, безпрерывная революція, словомъ, всѣ главныя черты славнаго 1793 года мы снова находимъ въ Венгріи, вооруженной, организованной и приведенной въ состояніе энтузіазма Кошутомъ“. Въ противоположность Венгріи рисуется роковая реакціонность панславизма. „Прямая цѣль панславизма есть

созданіе славянскаго царства отъ Рудныхъ горъ и Карпатовъ до Чернаго, Эгейскаго и Адріатическаго морей подъ русскимъ владычествомъ,—царства, которое должно обнять, помимо нѣмецкаго, итальянскаго, мадьярскаго, валахійскаго, турецкаго, греческаго и албанскаго языковъ, еще съ дюжину славянскихъ языковъ и діалектовъ. Цѣлость такого царства должны сохранить не тѣ, конечно, элементы, которые до сихъ поръ спаивали и развивали Австрію, а только абстрактное свойство славянства и такъ называемый славянскій языкъ, яко бы общій для большинства жителей. Но гдѣ же существуетъ это славянство, кромѣ какъ въ головахъ нѣкоторыхъ идеологовъ, гдѣ существуетъ „славянскій языкъ", кромѣ какъ въ фантазіи господъ Паласкаго, Гая и присныхъ, да еще до извѣстной степени въ древнеславянскомъ нарѣчіи русской церкви, котораго никто не понимаетъ? Въ дѣйствительности всѣ эти народы стоятъ на различныхъ ступеняхъ цивилизаціи, начиная съ современной промышленности и культуры Богеміи, достигшихъ (благодаря вліянію нѣмцевъ) высокой степени развитія, до почти кочевого варварства кроатовъ и болгаръ; въ дѣйствительности всѣ эти народы имѣютъ различные интересы. Въ дѣйствительности славянскій языкъ этихъ десяти или двѣнадцати націй состоитъ изъ такого же числа діалектовъ, которые различны по своему происхожденію (чешскій, иллирійскій, сербо-болгарскій) и вслѣдствіе совершеннаго отсутствія литературы стали жаргонами; къ тому же они за немногими исключеніями пользуются для письма какимъ-нибудь чужимъ неславянскимъ языкомъ". Изъ этого, именно, „Новая Рейнская Газета" сдѣлала выводъ, что панславистское единство есть либо пустая фантазія, либо господство русскаго кнута.

Подробнѣе газета останавливалась на демократической разновидности панславизма, которая выступала на славянскомъ съѣздѣ въ Прагѣ въ іюнѣ 1848 года

и защищалась Бакунинымъ въ манифестѣ къ славянамъ. Газета находитъ вполнѣ извинительнымъ политическій романтизмъ и сентиментальность демократовъ славянскаго конгресса. „За исключеніемъ поляковъ—по весьма осязательнымъ мотивамъ поляки не панслависты—они принадлежатъ къ тѣмъ народностямъ, которыя либо благодаря всему своему историческому положенію должны быть настроены контръ-революціонно, какъ южные славяне, либо еще очень далеки отъ революціи и поэтому пока что контръ-революціонны, какъ русскіе. Эти фракціи, демократическія, благодаря своему пріобрѣтенному за границей образованію, пытаются согласовать свои демократическія, идеи съ національнымъ чувствомъ, которое, какъ извѣстно, очень развито у славянъ: „Но такъ какъ положительный міръ, дѣйствительныя условія ихъ страны не представляли никакихъ точекъ опоры для такого примиренія, то имъ ничего другого не оставалось, кромѣ „воздушнаго царства видѣній“, царства благихъ пожеланій, политики фантазіи. Какъ славно было бы, если бы кроаты, пандуры и казаки образовали передовой отрядъ европейской демократіи, если бы посланникъ сибирской республики представилъ свои довѣрительныя грамоты въ Парижѣ! Спора нѣтъ, перспективы очень отрадныя, но чтобы европейская демократія ждала до ихъ осуществленія, этого, надо полагать, не потребуетъ и самый горячій панславистъ; а пока что мы видимъ, что тѣ, именно, націи, для которыхъ манифестъ требуетъ особой независимости, суть особые враги демократіи. Повторяемъ: кромѣ поляковъ, русскихъ и въ лучшемъ случаѣ турецкихъ славянъ, ни одинъ славянскій народъ не имѣетъ будущности, по той простой причинѣ, что у всѣхъ другихъ славянъ отсутствуютъ элементарныя историческія, географическія, политическія и промышленныя условія самостоятельности и жизнеспособности“.

„Новая Рейнская Газета“ обосновывала этотъ

взглядъ подробными историческими доводами. Она подчеркнула тотъ фактъ, что славяне нигдѣ не принимали серьезнаго участія въ революціонномъ движеніи 1848 года. „Одна смѣлая, демократическая революціонная попытка, даже будучи подавленной, стираетъ въ памяти народовъ цѣлые вѣка безчестія и трусости, мигомъ реабилитируетъ даже глубоко презираемую націю. Но въ то время какъ французы, нѣмцы, итальянцы, поляки, мадьяры водрузили знамя революціи, славяне, какъ одинъ человѣкъ, выступили подъ знаменемъ контръ-революціи. Впереди всѣхъ южные славяне, которые уже въ продолженіе долгихъ лѣтъ отстаивали свои контръ-революціонныя вожделѣнія противъ мадьяръ, за ними чехи, а затѣмъ стоятъ въ полномъ вооруженіи, готовые въ рѣшительный моментъ появиться на полѣ битвы, русскіе“.

Эти статьи газета заключаетъ слѣдующими словами: „Мы теперь знаемъ, гдѣ сосредоточены силы враговъ революціи: въ Россіи и въ австрійскихъ славянскихъ земляхъ и никакія фразы, никакія ссылки на неопредѣленную демократическую будущность этихъ странъ не могутъ удержать насъ отъ того, чтобы относиться къ врагамъ, какъ къ врагамъ. И если Бакунинъ восклицаетъ: „Славянинъ ничего не долженъ терять, а только пріобрѣтать! Да, онъ долженъ жить! И мы будемъ жить! До тѣхъ поръ, пока оспариваютъ у насъ даже самую незначительную часть нашихъ правъ, пока хоть одинъ членъ нашего общаго тѣла оторванъ, до тѣхъ поръ мы будемъ бороться неумолимо на жизнь и смерть и, наконецъ, добьемся того, что славянство будетъ велико и свободно и независимо“—если революціонный панславизмъ, дѣйствительно, думаетъ такъ, какъ изложено въ этомъ мѣстѣ, и тамъ гдѣ рѣчь идетъ о фантастически славянской національности, совершенно пренебрегаетъ интересами революціи, то мы знаемъ, что намъ слѣдуетъ дѣлать. Если это такъ, то у насъ будетъ „неумолимая борьба

на жизнь и смерть“ со славянствомъ, предающимъ дѣло революціи, борьба уничтожающая, безпощадный терроризмъ—не въ интересахъ Германіи, а въ интересахъ революціи“. Ссылаясь на эти строки, какой-то профессоръ-карьеристъ написалъ доносъ, что „Новая Рейнская Газета“ требуетъ истребленія русскаго, чешскаго и кроатскаго народовъ.

Въ шлезвигъ-голштинскомъ спорѣ газета высказалась за энергичное веденіе войны съ Даніей, не обнаруживая при этомъ никакого родства съ буржуазнымъ пивнымъ энтузіазмомъ за „моремъ объятую Шлезвигъ-Голштинію“. „Новая Рейнская Газета“ исходила изъ того взгляда, что право Германіи противъ Даніи есть право цивилизаціи противъ варварства, право прогресса противъ застоя. Даже если признать, что смыслъ договора говоритъ въ пользу Даніи, что весьма сомнительно, это право имѣетъ большее значеніе, чѣмъ всѣ договоры, ибо это есть право историческаго развитія. „Датскій народъ находится въ неограниченной торговой, промышленной, политической и литературной зависимости отъ Германіи. Какъ извѣстно, фактическая столица Даніи не Копенгагенъ, а Гамбургъ. Данія получаетъ всѣ свои литературныя средства, равно какъ свои матеріальные продукты потребленія изъ Германіи и черезъ Германію, и датская литература — за исключеніемъ Гольберга — есть только слабый отголосокъ нѣмецкой. При всемъ исконномъ безсиліи Германіи она имѣетъ то удовлетвореніе, что скандинавскіе народы, и особенно Данія, попали подъ ея покровительство, что по отношенію къ этимъ народностямъ она все еще прогрессивна и революціонна“. Скандинавизмъ есть, по мнѣнію газеты, форма, подъ которой датчане взываютъ къ поддержкѣ Норвегіи и Швеціи противъ Германіи. „Скандинавизмъ состоитъ въ воодушевленіи грубой, грязной, пиратствующей старо-сѣверной національностью той глубокой внутренней жизнью, которая не можетъ выразить своихъ при-

чудливыхъ мыслей и чувствъ въ словахъ, а только въ дѣлахъ, т. е. въ грубомъ обращеніи съ женщинами, въ постоянномъ пьянствѣ и въ дикой свирѣпости, перемежающейся съ слезливой сентиментальностью". Войну Германіи противъ Даніи газета считаетъ настоящей революціонной войной, и тѣмъ хуже для Германіи, если ея первая революціонная война принимаетъ такую комичную форму, какой не принимала ни одна война на свѣтѣ!

Съ самаго начала на сторонѣ Даніи стояли контръ-революціонныя державы Европы: Россія, Англія и прусское правительство. Эти три державы больше всего боятся германской революціи и ея слѣдствія, германскаго единства. „Пруссія—потому, что при объединеніи Германіи она перестаетъ существовать, Англія—потому, что вслѣдствіе этого она потеряетъ германскій рынокъ, Россія же—потому, что, благодаря германской революціи, демократія придвинется не только до береговъ Вислы, но и до береговъ Двины и Днѣпра. Пруссія, Англія и Россія составили заговоръ противъ Шлезвигъ-Голштиніи, противъ Германіи и противъ революціи". Во время перемирія, заключеннаго при Мальмэ, „Новая Рейнская Газета" требовала отъ Франкфуртскаго собранія рѣшенія въ пользу войны. „Именно, такая война необходима въ интересахъ задремавшаго германскаго движенія, война противъ трехъ великихъ державъ контръ-революціи, — война, которая, дѣйствительно, растворитъ Пруссію въ Германіи, которая, сдѣлаетъ союзъ съ Польшей неизбѣжной потребностью, которая быстро приведетъ къ освобожденію Италіи, которая направлена противъ старыхъ контръ-революціонныхъ союзниковъ отъ 1792 до 1815 гг.,—война, которая приводитъ „отечество въ опасность" и тѣмъ самымъ его спасаетъ, поставивъ побѣду Германіи въ зависимость отъ побѣды демократіи". Газета нисколько не скрываетъ, что этой войной германское національное собраніе поставитъ на карту свое существованіе.

„Пусть засѣдающіе во Франкфуртѣ буржуа и юнкера не предаются никакимъ иллюзіямъ: вынося рѣшеніе противъ перемирія, они рѣшаютъ свое собственное паденіе, точно такъ же какъ жирондисты при первой революціи, голосовавшіе 10 августа за смерть бывшаго короля и тѣмъ подготовившіе свое собственное паденіе 31 мая. Но, если они признаютъ перемиріе, они также рѣшаютъ свое собственное паденіе, такъ какъ они въ такомъ случаѣ попадаютъ подъ опеку Пруссіи и имъ дольше не о чемъ разсуждать. Имъ остается выбирать одно изъ двухъ! Мы увидимъ, на какое рѣшеніе падетъ ихъ выборъ. Но мы повторяемъ: честь Германіи находится въ плохихъ рукахъ". Она, дѣйствительно, была въ плохихъ рукахъ.

„Новая Рейнская Газета" предвидѣла, что парижская іюньская бойня, кровавое усмиреніе французскаго пролетаріата посредствомъ французской буржуазіи, означаетъ порабощеніе вновь тѣхъ національностей, которыя своей геройской борьбой за освобожденіе отозвались на крикъ галльскаго пѣтуха; съ другой стороны, это событіе означаетъ пораженіе среднихъ классовъ въ тѣхъ европейскихъ странахъ, гдѣ эти классы, на минуту слившись съ народомъ, отвѣтили на крикъ галльскаго пѣтуха кровавымъ возстаніемъ противъ феодализма. Къ концу 1848 года газета писала: „Въ настоящій моментъ царь вездѣсущъ въ Европѣ". Хотя Венгрія къ тому времени еще не была покорена, но „Новая Рейнская Газета" знала, что европейская революція идетъ не съ востока на западъ, а съ запада на востокъ. Какія бы побѣды ни выпали на долю венгерской революціи, газета утверждала, что и это возстаніе будетъ подавлено, если оно не найдетъ поддержки въ революціонномъ возстаніи во Франціи. Въ своей статьѣ къ новому 1849 году она отмѣтила одинъ только лозунгъ европейскаго освобожденія: паденіе французской буржуазіи, торжество французскаго рабочаго класса, освобожденіе рабочаго класса, вообще.

Газета ни на одну минуту не забывала, какое положеніе занимаетъ въ революціонной борьбѣ Англія, слывущая по вульгарному пониманію „оплотомъ свободы“. „Страна, которая превращаетъ цѣлые народы въ своихъ пролетаріевъ, которая своими гигантскими щупальцами охватила цѣлый міръ, которая своими деньгами уже разъ оплатила издержки европейской реставраціи, страна, въ которой классовыя противорѣчія доведены до самой выразительной, самой безстыдной формы, — Англія и есть та скала, о которую разбиваются революціонныя волны, она измором беретъ новое общество еще въ утробѣ матери. Англія господствуетъ надъ міровымъ рынкомъ. Переворотъ въ экономическихъ отношеніяхъ въ любой странѣ европейскаго континента, даже на всемъ европейскомъ континентѣ, безъ Англіи, есть буря въ стаканѣ воды“. Если, съ одной стороны, вѣрно то, что освобожденіе Европы, безразлично въ видѣ ли достиженія угнетенными національностями своей независимости или въ видѣ паденія феодальнаго абсолютизма, обусловлено побѣдоноснымъ возстаніемъ французскаго рабочаго класса, то, съ другой стороны, не менѣе вѣрно и то, что всякій французскій соціальный переворотъ встрѣтитъ непреодолимое препятствіе въ промышленномъ и моральномъ міровомъ владычествѣ Великобританіи.

Но первымъ слѣдствіемъ побѣдоносной рабочей революціи во Франціи будетъ міровая война. „И старая Англія найдетъ свое паденіе только въ міровой войнѣ, которая дастъ партіи чартистовъ, организованной англійской рабочей партіи, условія успѣшной борьбы противъ ея гигантскихъ угнетателей. Чартисты во главѣ англійскаго правительства — только съ этого момента соціальная революція изъ царства утопіи вступаетъ въ царство дѣйствительности“. Революціонное возстаніе французскаго рабочаго класса, міровая война—таково должно было быть, по мнѣнію „Новой Рейнской Газеты“ содержаніе 1849 года.

Она преувеличивала силы, которыя еще остались во французскомъ пролетаріатѣ послѣ іюньскаго кровопусканія. Лишь спустя много лѣтъ французскій пролетаріатъ былъ въ силахъ снова поднять знамя возстанія. Но тѣмъ вѣрнѣе обнаружилось, что европейское освобожденіе пока невозможно. Русскій медвѣдь разбилъ своими крѣпкими лапами венгерскую революцію, и царь былъ вездѣсущъ въ Европѣ.

3. Рейнская агитація.

Сентябрьскіе кризисы во Франкфуртѣ и въ Берлинѣ, признаніе мальмэскаго перемирія Франкфуртскимъ Собраніемъ и паденіе министерства Ганземанна въ Берлинѣ—привели также къ катастрофѣ въ Кельнѣ.

Поведеніе рейнскихъ земель, какъ кошмаръ, душило берлинскую контръ-революцію. Еще до мартовскихъ дней правительство наводнило западныя провинціи войсками, которыя большей частью навербовались изъ восточныхъ частей страны. Въ Рейнской провинціи съ ея пятью крѣпостями, въ Вестфаліи, Майнцѣ и Люксембургѣ была собрана почти третья часть прусской арміи, четырнадцать (изъ общаго числа сорока пяти) полковъ пѣхоты и соотвѣтственныя массы кавалеріи и артиллеріи. Эти войска расположились большимъ кругомъ отъ Кельна и Бонна черезъ Кобленцъ и Триръ до французской и люксембургской границы. При этомъ обращалось особенное вниманіе на Кельнъ. Въ іюнѣ были вооружены форты, войска переведены изъ города въ форты и снабжены патронами и хлѣбомъ на восемь дней. Чѣмъ усерднѣе велись эти вооруженія, тѣмъ болѣе казалось страннымъ, что повсюду остаются нетронутыми деревья гласиса, что было бы безсмысленно, если бы укрѣпленія предпринимались въ виду внѣшняго непріятеля. Но если всѣ эти приготовленія относились къ городу, то деревья сдѣлали, конечно, безполезными пушки городского вала, направленныя противъ фортовъ, но зато фортамъ

ничто не мѣшало бросать бомбы и гранаты черезъ деревья въ городъ.

По поводу этихъ удивительныхъ приготовленій д'Эстеръ сдѣлалъ 28 іюня запросъ у министерства Ганземанна въ Берлинскомъ собраніи. На этотъ запросъ онъ получилъ отъ военнаго министра Рота фонъ Шрекенштейна хитрый отвѣтъ, что всѣ пограничныя крѣпости должны быть укрѣплены для того, чтобы защищать отечество отъ опасности, а какъ это сдѣлать, — это знаетъ военное вѣдомство. Грубая ложь тотчасъ же была вскрыта однимъ силезскимъ депутатомъ изъ лѣвой фракціи, указавшимъ на то, что Нейссе, самая крупная крѣпость Силезіи къ востоку и большой складъ оружія съ ружейными фабриками, литейными заводами, артиллерійскими мастерскими и однимъ изъ имѣющихся двухъ государственныхъ пороховыхъ заводовъ, совершенно безсильна сопротивляться вражескому нападенію; эта пограничная крѣпость имѣетъ только 6 орудій, у артиллеріи не хватаетъ 1,150, а у понтонныхъ частей 240 лошадей и т. д. Этого не могло оспаривать и министерство; его предсѣдатель Ауэрсвальдъ призналъ даже этотъ фактъ, прибавивъ къ тому свою патріотическую жалобу, что раскрытіемъ такихъ деталей можно повредить интересамъ страны.

Когда правительство оставляло незащищенными восточныя границы, несмотря на достовѣрную и нескрываемую угрозу войны со стороны царя, а, съ другой стороны, чрезмѣрно вооружало западныя границы, несмотря на достовѣрныя и нескрываемыя мирныя намѣренія французской буржуазіи, то „Новая Рейнская Газета" сумѣла пояснить и вѣрно истолковать эту правительственную любовь къ родинѣ, и ея поясненія оказались особенно правильными въ виду безпрестанныхъ попытокъ со стороны полицейскихъ и судебныхъ властей раздражать демократическую оппозицію. Она не уставала предостерегать рейнскихъ рабочихъ отъ всякаго бунта, который по тогдашнему положенію вещей

могъ бы оказаться весьма роковымъ для нихъ же. Но это благоразуміе не исключало смѣлости, а наоборотъ, включало ее. Рейнская провинція, придавленная военной силой, не могла, конечно, собственными силами опрокинуть контръ-революцію, и поэтому она должна была тщательно собирать и щадить свои силы до того дня, когда изъ полуреволюціи выраститъ цѣлая революція. Настойчиво предостерегая отъ всякаго безнадежнаго бунта, „Новая Рейнская Газета“ тѣмъ энергичнѣе вела революціонную пропаганду.

Кельнская демократія была организована въ трехъ большихъ союзахъ, изъ которыхъ каждый насчитывалъ нѣсколько тысячъ членовъ; то были Демократическое Общество, находившееся подъ руководствомъ Маркса и адвоката Шнейдера, Рабочій Союзъ, во главѣ котораго стояли Молль и Шапперъ, и Ферейнъ для работодателей и рабочихъ, которымъ руководилъ Германъ Бекеръ. Когда на демократическомъ конгрессѣ во Франкфуртѣ на Майнѣ Кельнъ былъ выбранъ главнымъ городомъ для Рейнской провинціи и Вестфаліи, эти три союза образовали Центральный Комитетъ, состоявшій изъ названныхъ лицъ и созвавшій къ серединѣ августа въ Кельнѣ конгрессъ рейнскихъ и вестфальскихъ ферейновъ съ демократической тенденціей. Въ этомъ конгрессѣ принимали участіе 17 ферейновъ, представленныхъ 40 делегатами. Онъ утвердилъ Центральный Комитетъ этихъ трехъ кельнскихъ союзовъ въ качествѣ окружнаго комитета для Рейнской провинціи и Вестфаліи; въ общемъ же, конгрессъ этотъ занимался только внѣшними организаціонными вопросами. Предсѣдателями его были адвокатъ Шнейдеръ и профессоръ Кинкель, который вмѣстѣ со студентомъ Шурцомъ представлялъ боннскій демократическій ферейнъ. Секретарями были: адвокатъ Шили изъ Трира и учитель Имандтъ изъ Крефельда, приверженцы Маркса, оставшіеся ему вѣрными во всѣ времена. Кромѣ „Новой Рейнской Газеты“, въ Кельнѣ еще выходили слѣ-

дующіе органы рейнской демократіи: „Новая Кельнская Газета“, „Стражъ на Рейнѣ“ и два раза въ недѣлю „Газета Рабочаго Союза“. Свобода союзовъ и печати использовалась рейнской демократіей до послѣдней капли.

Она имѣла также много своихъ членовъ въ гражданской милиціи, но не имѣла въ ней большинства, чѣмъ и объясняется избраніе въ коменданты регирунгс-президента фонъ Виттгенштейна. Во время одного безчинства военныхъ обнаружилась ненадежность Виттгенштейна, и демократическимъ ротамъ удалось добиться его увольненія и также удаленія провинившагося полка изъ города. Кромѣ того, большое народное собраніе на Франконской площади рѣшило выбрать комитетъ безопасности, „какъ представительство населенія Кельна, не представленнаго въ существующихъ законныхъ учрежденіяхъ“. Въ то же время это собраніе, по предложенію Энгельса, отправило адресъ Берлинскому собранію съ призывомъ отстаивать свои мѣста даже противъ силы штыка. На еще болѣе многолюдномъ народномъ собраніи въ 8—10 тысячъ человѣкъ, состоявшемся 17 сентября въ Виррингенѣ на лугу на берегу Рейна, эти рѣшенія были одобрены, при чемъ собраніе высказалось за демократически-соціальную, за красную республику. Кромѣ Энгельса, Шаппера и Вильгельма Вольфа, на этомъ собраніи говорили молодой Фердинандъ Лассаль изъ Дюссельдорфа и Генри Брисбанъ, корреспондентъ демократически-соціалистической „Нью-Іоркской Трибуны“.

Критическіе сентябрьскіе дни, имѣвшіе столь рѣшающее значеніе для германской революціи, прошли почти безслѣдно во Франкфуртѣ и въ Берлинѣ. У Франкфуртскаго парламента не хватало духу на революцію, а у министерства Пфуэля не хватало духу на контръреволюцію. Но кельнскія власти принялись съ особымъ усердіемъ за свою старую работу, провоцировать рейнскихъ рабочихъ къ бунту. По совершенно

вымышленнымъ и впослѣдствіи ими самими объявленнымъ неосновательными поводамъ они привлекли къ судебной и административной отвѣтственности членовъ демократическаго окружнаго комитета и редакторовъ „Новой Рейнской Газеты". Вожди рейнской демократіи не переставали убѣждать рабочихъ не поддаваться на эти провокаціи. Въ такой моментъ, когда нѣтъ налицо великихъ вопросовъ, которые бы толкали все населеніе на борьбу, всякій бунтъ обреченъ на неудачу и потому онъ безцѣленъ; между тѣмъ, въ самомъ недалекомъ будущемъ могутъ наступить событія огромной важности, а отдѣльныя вспышки сдѣлаютъ рабочихъ неспособными къ борьбѣ какъ разъ наканунѣ рѣшительнаго дня. Если министерство въ Берлинѣ выступитъ съ контръ-революціей, тогда для народа наступитъ моментъ, когда онъ долженъ будетъ отвѣтить на это революціей. Но, несмотря на всѣ увѣщеванія, когда отданъ былъ приказъ объ арестѣ Бекера, Шаппера, Вильгельма Вольфа и Молля, произошли безпорядки. Беккеръ и Шапперъ были схвачены, Вольфъ скрылся, а Молль былъ освобожденъ народомъ. Президентъ полиціи отдалъ приказъ гражданской миліціи арестовать Молля и разогнать народное собраніе, которое было созвано къ полудню на Старомъ Базарѣ. Гражданская милиція не пожелала выполнить ни того, ни другого; она выстроилась на Старомъ Базарѣ, но заявила, что она пришла защищать народъ. Народное собраніе, на которомъ говорилъ Молль и Вольфъ былъ предсѣдателемъ, прошло безпрепятственно. Кромѣ драки съ однимъ полицейскимъ чиновникомъ, никакихъ такъ называемыхъ или дѣйствительныхъ эксцессовъ не произошло. Однако, когда собраніе уже должно было разойтись, разнесся слухъ, что подступаютъ войска. Начали строить баррикады, а гражданская милиція, болѣе озабоченная своимъ собственнымъ благополучіемъ, чѣмъ защитой народныхъ правъ, поспѣшила убраться.

Слухъ о приближеніи солдатъ оказался ложной тревогой. Даже баррикады остались нетронутыми. На большинствѣ изъ нихъ всю ночь безпрепятственно развѣвалось красное знамя. Ихъ защитники также ушли, когда они убѣдились, что не ожидается никакого нападенія; къ тому же выяснилось, что изъ Берлина не прибыли никакія рѣшительныя извѣстія. Была еще попытка со стороны солдатъ поймать Молля, но она кончилась неудачей, такъ какъ онъ убѣжалъ за границу.

Когда, такимъ образомъ, само собой возстановилось спокойствіе, комендантъ набрался храбрости и объявилъ крѣпость на осадномъ положеніи. Онъ это сдѣлалъ на основаніи какой-то домартовской инструкціи для крѣпостныхъ комендантовъ. Свобода союзовъ была отмѣнена, „Новая Рейнская Газета" и другія три демократическія газеты были пріостановлены, милиція распущена, и военный судъ грозилъ каждому за открытое насильственное сопротивленіе законнымъ предписаніямъ властей. Буржуазные элементы гражданской милиціи съ радостью воспользовались этимъ случаемъ, чтобы выдать оружіе властямъ, а для другихъ сопротивленіе оказалось совершенно безполезнымъ, и они также подчинились. Впрочемъ, эта беззаконная мѣра была черезъ восемь дней отмѣнена. Она вызвала въ Берлинскомъ собраніи горячіе дебаты, а Пфуэль изъ весьма вѣскихъ соображеній счелъ нужнымъ отречься отъ нея.

„Новая Рейнская Газета" сильно пострадала отъ этого насилія. Чтобы избѣжать ареста, большинство ея редакторовъ покинуло Кельнъ. Дронке и Энгельсъ перешли бельгійскую границу, Вольфъ отправился въ Пфальцъ. Разгромленная редакція только постепенно собиралась вновь. Къ тому же финансы газеты, которые никогда не были блестящими, совершенно разстроились. Однако, всѣ эти трудности удалось преодолѣть, и 12 октября снова вышла газета съ извѣщеніемъ, что финансовыя затрудненія улажены и что редакціонный

составъ остается прежній съ прибавленіемъ только еще одного новаго члена, Фердинанда Фрейлиграта.

Газета появилась своевременно, чтобы отозваться на вѣнскую революцію въ ея геройскихъ битвахъ и въ ея трагическомъ пораженіи. На эти событія газета реагировала не сентиментальными жалобами, какъ ораторы парламентской лѣвой, не безплоднымъ выраженіемъ своихъ симпатій, не взываніемъ о помощи къ безпомощному имперскому правителю, а страстными воззваніями къ народу, чтобы онъ проснулся отъ своей летаргіи и оказалъ борющимся вѣнцамъ ту единственную помощь, которую онъ еще можетъ имъ оказать, а именно: разбить контръ-революцію у себя дома. Эту идею Маркса Фрейлигратъ передалъ въ своемъ безподобномъ поэтическомъ обращеніи къ Вѣнѣ въ слѣдующихъ словахъ:

Räum auf im eignen Hause! Räum auf und halte Stich —
Den Jellachich zu jagen, wirf deinen Jellachich!
Ein dreister Schlag im Norden ist auch im Süd ein Schlag;
Mach' fallen unser Olmütz und Olmütz rasselt nach [1].

Вѣна пала, и „Новая Рейнская Газета" написала слѣдующій эпилогъ вѣнской революціи: „Въ Вѣнѣ разыгрался теперь второй актъ драмы, первый актъ которой былъ поставленъ въ Парижѣ подъ названіемъ: іюньскіе дни. Въ Парижѣ подвижная гвардія въ Вѣнѣ кроаты, — тутъ и тамъ — вооруженные и подкупные босяки были выдвинуты противъ трудящагося и мыслящаго пролетаріата. Въ Берлинѣ намъ предстоитъ въ скоромъ времени пережить третій актъ драмы". Когда писались эти строки, на исторической сценѣ уже поднимался занавѣсъ и уже началась постановка третьяго акта!

Разсуждая послѣдовательно, газета еще до ея закрытія старалась выяснить настоящій смыслъ безпрестанныхъ фарисейскихъ жалобъ о томъ, что Берлин-

[1] Произведи чистку у себя дома. Чтобы прогнать Елачича, надо тебѣ покончить со своимъ Елачичемъ. Смѣлый ударъ на сѣверѣ отзовется ударомъ и на югѣ. Нашъ Ольмюцъ пусть только падетъ, и Ольмюцъ послѣдуетъ за нимъ.

скому собранію будто бы угрожаетъ опасность со стороны возбужденныхъ массъ. „Право демократическихъ народныхъ массъ своимъ присутствіемъ произвести моральное воздѣйствіе на поведеніе учредительнаго собранія, это право есть старое революціонное право народа, которое со временъ англійской и французской революцій постоянно проявляется въ бурное время. Этому праву исторія обязана почти всѣми энергичными шагами такихъ учредительныхъ собраній. Если же на это плачутся обитатели „почвы закона", боязливые и филистерскіе друзья „свободы обсужденія", то это вытекаетъ только изъ одной причины, изъ того, что они, вообще, не хотятъ принять энергичныя рѣшенія" Нѣтъ болѣе пустой фразы, чѣмъ разглагольствованіе о свободѣ обсужденія. „Урѣзывается „свобода обсужденія", съ одной стороны, свободой печати, свободой собраній и слова, правомъ вооруженія народа. Съ другой стороны, она стѣснена существующей общественной властью, находящейся въ рукахъ короны и ея министровъ: арміей, полиціей, такъ называемыми независимыми судьями, въ дѣйствительности вполнѣ зависимыми отъ каждаго поощренія и отъ каждой политической перемѣны. Свобода обсужденія во всякое время есть только фраза, которая означаетъ независимость отъ всѣхъ вліяній, не признанныхъ закономъ. Признанныя же закономъ вліянія, подкупъ, поощреніе, частные интересы, боязнь передъ роспускомъ палаты и т. д., именно, все это дѣлаетъ обсужденіе „свободнымъ". Но въ революціонное время эта фраза — совершенная безсмыслица. Когда двѣ силы, двѣ партіи стоятъ другъ противъ друга во всеоружіи, когда каждую минуту готова разгорѣться борьба, тогда передъ депутатами слѣдующая альтернатива: или они ставятъ себя подъ охрану народа и отъ времени до времени имъ приходится выслушать отъ народа то или другое наставленіе; или же они ставятъ себя подъ охрану короны, удаляются въ какой-нибудь маленькій городъ, ведутъ свои пренія подъ

охраной штыковъ и пушекъ а то и подъ защитой осаднаго положенія, — и тогда они не должны пенять, когда корона и штыкъ имъ диктуютъ свои рѣшенія. Устрашеніе посредствомъ безоружнаго народа или устрашеніе посредствомъ вооруженныхъ солдатъ — между этими двумя устрашеніями пусть выбираетъ собраніе!“ Снова и снова пробовала „Новая Рейнская Газета“ укрѣпить хребетъ собранія, но это „ноющее, умничающее, неспособное на рѣшительные шаги“ собраніе не поддавалось никакимъ увѣщеваніямъ къ достойному поведенію. Оно не хотѣло поставить себя подъ охрану штыковъ, но оно еще менѣе хотѣло поставить себя подъ охрану народа.

Излишне сказать, что рейнская демократія исполнила свой долгъ во время ноябрьскаго кризиса. Теперь, именно, наступилъ тотъ рѣшительный моментъ, когда на контръ-революцію нужно было отвѣтить только второй революціей, и „Новая Рейнская Газета“ каждый день призывала массы противоставить насилію всякаго рода силу. Пассивное сопротивленіе, по ея мнѣнію, должно имѣть своимъ подспорьемъ активное сопротивленіе, въ противномъ случаѣ оно похоже на барахтанье теленка въ рукахъ мясника. Газета безпощадно разбила всѣ юридическія крючкотворства теоріи соглашенія, за которыми скрывалась только трусость буржуазіи. „Прусская корона права, когда выступаетъ передъ собраніемъ, какъ суверенная корона; но собраніе не право, когда оно не выступаетъ передъ короной, какъ суверенное собраніе... Прусская бюрократія не хочетъ опуститься до роли прислужницы буржуазіи, бывъ до сихъ поръ ея деспотической наставницей. Феодальная партія не хочетъ принести въ жертву свои привилегіи и свои интересы на алтарь бюргерства. И, наконецъ, корона—она видитъ въ элементахъ стараго феодальнаго общества, изъ котораго она выросла, свою настоящую родную почву, а въ буржуазіи она видитъ чужую искусственную землю, которая можетъ принять

ее подъ условіемъ ея увяданія. Плѣнительную „милость Божью" буржуазія превращаетъ въ трезвенный правовой титулъ, господство крови въ господство бумаги, королевское солнце въ мѣщанскую лампу. Королевская власть не дала себя одурачить буржуазіи. На полуреволюцію послѣдней она отвѣтила полной контръ-революціей. Она отбросила буржуазію обратно въ объятья революціи, въ объятья народа, отдавъ ей повелѣніе: „Бранденбургъ (министръ) въ собраніи, и собраніе въ Бранденбургѣ (городъ)". Этотъ лозунгъ контръ-революціи „Новая Рейнская Газета" удачно перевела на простой языкъ: полицейскій участокъ въ собраніи и собраніе въ полицейскомъ участкѣ. Она надѣялась, что подъ этимъ паролемъ народъ побѣдитъ, она въ этомъ паролѣ вычитала надгробную надпись надъ домомъ Бранденбурговъ.

Когда же, наконецъ, Берлинское собраніе постановило отказъ въ уплатѣ податей, демократическій окружной комитетъ обратился съ воззваніемъ отъ 18 ноября, подписаннымъ Марксомъ, Шапперомъ и Шнейдеромъ, къ демократическимъ союзамъ, призывая ихъ озаботиться приведеніемъ въ исполненіе слѣдующихъ мѣръ: насильственному взысканію податей должно быть оказано всяческое сопротивленіе; организуется повсюду народное ополченіе для отраженія врага; несостоятельнымъ выдается оружіе и аммуниція на счетъ общины или на счетъ добровольныхъ пожертвованій; въ случаѣ отказа со стороны властей признать и привести въ исполненіе рѣшенія національнаго собранія, назначаются комитеты безопасности, гдѣ возможно съ согласія общинныхъ совѣтовъ; общинные совѣты, противящіеся законодательному собранію, возобновляются путемъ народнаго голосованія. Этимъ демократическій окружный комитетъ Рейнской провинціи сдѣлалъ то, что обязано было сдѣлать, повинуясь своему чувству долга, Берлинское національное собраніе, если бы оно, дѣйствительно, серьезно относилось къ своему

рѣшенію объ отказѣ уплаты податей. Подписавшіе воззваніе прекрасно знали, что окончательное рѣшеніе зависитъ отъ собранія, и что искра, которую они бросаютъ въ страну, должна погаснуть, если она не будетъ раздута и разнесена во всѣ стороны общимъ народнымъ возстаніемъ. Но они стояли на стражѣ революціонной чести Рейнской провинціи, и успѣхъ ихъ воззванія показалъ, сколь многаго можно было достигнуть, если бы собраніе сдѣлало такіе же шаги. Но послѣднее предпочитало забросить свое собственное оружіе, и военной силѣ удалось подавить сопротивленіе Рейнской провинціи.

Подписавшіе рейнское воззваніе были привлечены къ судебной отвѣтственности по обвиненію въ призывѣ къ вооруженному сопротивленію войску и гражданскимъ властямъ. 9 февраля 1849 года они предстали передъ судомъ присяжныхъ въ Кельнѣ. Они, понятно, не отрицали того, что подъ внутреннимъ врагомъ они разумѣли вооруженную силу правительства. Прокуроръ не постѣснялся ссылаться на законы 6 и 8 апрѣля, на тѣ самые законы, которые правительство уничтожило своимъ государственнымъ переворотомъ, самовластнымъ объявленіемъ конституціи и обнародованіемъ новаго избирательнаго закона. На основаніи этихъ апрѣльскихъ законовъ прокуроръ старался доказать беззаконность рѣшеній Берлинскаго собранія и виновность подсудимыхъ. Въ своей защитительной рѣчи Марксъ отвѣтилъ ему, что правительство не имѣетъ никакого основанія апеллировать къ тѣмъ законамъ, которые оно само такъ безстыдно попрало. Кто удачно проводитъ революцію, тотъ можетъ вѣшать своихъ враговъ, но не можетъ ихъ судить; онъ можетъ ихъ устранить, какъ побѣжденныхъ враговъ, но не можетъ ихъ судить, какъ преступниковъ. Только трусливое лицемѣріе подъ маской законовъ можетъ послѣ завершенія революціи или контръ-революціи использовать попранные законы противъ тѣхъ, которые

явились защитниками этихъ же законовъ. Кто былъ правъ, корона или собраніе—это вопросъ историческій, который можетъ быть разрѣшенъ только исторіей, но никакъ не судебной коллегіей.

Но Марксъ не ограничился этимъ; онъ заявилъ, что законы 6 и 8 апрѣля, вообще, не могутъ быть признаны законами. Они, по его мнѣнію, лишь произвольныя творенія соединеннаго ландтага, формы, выбранныя для того, чтобы избавить корону отъ признанія своего пораженія въ мартовскіе дни. Фраза о „правовой“ почвѣ вытекаетъ либо изъ сознательнаго обмана, либо изъ безсознательнаго самообмана. Соединенный ландтагъ былъ представителемъ стараго феодальнаго общества, и на основаніи изданныхъ имъ законовъ нельзя судить собранія, въ которомъ было представлено современное буржуазное общество. Это юридическая фантазія, будто общество покоится на законѣ. Наоборотъ, законъ покоится на обществѣ; онъ по необходимости долженъ быть выраженіемъ его общихъ интересовъ и потребностей, вытекающихъ изъ господствующаго въ данное время матеріальнаго способа производства, и защищать ихъ отъ произвола каждой отдѣльной личности. „Вотъ у меня въ рукахъ кодексъ Наполеона; не онъ создалъ современное буржуазное общество. Возникшее въ восемнадцатомъ столѣтіи, получившее дальнѣйшее развитіе въ девятнадцатомъ столѣтіи, буржуазное общество находитъ въ наполеоновскомъ кодексѣ только свое правовое выраженіе. Какъ только онъ перестаетъ соотвѣтствовать общественнымъ потребностямъ, онъ превращается въ связку бумагъ. Вы не можете положить въ основу новаго общества старые законы, и не эти старые законы создали старыя общественныя отношенія“. Отстаиваніе старыхъ законовъ противъ новыхъ требованій и потребностей общественнаго развитія, пресловутая „почва права“, есть, по словамъ Маркса, не что иное, какъ отстаиваніе, подъ видомъ святости, несвоевременныхъ

частныхъ интересовъ противъ своевременныхъ интересовъ всего общества.

Прокуроръ, конечно, не преминулъ воспользоваться и тѣми оговорками, которыми такіе господа, какъ Унру, защищали свои драгоцѣнныя тѣла отъ опасности, грозившей имъ при проведеніи отказа отъ уплаты податей. Онъ утверждалъ, что рѣшеніе Берлинскаго собранія объ отказѣ отъ уплаты податей, вообще, не можетъ считаться законнымъ и дѣйствительнымъ, такъ какъ не было произведено требуемаго наказомъ второго голосованія. На это Марксъ отвѣтилъ съ язвительной ироніей: „Съ одной стороны, не считаются съ самыми существенными формальностями, которыя обязательно соблюдать по отношенію къ національному собранію, а съ другой стороны—отъ національнаго собранія требуютъ соблюденія самыхъ ничтожныхъ формальностей. Правительство совершаетъ одно насиліе надъ другимъ. Оно беззастѣнчиво нарушаетъ самые важные законы. Оно по своему произволу вводитъ неограниченный военный деспотизмъ подъ фирмою осаднаго положенія. Оно разгоняетъ самихъ народныхъ представителей. И въ то время какъ одна сторона безстыдно нарушаетъ всякіе законы, отъ другой стороны требуютъ самаго тщательнаго соблюденія какого-то параграфа регламента". Не менѣе удачно Марксъ осмѣялъ старанія прокурора то порицать образъ дѣйствія Берлинскаго собранія, какъ противозаконный, то хвалить его, какъ согласный закону,—въ зависимости отъ того, какимъ изъ этихъ пріемовъ, по его мнѣнію, можно было вѣрнѣе заклеймить обвиняемыхъ, какъ преступниковъ.

Утвержденія прокурора, что собраніе отвергало всякій компромиссъ, Марксъ называетъ противорѣчащимъ истинѣ, вытекающимъ изъ намѣреннаго искаженія фактовъ или изъ незнанія. Исканіе компромиссовъ есть несчастіе и вина собранія, которое съ высоты революціоннаго конвента опустилось до уровня двусмысленнаго общества соглашателей. Оно не поняло

своего происхожденія изъ мартовской революціи. „Тутъ былъ не политическій конфликтъ двухъ фракцій на почвѣ одного общества, тутъ былъ конфликтъ между двумя обществами, соціальный конфликтъ, принявшій политическую форму; это была борьба стараго, феодально-бюрократическаго общества съ современнымъ буржуазнымъ обществомъ, борьба между обществомъ свободной конкурренціи и обществомъ цехового строя, между обществомъ землевладѣнія и обществомъ промышленности, между обществомъ вѣры и обществомъ знанія“. Между этими двумя обществами не можетъ быть, по мнѣнію Маркса, мира, ихъ матеріальные потребности и интересы обусловливаютъ борьбу на жизнь и на смерть. Отказъ отъ уплаты податей не потрясаетъ устоевъ общества, какъ въ комичной формѣ выразился прокуроръ,—онъ есть только средство самообороны общества противъ правительства, угрожающаго его устоямъ. Отказъ этотъ не создаетъ конфликта,—онъ только показываетъ, что конфликтъ существуетъ.

Ничего противозаконнаго не совершало собраніе своимъ рѣшеніемъ объ отказѣ отъ уплаты податей, но оно не дѣйствовало законно своимъ пассивнымъ сопротивленіемъ. „Когда взысканіе податей объявляется незаконнымъ, то развѣ я не долженъ силой отражать насильственное проведеніе беззаконія?“ Если господа, рѣшившіе отказать правительству въ налогахъ, отвергли революціонный путь, чтобы не подвергать опасности своихъ головъ, то народъ при приведеніи въ исполненіе этого рѣшенія долженъ былъ неминуемо стать на революціонную почву. Поведеніе національнаго собранія отнюдь не можетъ быть руководствомъ для народа. Національное собраніе не имѣетъ никакихъ правъ для себя, только народъ ему поручилъ установленіе и охраненіе его правъ. Если оно не выполняетъ этого порученія, оно прекращаетъ свое существованіе. Тогда народъ самолично выступаетъ на сцену и дѣйствуетъ собственной властью.

Когда корона дѣлаетъ контръ-революцію, народъ съ полнымъ правомъ отвѣчаетъ на это революціею. И для этого отвѣта онъ не нуждается въ санкціи національнаго собранія. Марксъ закончилъ свою рѣчь указаніемъ на то, что въ данный моментъ завершенъ лишь первый актъ драмы. Конечнымъ результатомъ можетъ быть одно изъ двухъ: либо полная побѣда контръ-революціи, либо новая побѣдоносная революція, и, пожалуй, побѣда революціи окажется возможной лишь послѣ вполнѣ завершенной контръ-революціи.

Рѣчь эта замѣчательна. Въ ней коммунистъ доказываетъ самымъ убѣдительнымъ образомъ передъ буржуазными присяжными, что онъ сидитъ на скамьѣ подсудимыхъ за то, что онъ въ борьбѣ феодальнаго общества съ буржуазнымъ сталъ на сторону буржуазіи, за то, что онъ сдѣлалъ то, что долженъ былъ сдѣлать по долгу и праву тотъ классъ, къ которому принадлежатъ его судьи. Присяжные не согласились играть роль прислужниковъ правительства. Они оправдали обвиняемыхъ и выразили черезъ своего старшину благодарность Марксу за его поучительную рѣчь.

Но чѣмъ больше задачъ, рѣшеніе которыхъ составляло историческую миссію буржуазіи, падало на плечи пролетаріата, тѣмъ яснѣе становилась необходимость крѣпче организовать рабочій классъ, рѣзче отдѣлять его отъ демократической партіи, которая была скорѣе дезорганизована, чѣмъ укрѣплена годомъ революціонной борьбы. 14-го апрѣля выступили изъ этой корпораціи Марксъ, Шапперъ, Беккеръ и Аннеке, послѣдній былъ редакторомъ „Новой Кельнской Газеты“, вмѣстѣ съ Моллемъ и Шапперомъ руководилъ Рабочимъ Союзомъ и былъ выбранъ на мѣсто Молля въ демократическій окружный комитетъ. Они заявили, что теперешняя организація демократическихъ ферейновъ включаетъ въ себя слишкомъ разнородные элементы, чтобы возможна была въ нихъ плодотворная дѣятельность; они того мнѣнія, что теперь слѣдуетъ предпо-

честь болѣе тѣсную организацію изъ рабочихъ союзовъ, состоящихъ изъ однородныхъ элементовъ. Въ то же время Кельнскій рабочій союзъ вышелъ изъ общаго союза рейнскихъ демократическихъ ферейновъ и созвалъ провинціальный конгрессъ изъ всѣхъ рабочихъ ферейновъ и другихъ обществъ, рѣшительно отстаивающихъ принципы соціальной демократіи. Конгрессъ этотъ имѣлъ состояться 6-го мая и долженъ былъ заниматься вопросомъ объ организаціи рейнскихъ и вестфальскихъ рабочихъ ферейновъ, равно какъ выборомъ делегатовъ для конгресса всѣхъ рабочихъ ферейновъ Германіи, созываемаго Братствомъ Рабочихъ на іюнь мѣсяцъ въ Лейпцигѣ.

Въ „Новой Рейнской Газетѣ“ Марксъ еще раньше доказывалъ политическое банкротство буржуазіи, подвергнувъ обстоятельному разбору событія въ Пруссіи отъ марта до ноября. Теперь же онъ для обоснованія новаго теченія напечаталъ свои лекціи о наемномъ трудѣ и капиталѣ, читанныя имъ въ брюссельскомъ рабочемъ ферейнѣ. Въ то же время Вильгельмъ Вольфъ опубликовалъ свои огненныя статьи о силезскомъ милліардѣ, производившія глубокое впечатлѣніе на остъ-эльбскій сельскій пролетаріатъ.

Были налицо многообѣщающія зачатки объединенія революціоннаго рабочаго движенія Германія для одного общаго принципіально яснаго дѣйствія. Но, прежде чѣмъ эти зачатки могли развиться, они были задавлены въ предсмертныхъ судоргахъ буржуазной революціи.

4. Историческое положеніе.

Энгельсъ говоритъ о редакціи „Новой Рейнской Газеты“, что ея уставъ заключался въ диктатурѣ Маркса, что его ясные взгляды и увѣренное направленіе сдѣлали газету знаменитой нѣмецкой газетой революціоннаго года.

И, дѣйствительно, стоитъ только перелистовать ея триста номеровъ, чтобы придти къ этому заключенію.

Только одинъ годъ въ своей жизни Марксъ былъ руководителемъ большой ежедневной газеты при довольно широкой свободѣ печати, и въ числѣ его достоинствъ не маловажное мѣсто занимаетъ то, что онъ былъ первымъ и до сихъ поръ послѣднимъ—нѣмецкимъ журналистомъ крупнаго стиля. „Новая Рейнская Газета" представляетъ еще теперь неизсякаемый источникъ просвѣщенія для каждаго политическаго газетнаго публициста, который хочетъ быть чѣмъ-то большимъ, чѣмъ простой газетный поденщикъ.

Какъ „Рейнской Газетѣ" 1842 года, такъ и „Новой Рейнской Газетѣ" было чуждо всякое фразерство, которое неминуемо является въ передовицахъ, долженствующихъ каждое утро трактовать о какихъ-либо „вѣчныхъ принципахъ". Единственный случай такого фразерства можно найти въ ея второмъ номерѣ, въ статьѣ Бюргерса. Газета всегда исходила изъ фактовъ, располагала ихъ по извѣстнымъ категоріямъ, провѣряла ихъ, объясняла ихъ историческую связь и указывала на ихъ историческія послѣдствія. Прошлое служило для нея объясненіемъ настоящаго, а настоящее раскрывало передъ ней тайны будущаго.

Съ удивительнымъ тактомъ Марксъ сумѣлъ въ „той хаотичной массѣ съ виду случайныхъ, безсвязныхъ и несогласованныхъ между собой фактовъ", которая всплыла на свѣтъ въ годы революціи, отмѣтить все то, что дóлжно образовать „эпизодъ всемірной исторіи". Еще теперь мы находимъ въ номерахъ „Новой Рейнской Газеты" болѣе основательную и болѣе исчерпывающую исторію революціоннаго движенія, чѣмъ во всѣхъ появившихся съ тѣхъ поръ буржуазныхъ историческихъ трудахъ вмѣстѣ взятыхъ. Тотъ врачъ, который объявилъ бы неестественнымъ рожденіе ребенка, на томъ основаніи, что оно связано со страданіями и муками для матери, считался бы кандидатомъ въ домъ умалишенныхъ. Но ученые историки, считающіе всякую революцію неестественной,

безсмыслицей и преступленіемъ, нарушающимъ нормальный ходъ вещей, эти историки являются кандидатами на должности и ордена въ капиталистическомъ культурномъ государствѣ. Марксъ смотрѣлъ на революцію какъ на историческій процессъ, совершающійся по историческимъ законамъ, и поэтому его статьи, написанныя при разыгравшейся бурѣ грандіозныхъ событій, имѣютъ теперь еще несравненно большую историческую цѣнность, чѣмъ буржуазныя историческія разсужденія о нѣмецкой революціи.

Легкое дѣло, конечно, вырвать отдѣльныя предложенія изъ разныхъ статей Маркса, писанныхъ имъ въ разныя времена, и найти между ними такъ называемыя „противорѣчія". Но что хотятъ доказать этимъ пріемомъ, который Шоппенгауэръ назвалъ глупѣйшимъ и злѣйшимъ изъ всѣхъ глупыхъ и злыхъ пріемовъ? Нетрудно также отмѣтить „ложныя предсказанія", сдѣланныя Марксомъ въ „Новой Рейнской Газетѣ." Но развѣ мыслима честная борьба за великое дѣло безъ того, чтобы въ сердцахъ борцовъ явились надежды на побѣду, которыя иногда выходятъ за предѣлы достижимаго? Яснѣе, чѣмъ всякій другой борецъ нѣмецкой революціи, Марксъ взвѣшивалъ ея возможности и невозможности, но развѣ онъ долженъ былъ изъ-за этого бросить всякую попытку толкать революцію впередъ, поскольку, вообще, ее можно было толкать впередъ? Ученые мужи, насмѣхающіеся надъ тѣмъ, что Марксъ при первомъ извѣстіи о берлинскомъ государственномъ переворотѣ заявилъ, что этотъ государственный переворотъ означаетъ вступительную главу революціи, въ то время, какъ онъ оказался вступительной главой реакціи, эти ученые могутъ быть довольны, что Марксъ не считалъ ихъ отцовъ и дѣдовъ такими безнадежными и неисправимыми филистерами, какими они въ дѣйствительности оказались. Если бы въ жилахъ буржуазіи и въ особенности ученыхъ классовъ ея текла настоящая кровь,

берлинскій государственный переворотъ безспорно оказался бы вступительной главой къ революціи.

Но не стоитъ останавливаться на этихъ придиркахъ. Кто въ состояніи логически разсуждать, тотъ самъ видитъ, что „Новая Рейнская Газета“ была боевой газетой, писанной въ раскаленномъ воздухѣ революціи и призванной активно вмѣшаться въ эту революцію, что она разсматривала вещи не ретроспективно, а въ моментъ ихъ возникновенія, въ ихъ процессѣ рожденія, которому она содѣйствовала въ качествѣ повивальной бабки; и всякій пойметъ, что для активнаго работника очень часто оказывается правильнымъ какъ разъ то, на что впослѣдствіи размышляющій наблюдатель смотритъ, какъ на неправильное, имѣя къ тому полное основаніе. Нѣтъ свѣта безъ тѣней, и тотъ экзальтированный мечтатель, который лѣзъ на баррикады, возлагая на революцію надежды, которыхъ она не могла оправдать, все-таки гораздо лучше понималъ положеніе вещей, чѣмъ трусливый филистеръ, который съ самаго начала скрестилъ на груди руки, увѣренный, что изъ революціи все равно ничего не выйдетъ,—хотя мнѣніе послѣдняго, именно, оправдалось историческимъ ходомъ событій.

Въ виду отчаянной борьбы парижскаго пролетаріата въ іюньскіе дни „Новая Рейнская Газета“ переоцѣнила силу брошеннаго на земь великана и ждала его пробужденія въ болѣе близкомъ будущемъ, чѣмъ это возможно было при тогдашнемъ положеніи вещей. Нѣмецкіе буржуа превозносили на словахъ геройскія схватки Польши, чтобы тѣмъ вѣрнѣе на дѣлѣ ее предать; это ввело въ заблужденіе „Новую Рейнскую Газету“, которая сильно преувеличивала революціонное значеніе польскаго развитія. Въ виду лакейскихъ услугъ, оказанныхъ австрійскими славянами европейской реакціи, газета отрицала за этими націями право на національное существованіе, что стояло въ „противорѣчіи“ съ другимъ фактомъ, ибо, когда въ іюнѣ

1848 года вспыхнуло чешское возстаніе въ Прагѣ, газета стала на сторону чеховъ въ Богеміи, равно какъ она ратовала за поляковъ въ Познани и за итальянцевъ въ Италіи. Это „противорѣчіе" разрѣшается очень просто тѣмъ, что газета тотчасъ послѣ этого возстанія заявила, что четырехвѣковое угнетеніе чеховъ нѣмцами заставитъ чеховъ броситься въ объятья Россіи, будетъ толкать ихъ отъ революціи къ реакціи. Половинчатость нѣмецкой революціи создала положеніе, полное дѣйствительныхъ противорѣчій, и разрѣшить это нельзя было никакимъ сужденіемъбезъ кажущихся противорѣчій.

Кто порицаетъ тѣни, долженъ хвалить свѣтъ, съ которымъ онѣ были связаны. Стать на защиту парижскихъ іюньскихъ борцовъ—это былъ подвигъ великаго политическаго мужества и великаго политическаго пониманія. То же можно сказать и относительно защиты польскихъ возстаній и относительно убѣдительныхъ доказательствъ, что возстановленіе Польши безусловно необходимо для европейской культуры и для національнаго единства Германіи Нѣсколькими годам ипозже Марксъ въ своихъ статьяхъ въ „Нью-Іоркской Трибунѣ" о революціи и контръ-революціи Германіи высказался болѣе откровенно о трудностяхъ польскаго вопроса. Онъ говоритъ, что вопросъ о раздѣлѣ между польской и нѣмецкой національностями чрезвычайно осложнился и не можетъ быть разрѣшенъ на основаніи границъ польской республики 1772 года. Единственно возможное рѣшеніе представляла война съ Россіей; поляки были бы уступчивы на западѣ, если бы они получили обширныя земли на востокѣ; Рига и Митава были бы для нихъ не менѣе важны, чѣмъ Данцигъ и Эльбингъ. Тѣмъ не менѣе „Новая Рейнская Газета" имѣла основаніе придать польскому вопросу исключительное значеніе, такъ какъ практическому разрѣшенію вопроса мѣшало то обстоятельство, что онъ потонулъ въ морѣ патріотическихъ громкихъ

фразъ. Пруссія меньше добра сдѣлала для провинціи Познани и гораздо болѣе грѣшила противъ нея, чѣмъ Франція по отношенію къ Эльзассъ-Лотарингіи. Сорвать со всѣхъ этихъ злодѣяній покровъ, который набрасывался на нихъ съ тѣмъ, чтобы къ старымъ преступленіямъ прибавить новыя,—это былъ патріотическій и революціонный подвигъ. Наконецъ, панславизмъ никогда не былъ вскрытъ въ своей реакціонной сущности съ такой убѣдительностью и ясностью, какъ въ „Новой Рейнской Газетѣ", хотя возможно, что она не совсѣмъ справедливо относилась къ каждому изъ народовъ или народныхъ обломковъ, собравшихся подъ знаменемъ панславизма. Эмблема революціоннаго борца есть мечъ, а не вѣсы.

Многое изъ содержанія „Новой Рейнской Газеты" теперь уже вывѣтрилось и потеряло значеніе, но многое еще теперь остается въ силѣ. Но всѣ ошибки этой газеты сводятся, въ концѣ-концовъ, къ одному ошибочному преставленію, красной нитью проходившему въ то время черезъ дѣятельность Маркса и Энгельса; это то ошибочное представленіе, благодаря которому они видѣли борьбу классовъ въ Европѣ на гораздо болѣе высокой ступени развитія, чѣмъ та, которой она фактически достигла. Но и это ошибочное представленіе было лишь тѣнью отъ свѣта глубокаго пониманія, съ которымъ они смотрѣли въ самый корень борьбы классовъ современнаго буржуазнаго общества. Поэтому это ошибочное представленіе никогда не приводило ихъ въ уныніе, а, наоборотъ, постоянно ободряло ихъ, никогда не парализовало ихъ борьбы, а, наоборотъ, постоянно укрѣпляло. Въ каждомъ новомъ пораженіи оно имъ давало лишь новое ручательство за близкую побѣду. Такимъ образомъ, годъ борьбы „Новой Рейнской Газеты" не пропалъ даромъ, — онъ принесъ обильные плоды. Массы, разъ наэлектризованныя этой газетой, не могли уже потерять свое пролетарское классовое сознаніе, и когда нѣмецкій рабочій классъ настоль-

ко оправился отъ ударовъ контръ-революціи, что сызнова могъ начать движеніе, — движеніе, ставшее уже теперь непрерывнымъ шествіемъ къ побѣдѣ, тогда рейнскіе рабочіе оказались самымъ стойкимъ и самымъ надежнымъ элементомъ.

Счастье „Новой Рейнской Газеты" состояло въ томъ, что она имѣла въ лицѣ Маркса незамѣнимаго безподобнаго руководителя; но, съ другой стороны, счастье Маркса, что имѣлъ въ своемъ распоряженіи безподобный штабъ сотрудниковъ. Это все были люди съ высокимъ образованіемъ, и каждому изъ нихъ безспорно принадлежитъ та или другая доля въ славѣ этой газеты. Самая большая доля принадлежитъ Энгельсу, который блестяще свелъ счеты съ панславистскими тенденціями Бакунина; затѣмъ Вильгельму Вольфу, который такъ же основательно осмѣялъ стремленье къ захолустнымъ мелкимъ государствамъ, какъ и безпощадно бичевалъ феодальную жажду грабежа. О поднявшейся бурѣ во франкфуртскомъ имперскомъ лягушечьемъ болотѣ докладывалъ сначала Дронке, а затѣмъ молодой Шлеффель. Фрейлигратъ украшалъ фельетонную часть газеты своими прекрасными революціонными стихотвореніями. Уже въ первыхъ номерахъ появилось его варьированное „Вопреки всему", самый сильный куплетъ котораго былъ вычеркнутъ изъ собранія его стихотвореній, благодаря оригинальной свободѣ печати новой Германской имперіи:

Und ob der Prinz zurück auch kehrt
Mit Hurra hoch und alledem:—
Sein Schwert ist ein gebrochen Schwert,
Ein ehrlos Schwert trotz alledem!
Ja doch: trotz all-und alledem,
Der Meinung Acht, trotz alledem
Die brach den Degen ihm entzwei
Vor Gott und Welt, trotz alledem[1]!

---

[1] И хоть бы возвратился принцъ и встрѣченъ былъ привѣтствіями и „ура",— его мечъ — все же сломанный мечъ, позорный мечъ, вопреки всему. Да, вопреки всему, уваженіе передъ мыслью, оно сломало его мечъ вопреки всему, оно сломало его мечъ передъ Богомъ и людьми вопреки всему.

Въ фельетонномъ отдѣлѣ господствовалъ Георгъ Вертъ. Онъ былъ веселымъ королемъ веселаго царства. Это не былъ скоморохъ или паяцъ буржуазнаго покроя, это былъ принцъ изъ страны геніевъ, съ легкой поступью, въ искрящихся доспѣхахъ и со сверкающимъ мечомъ въ рукѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ нѣмецкій бюргеръ бросился на одно только дѣло наживы, онъ потерялъ всякій теоретическій смыслъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, также свой литературный вкусъ, которымъ онъ когда-то отличался, и многіе кандидаты въ Іовы политической экономіи подняли вой по поводу мнимой „порнографіи“ въ фельетонахъ „Новой Рейнской Газеты.“

Если бы Вертъ услышалъ этотъ вой, серьезный тонъ этого нравственнаго возмущенія доставилъ бы ему веселыя минуты. Его главная работа въ „Новой Рейнской Газетѣ“: „Жизнь и подвиги знаменитаго рыцаря Шнапганскаго“, въ которой онъ съ натуральной вѣрностью описалъ приключенія князя Лихновскаго,— прозвище Шнапганскій дано ему Гейне,—есть перлъ той геніальной дерзости, которая уже давно получила право гражданства для такихъ сюжетовъ во всякой литературѣ, по крайней мѣрѣ, во всякой литературѣ, которая предназначена для настоящихъ мужей и настоящихъ женщинъ, хотя институткамъ она внушаетъ притворный ужасъ, а въ сердца академическихъ карьеристовъ она можетъ вселить дѣйствительный ужасъ.

Глава третья.

Фердинандъ Лассаль.

На столбцахъ „Новой Рейнской Газеты“ часто встрѣчалось имя юноши, который принималъ выдающееся участіе въ революціонномъ движеніи Рейнской провинціи и которому выпало на долю впослѣдствіи принимать еще болѣе видное участіе въ освободительной борьбѣ пролетаріата. Ему тогда было 23 года, и онъ

уже имѣлъ имя, которое въ борьбѣ того времени звучало, какъ боевой призывъ.

Фердинандъ Лассаль, сынъ торговца шелкомъ въ Бреславлѣ, родился 11-го апрѣля 1825 года. Его семья принадлежала къ тому восточно-европейскому еврейству, которое сумѣло освободиться отъ феодальныхъ оковъ посредствомъ паразитическаго торгашества. Мнимое равноправіе, которое было дано старопрусскимъ евреямъ указомъ 11 марта 1825 года, было не болѣе, какъ пустой звукъ. Старый король, какъ любвеобильный отецъ страны, часто забавлялся дураченьемъ своихъ еврейскихъ подданныхъ, равно какъ своихъ христіанскихъ германцевъ. Однажды онъ одного еврейскаго купца, котораго онъ изъ-за имени Фердинандъ считалъ христіаниномъ, назначилъ придворнымъ поставщикомъ; и когда выяснилось, что этотъ купецъ еврей, — начались гоненія противъ „христіанскихъ именъ“ евреевъ. Такими пошлыми глупостями продолжалъ заниматься и Фридрихъ Вильгельмъ IV: онъ былъ за это жестоко осмѣянъ въ „Космополитическомъ Стражникѣ“:

Auch sorg' er, wie ein Schuldespot, sich nicht um Jüdennamen,
Wer wird denn grausam gegen Schmul und strenge gegen Jtzig sein?

Въ германско-польскихъ пограничныхъ мѣстностяхъ, гдѣ жило самое многочисленное еврейское населеніе, евреи фактически жили на основаніи средневѣковыхъ привилегій и на основаніи гражданскаго равноправія. Въ округѣ Кротошина, гдѣ евреи „пользовались большими правами“, они имѣли право покупать въ имѣніяхъ овецъ, но съ тѣмъ, чтобы только переднюю часть оставить для себя, а заднюю часть передать христіанамъ; имъ не возбранялось также покупать кожу, шерсть и мясо, но только по цѣнамъ города Кобилина. За камни изъ кротошинскаго кирпичнаго завода они должны были платить дороже, чѣмъ христіане. Сверхъ того они должны были вносить извѣстную дань помѣщикамъ, взамѣнъ чего они полу-

чили то утѣшеніе, что, въ случаѣ ихъ убійства, убійца понесетъ наказаніе; дань эта составляла для осѣдлыхъ одинъ дукатъ, для неосѣдлыхъ полъ-дуката за душу. Такіе порядки были не только въ Кротошинѣ, а всюду въ тѣхъ польско-силезскихъ округахъ, откуда происходила семья Лассаля и гдѣ она вела свои дѣла.

Несравненно больше, чѣмъ Марксу, приходилось страдать Лассалю отъ „тысячелѣтняго семейнаго недуга, отъ принесеннаго изъ долины Нила бѣдствія, отъ староегипетской нездоровой вѣры“. Въ томъ возрастѣ, когда Марксъ уже былъ въ кругу самаго образованнаго общества, Лассаль пребывалъ во время лейпцигской ярмарки на улицѣ Брюль среди торгашеской сутолоки русскихъ и польскихъ евреевъ. Отецъ Лассаля, однако, стоялъ гораздо выше этой среды. Это былъ состоятельный человѣкъ, безупречный въ смыслѣ мѣщанской честности; въ синагогѣ онъ примыкалъ къ реформаторскому еврейству. Но и реформированное еврейство хотѣло оставаться еврействомъ, и въ моментъ живого воодушевленія мѣщанское образованіе, которымъ гордился родительскій домъ Фердинанда Лассаля, оказывалось легкимъ налетомъ. Домашнія сцены, которыя пятнадцатилѣтній юноша описывалъ въ своемъ дневникѣ, были далеко не симпатичныя. Съ явнымъ удовольствіемъ онъ отмѣчаетъ рѣжущіе тоны ветхозавѣтной свирѣпости, которыми онъ проклиналъ изъ-за какой-то мелочи свою сестру. Онъ говоритъ также съ полнымъ душевнымъ спокойствіемъ испытаннаго еврейскаго свата о душевныхъ и физическихъ достоинствахъ своей сестры, и опредѣляетъ по нимъ размѣры приданаго, на которое могутъ претендовать ея кандидаты въ женихи. Торгашескій тонъ проявляется и въ мелочахъ; онъ заноситъ тщательно въ книжку каждый пятакъ, который ему удавалось заполучить у своихъ родственниковъ и у своихъ товарищей. Даже его языкъ сильно отдаетъ еврейскимъ жаргономъ.

Его еврейство еще вполнѣ искреннее. Хотя онъ не

уважаетъ еврейскихъ обрядовъ, но онъ вѣритъ въ Іегову и хочетъ быть лучшимъ изъ евреевъ. Онъ не боится висѣлицы, если бы ему только удалось этой цѣной вернуть еврейскому народу всеобщее уваженіе. Онъ пишетъ: „Когда я вспоминаю свои дѣтскія мечты, то моей любимой идеей постоянно было — стать во главѣ евреевъ и съ оружіемъ въ рукахъ вернуть имъ ихъ самостоятельность“. Но это, дѣйствительно, были только „дѣтскія мечты“, на самомъ же дѣлѣ это театральное воспроизведеніе Маккавеевъ принимало видъ заносчивой лѣности и базалаберности, благодаря которымъ этому задорному мальчику невозможно стало оставаться въ бреславльской гимназіи. Онъ преодолѣлъ сопротивленіе своихъ родителей, которые хотѣли, чтобы онъ продолжалъ свое образованіе въ университетѣ, и пятнадцати лѣтъ отъ роду весною 1840 года отправился въ Лейпцигъ и поступилъ въ коммерческое училище.

Несмотря на необдуманность и неразумность этого шага, послѣдствія его оказались очень отрадными. Несимпатичныя черты еврейскаго торгашества, которыя были въ характерѣ молодого Лассаля, сглаживались отъ соприкосновенія съ христіанскимъ торгашествомъ,, которое преподавалось въ коммерческомъ училищѣ, по всѣмъ правиламъ искусства. „Онъ не былъ любимъ ни учителями, ни учениками“ — такъ писалъ о немъ директоръ училища Шибе въ служебной книгѣ, и эта аттестація съ точки зрѣнія школьнаго деспота была вполнѣ заслуженной. Лассаль понялъ, когда онъ проникъ въ тайны искусства пріобрѣтенія денегъ, что онъ не годится для_ этого. Перспектива, что онъ „будетъ продавать коленкоръ польскимъ евреямъ въ мрачномъ Бреславлѣ“, его приводила въ ужасъ, и уже 3 августа онъ пишетъ въ своемъ дневникѣ: „Я твердо вѣрю, что случай или лучше Провидѣніе меня вырветъ изъ конторы и поставитъ на мѣсто, гдѣ я сумѣю проявлять свои силы. Я довѣряю случаю и моей крѣпкой волѣ.

что я долженъ имѣть дѣло съ музами, а не съ главными и счетовыми книгами, съ Элладой и Востокомъ а не съ индиго и свеклой, съ Таліей и ея жрецами, а не съ лавочниками и ихъ приказчиками, что я долженъ больше заботиться о свободѣ, чѣмъ о цѣнахъ товаровъ, что мое призваніе проклинать собакъ аристократовъ, которыя отнимаютъ у человѣка его высшее благо, а не конкуррентовъ, которые понижаютъ цѣну. И я не остановлюсь на однихъ проклятіяхъ".

Повернувшись спиной къ торговлѣ, Лассаль, вмѣстѣ съ тѣмъ, порвалъ съ еврействомъ. Кровавыя гоненія, которымъ подвергались тогда евреи въ Дамаскѣ, вырвали у него еще нѣкоторыя выраженія гнѣва, но онъ сильнѣе бичевалъ трусость угнетенныхъ, чѣмъ жестокость угнетателей. Ребяческій Маккавей, желавшій повести избранный народъ къ побѣдѣ, превратился въ современнаго революціонера, который видитъ въ угнетенномъ евреѣ угнетеннаго человѣка, а въ освобожденіи евреевъ освобожденіе человѣка отъ еврейства. Прилежное изученіе сочиненій Гете, Шиллера и Лессинга, Вольтера и Байрона, Берне и Гейне открыло глаза молодого Лассаля на духовныя сокровища современной культуры. Его литературный вкусъ еще не опредѣлился. Онъ еще увлекался такими плоскими беллетристами, какъ Генрихъ Лаубе и еще менѣе значительные, изъ-за нѣсколькихъ тенденціозныхъ крылатыхъ словечекъ. Но, именно, потому, что ему приходилось подниматься съ очень низкой ступени, онъ чувствовалъ сильную потребность взобраться на высоту классическаго образованія.

Въ отличіе отъ Маркса, а также и Энгельса, Лассаль сталъ революціонеромъ изъ личныхъ побужденій. Онъ это самъ сознавалъ и ругалъ себя „эгоистомъ", когда, присутствуя на представленіи „Фіеско" Шиллера, ясно почувствовалъ, что онъ, несмотря на свои революціонныя демократическія республиканскія идеи, поступилъ бы точно такъ же, какъ графъ Лаванья, и простеръ

бы руку къ діадемѣ, не довольствуясь ролью перваго гражданина въ Генуѣ. „Если бы я родился принцемъ или князёмъ, я бы душою и тѣломъ былъ аристократомъ. Но такъ какъ я только простой мѣщанинъ, то я въ свое время буду демократомъ". У Лассаля мы не находимъ того безпрестаннаго исканія, стремленія „выяснить себѣ смыслъ борьбы и желаній современности", которымъ отличались Марксъ и Энгельсъ въ началѣ своего развитія. Когда пробудилось его самосознаніе, для него уже было рѣшено, что́ онъ долженъ дѣлать въ жизни и отъ чего онъ долженъ устраниться. Онъ не искалъ въ окружающемъ опредѣленныхъ цѣлей, онъ, наоборотъ, ставилъ окружающее на службу своей цѣли. Отъ торговой конкурренціи и товарныхъ цѣнъ онъ бѣжалъ въ обитель всеобщей идеи свободы въ то время, какъ Марксъ и Энгельсъ отреклись отъ всеобщей идеи свободы, убѣдившись изъ торговой конкурренціи и товарныхъ цѣнъ въ туманности этой идеи.

Когда молодому Лассалю минуло 16 лѣтъ, онъ уже ясно сознавалъ свою будущность, — будущность агитатора, оратора, публициста, борющагося съ самоотверженіемъ за священные интересы человѣчества. Въ маѣ 1841 года онъ поставилъ своему отцу ультиматумъ. Онъ рѣшилъ посвятить себя изученію исторіи. Отецъ его попробовалъ сдѣлать ему компромиссное предложеніе и уговаривалъ его взяться за изученіе медицины или юриспруденціи, но молодой Лассаль отклонилъ это, такъ какъ, по его мнѣнію, и врачъ и адвокатъ торгуютъ своими знаніями. И къ чести старика Лассаля надо сказать, что онъ понялъ высокія стремленія своего сына и покорился имъ. Осенью 1841 года Фердинандъ Лассаль вступилъ на новый путь жизни.

О слѣдующихъ затѣмъ годахъ имѣется весьма мало свѣдѣній. Съ удивительнымъ прилежаніемъ онъ старался наверстать то, что было имъ упущено въ чуилищѣ. Онъ скоро добился аттестата зрѣлости для

поступленія въ университетъ, гдѣ онъ—въ Бреславлѣ и въ Берлинѣ — прежде всего бросился на изученіе древняго міра и гегелевской философіи. Въ полномъ освѣщеніи онъ выступаетъ снова 3-го января 1846 г. въ рекомендательномъ письмѣ Генриха Гейне къ Варнгагену фонъ Энзе. Письмо это гласитъ: „Мой другъ, господинъ Лассаль, податель сего письма, молодой человѣкъ съ выдающимися дарованіями; съ основательной эрудиціей, съ самыми широкими знаніями, съ самымъ тонкимъ умомъ, какой я когда-либо встрѣчалъ, и съ удивительно богатымъ даромъ слова, — онъ сочетаетъ энергичную волю, устойчивость въ дѣйствіяхъ, которыя меня приводятъ въ восхищеніе... Господинъ Лассаль — это выраженный представитель новаго времени, которое знать ничего не хочетъ о томъ самоотреченіи и той скромности, которыми мы съ бóльшимъ или меньшимъ лицемѣріемъ кое-какъ пробивались въ жизни. Это новое поколѣніе хочетъ пользоваться всѣми благами жизни и проявить себя въ чемъ-нибудь видимомъ, конкретномъ. Мы, представители стараго поколѣнія, благоговѣйно преклонялись передъ чѣмъ-то невидимымъ, мы вѣчно гнались за поцѣлуями тѣней и за лазурнымъ благоуханіемъ цвѣтовъ, мы отказывали себѣ во всемъ и безпрестанно ныли и все же были, вѣроятно, счастливѣе тѣхъ суровыхъ гладіаторовъ, которые такъ гордо идутъ навстрѣчу смерти въ бою“. Въ этихъ съ виду торопливо и небрежно набросанныхъ строкахъ выступаетъ весь Гейне и также весь Лассаль. Тутъ каждое слово носитъ печать правды. Выставляя Лассаля, какъ опредѣлившагося человѣка, эти строки бросаютъ сумрачный свѣтъ на тотъ одинокій тернистый путь, который онъ долженъ былъ пройти за короткій промежутокъ времени за три года, чтобы стать опредѣлившимся человѣкомъ.

Въ исторіи нѣтъ второго примѣра, гдѣ геніальная натура была бы въ 15 лѣтъ настолько незрѣлой и за 5

лѣтъ успѣла бы такъ созрѣть. Намъ мало извѣстно изъ этого періода жизни Лассаля, но эти годы, безъ сомнѣнія, имѣли громадное вліяніе на его характеръ въ смыслѣ самоосвобожденія. Это было время, когда „нахальный жидочекъ“, „прилавочный мальченка“ позналъ свои силы, когда онъ убѣдился, что способенъ и призванъ на болѣе высокія дѣла, чѣмъ на пріобрѣніе денегъ, и отсюда берется та удивительная вѣра въ себя, которая его воодушевляла, та безустанная жажда подвиговъ, которая ему всю жизнь не давала покоя. Только тотъ смѣется надъ рубцами, кто не чувствовалъ никогда ранъ. Слабости Лассаля суть, именно, рубцы, нѣмые свидѣтели горячихъ схватокъ и побѣдъ, изъ которыхъ онъ вышелъ борцомъ революціи на общественной аренѣ.

Лассаль не могъ освободиться во всей своей жизни отъ нѣкотораго предвзятаго отношенія къ еврэйству, несмотря на то, что онъ держался вдали отъ безвкусицы антисемитическихъ выкриковъ. Никто не можетъ вычеркнуть изъ своей жизни первыя пятнадцать лѣтъ. Рана иногда залѣчивается, но рубецъ остается. И этотъ рубецъ вздрагиваетъ, доставляетъ мученія, причиняетъ острую боль, особенно, когда поднимается буря. Въ своей исповѣди, которую онъ изложилъ передъ любимой дѣвушкой, Лассаль „какъ зрѣлый человѣкъ, по возрасту лишь 35 лѣтъ отъ роду, но по опыту и переживаніямъ насчитывающій уже 90 лѣтъ“, пишетъ, что онъ въ состояніи былъ бы жениться на дѣвушкѣ съ тремя или четырьмя милліонами приданаго, невзирая на ея личныя качества, а исключительно ради капитала, съ помощью котораго онъ могъ бы легче достигнуть своихъ великихъ цѣлей, но онъ не хочетъ зарабатывать деньги своимъ умственнымъ трудомъ, и несчастіе такой проституціи никогда его не коснется. Чувство внутренней неувѣренности бросаетъ его отъ одной крайности въ другую: продать себя за деньги кажется этому рево-

люціонеру болѣе пріемлемымъ, чѣмъ перспектива работать за скудное вознагражденіе въ пользу умственнаго прогресса человѣчества. Какъ далеко ему до той непредвзятости, съ которой Лессингъ или Марксъ говорили о „неумолимой необходимости какой-либо работы для заработка!“ Конечно, эта неувѣренность была у Лассаля только въ чувствахъ. Фактически онъ никогда не помышлялъ о бракѣ изъ-за денегъ, и, съ другой стороны, онъ очень усердно торговался за гонораръ за свой научный трудъ.

Въ другомъ отношеніи эта внутренняя неувѣренность, которая постоянно лежала налетомъ на зеркалѣ его революціоннаго самосознанія, сказывалась въ его тщеславіи и въ его воспріимчивости къ лести. Въ этой области Лассаль въ состояніи былъ много перенести. Но и эти слабости были не столько отрицательными сторонами его характера, сколько рубцами, вынесенными изъ борьбы, изъ той борьбы, посредствомъ которой онъ превозмогъ наслѣдственные недуги въ продолженіе вѣковъ мучимой и травленной расы. Его тщеславіе было свободно отъ зависти. Никто съ такой готовностью не признавалъ чужія заслуги, какъ Лассаль, если только это были дѣйствительныя заслуги. Его честолюбіе никогда не было направлено на мелкія цѣли. А при большомъ честолюбіи неминуемы, конечно, большія претензіи. Съ удивительной наивностью Лассаль принималъ всякія похвалы и прославленія, которыя ему расточали, не спрашивая объ ихъ происхожденіи и ихъ цѣнности, и это ему многіе ставили въ большую вину, хотя въ сущности это надо было считать скорѣе смягчающимъ, чѣмъ отягощающимъ обстоятельствомъ для этой слабости.

Лассаль при всемъ своемъ высокомъ образованіи, при всей раціональности, проникавшей всѣ его дѣйствія и переживанія, остался всю свою жизнь наивной натурой. Въ немъ много было дѣтскаго, много дѣтски-великодушнаго и много дѣтски-самолюбиваго. Чув-

ствовалось, конечно, нѣкоторое реномированіе, когда онъ говорилъ о порокахъ своей силы: о своихъ дикихъ инстинктахъ, о своемъ страшномъ гнѣвѣ, о своей безпредѣльной страстности, о своей жестокой безпощадной суровости. Не менѣе реномировалъ онъ въ роли Донъ-Жуана, которую онъ больше разыгрывалъ, чѣмъ переживалъ. Съ наиболѣе невыгодной для себя стороны онъ вырисовывался, когда въ берлинскихъ салонахъ, какъ настоящій денди съ желтыми перчатками, ухаживалъ за тоскующими Эльвирами буржуазіи. Но когда госпожа Гервегъ ему при случаѣ сдѣлала соотвѣтствующее замѣчаніе, онъ отвѣтилъ съ добродушной улыбкой: „Ничего со мной не подѣлаешь — я таковъ“. Онъ, вообще, не понималъ, какъ можно влюбиться до безумія; въ этомъ отношеніи онъ былъ вполнѣ античнымъ характеромъ, — онъ цѣнилъ дружбу выше любви. Онъ былъ образцовымъ другомъ, вѣрнымъ, жертвоспособнымъ и надежнымъ, постоянно готовымъ совѣтовать, помогать и щедрой рукой поддерживать. На его слово можно было безъ всякихъ опасеній полагаться. Часто онъ повторялъ наивно довѣрчивыя слова Симона Дака: „Ничто такъ не свойственно человѣку, ничто такъ ему не къ лицу, какъ выказывать свою вѣрность въ дружбѣ“.

Лассаль отправился въ Парижъ, чтобы въ парижскихъ библіотекахъ подготовиться для труда, который онъ задумалъ писать о греческомъ философѣ Гераклитѣ. Рекомендательныя письма Александра фонъ Гумбольдта, который его называлъ „геніальнымъ ребенкомъ“, открыли ему двери французскихъ ученыхъ, между тѣмъ, какъ тотъ же Гумбольдтъ участвовалъ въ интригѣ, окончившейся изгнаніемъ Маркса изъ Парижа. Надо полагать, что въ то время Марксъ и Лассаль лично еще не были знакомы. Они, вѣроятно, слышали другъ о другѣ, благодаря ихъ близкимъ отношеніямъ къ Гейне. Но, если бы они даже встрѣчались, они бы не подходили близко другъ къ другу. Они въ

то время шли совершенно различными путями. Марксъ подвергалъ гегелевскую философію разлагающей критикѣ, чтобы найти изъ нея выходъ въ дѣйствительный міръ, въ то время какъ Лассаль былъ увѣренъ, что въ гегелевской философіи онъ нашелъ то высшее знаніе, которое дастъ ему высшую силу въ реальной жизни. Соціалистомъ былъ Лассаль, по его словамъ въ одномъ письмѣ къ Марксу, уже съ 1843 года. Однако, возможно и то, что онъ лишь во время своего пребыванія въ Парижѣ ближе подошелъ къ соціализму, а именно—къ тому соціалъ-демократическому направленію, которое начало собираться въ видѣ замкнутой партіи вокругъ Ледрю-Ролена и Луи Блана. Многое изъ идейнаго багажа этой партіи еще крѣпко сидѣло въ головѣ Лассаля даже тогда, когда онъ уже хорошо былъ знакомъ съ идеями „Коммунистическаго манифеста", что объясняется глубокимъ дѣйствіемъ первыхъ впечатлѣній.

По своемъ возвращеніи на родину Лассаль началъ работать надъ своимъ трудомъ о Гераклитѣ. Но не успѣлъ онъ довести начатаго труда до конца, какъ случайная встрѣча съ умной, красивой и несчастной женщиной бросила его въ бурный потокъ практической борьбы, которая поглотила почти десятилѣтіе его жизни. Безпристрастному наблюдателю трудно смотрѣть на борьбу, которую Лассаль велъ за интересы графини Гацфельдтъ, съ такимъ удовлетвореніемъ, съ какимъ онъ самъ всегда смотрѣлъ на этотъ „тріумфъ своей жизни". Злобныя сплетни, примѣшавшіяся къ этой исторіи, заслуживаютъ, конечно, одного только презрѣнія; и вопросъ,—чрезвычайно интересный только для старыхъ бабъ обоего пола,—существовали ли интимныя отношенія между Лассалемъ и на двадцать лѣтъ старшей его графиней, не имѣетъ, конечно, никакого значенія для нравственнаго или политическаго сужденія объ этомъ дѣлѣ. Съ полнымъ правомъ Лассаль незадолго до своей смерти писалъ Губеру, что онъ, за-

ступившись за графиню Гацфельдтъ, былъ очень далекъ отъ фривольности, что онъ при этомъ былъ проникнутъ своего ро а религіознымъ чувствомъ въ политическомъ смыслѣ слова. Еще удачнѣе онъ назвалъ въ своей послѣдней рѣчи передъ судомъ практическимъ рыцарскимъ паѳосомъ тотъ мотивъ, который вовлекъ его въ дѣло Гацфельдтъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что побужденія Лассаля были чисты и безупречны. Съѣдаемый горячей жаждой дѣла въ спокойное домартовское время, онъ выступилъ защитникомъ беззащитной женщины, которая подвергалась травлѣ и инсинуаціямъ со стороны ея оффиціальныхъ защитниковъ, со стороны ея мужа, ея братьевъ, ея класса,—женщины, которой христіанская и неограниченная королевская власть дарила лишь безпомощное слово утѣшенія, съ тѣмъ, чтобы вслѣдъ за этимъ взять подъ свое крылышко вопіющую несправедливость. Судьба графини Гацфельдтъ была на самомъ дѣлѣ микрокосмосомъ, въ которомъ отражалось все вѣроломство правящихъ классовъ домартовской Пруссіи. Лассаль, молодой безсильный еврей, вступилъ въ борьбу съ тѣми нахальными преступниками, передъ надменнымъ упрямствомъ которыхъ боязливо отступали и корона, и дворянство, и правосудіе. Онъ этимъ на свой собственной рискъ и страхъ поднялъ знамя возстанія. Если ему бросаютъ упрекъ, что къ его революціонной жаждѣ борьбы примѣшивалась нѣкоторая доза романтическаго рыцарства, то онъ самымъ любезнымъ образомъ отвѣтилъ на этотъ упрекъ, говоря въ своей рѣчи передъ кельнскимъ судомъ присяжныхъ, что молодость во всѣ времена была и навсегда останется возрастомъ самопожертвованія, увлеченія и безкорыстія.

Лассаль не былъ бы Лассалемъ, если бы онъ могъ при встрѣчѣ съ графиней Гацфельдтъ равнодушно пройти мимо горя и страданій этой обиженной женщины. Онъ видѣлъ въ ея дѣлѣ воплощеніе об-

щихъ принциповъ. Онъ понялъ, что графъ Гацфельдтъ, только вооруженный высокомѣріемъ князя или милліонера, могъ себѣ позволить въ продолженіе десятковъ лѣтъ такія безобразныя дѣянія по отношенію къ своей женѣ. Этимъ Лассаль обнаружилъ гораздо болѣе тонкое и глубокое пониманіе революціонной связи между различными явленіями, чѣмъ редакція „Нѣмецкой Брюссельской Газеты", которая сдѣлала открытое внушеніе своему рейнскому корресподенту и совѣтовала ему обратиться къ бульварнымъ листкамъ, если онъ хочетъ докладывать о стычкахъ Лассаля съ графомъ Гацфельдтомъ. Гораздо правильнѣе судила объ этомъ „Новая Рейнская Газета". Не воодушевляясь особенно всѣмъ этимъ дѣломъ, она напечатала подробный отчетъ о процессѣ, который разбирался въ августѣ 1848 года передъ кельнскими присяжными, по обвиненію Лассаля въ подстрекательствѣ къ похищенію шкатулки. Она и, вообще, открывала свои столбцы Лассалю для нападенія и обороны въ его тяжбѣ съ графомъ Гацфельдтомъ. Все же надо признать, что когда читаешь „Новую Рейнскую Газету" съ сильными статьями Маркса на первой страницѣ, а затѣмъ встрѣчаешь Лассаля на четвертой страницѣ въ борьбѣ съ подкупленными и предательскими лакеями и горничными, съ продажными женщинами и ихъ хозяевами, то на душѣ остается непріятный осадокъ. И чѣмъ яснѣе видишь, какъ безподобно Лассаль велъ это дѣло, какъ безпощаденъ онъ былъ въ нападеніи и твердъ въ оборонѣ, тѣмъ труднѣе намъ примириться съ его полнымъ погруженіемъ въ эту тяжбу въ такое время, когда въ Германіи все же шла борьба за великія блага человѣчества.

Нельзя, однако, за это винить Лассаля. Когда онъ въ 1846 году взялъ въ свои руки дѣло графини Гацфельдтъ, онъ не могъ знать, что въ 1848 году вспыхнетъ революція въ Германіи. И если бы даже онъ это могъ предвидѣть, то онъ могъ думать, что до того времени графиня будетъ возстановлена въ своихъ пра-

вахъ. И, дѣйствительно, если бы въ великолѣпномъ прусскомъ государствѣ существовало хоть какое-либо подобіе права и справедливости, борьба Лассаля съ графомъ Гацфельдтомъ не продолжалась бы столько недѣль, сколько она поглотила годовъ. Было бы несправедливо порицать Лассаля за то, что прусская коррупція ему ставила все новыя и новыя препятствія и не давала ему быстро устранить это несказанное беззаконіе, упрекать его въ томъ, что онъ не оставилъ разъ начатой борьбы, не доведши ея до благополучнаго исхода.

Но развѣ, дѣйствительно, нужно было довести борьбу до конца, развѣ не было достаточно довести борьбу до того момента, когда передъ глазами всего міра ясно обнаружилась невозможность бороться съ оружіемъ закона противъ беззаконнаго произвола прусскаго феодала, когда неизлѣчимый недугъ прусскаго государства былъ такъ обнаженъ въ этомъ частномъ случаѣ, что общество получило еще одинъ толчекъ къ работѣ надъ низверженіемъ этого строя? Такой вопросъ не существовалъ для Лассаля. Не для его натуры были слова римскаго поэта, что достаточно пожелать великаго. Для него существовалъ только одинъ благополучный исходъ, а именно—повергнуть въ прахъ могущественнаго негодяя. Для достиженія этой цѣли онъ не останавливался и передъ средствами, выходившими за предѣлы, которые должны быть соблюдены въ борьбѣ за общіе принципы ради успѣха самой борьбы.

Въ выборѣ оружія Лассаль, конечно, постоянно стоялъ выше своего противника. Чего онъ могъ добиться силой своего тонкаго ума, изощрявшагося на разныя умныя средства, того онъ добивался только этими средствами. Но разъ онъ задался цѣлью лично покорить графа Гацфельдта, то онъ часто долженъ былъ выходить изъ этихъ границъ и часто дѣлалъ то, что не подобало ему не только съ точки зрѣнія филистерскаго

сужденія. Но Лассаль никогда бы не простилъ себѣ, если бы онъ оставилъ поле битвы до окончательнаго пораженія графа. Такова была его натура, а иной она не могла быть по условіямъ его развитія. Онъ долженъ былъ совершить „сверхчеловѣческое“, чтобы погибнуть на „слишкомъ человѣческомъ“. Можно считать злой ироніей судьбы, что крупное достояніе, добытое Лассалемъ для графини послѣ восьмилѣтней борьбы, было, большей частью, потеряно въ торговомъ кризисѣ 1857 года.

При всемъ томъ Лассаль никогда не забывалъ, что его жизнь принадлежитъ революціи. Какъ только кельнскіе присяжные его оправдали отъ обвиненія въ подстрекательствѣ къ похищенію шкатулки, Лассаль всей своей силой бросился въ революціонное движеніе. Въ Дюссельдорфѣ, гдѣ революціонное движеніе было особенно сильно, онъ принадлежалъ къ руководителямъ движенія. Благодаря этому, у него установилась живая связь съ демократическимъ окружнымъ комитетомъ и съ „Новой Рейнской Газетой“. Въ 1848 году Лассаль и Марксъ впервые ближе подошли другъ къ другу, и не подлежитъ сомнѣнію, что, именно, въ то время Марксъ пріобрѣлъ большое вліяніе на Лассаля. Лассаль, собственно, никогда не былъ ученикомъ Маркса въ томъ смыслѣ, чтобы принимать на вѣру всякое слово учителя, и нельзя даже сказать, что взгляды Маркса дали новое направленіе его умственному развитію. Для такого воздѣйствія Лассаль былъ слишкомъ опредѣлившимся и сложившимся характеромъ. Существовала извѣстная граница, за которой взаимное пониманіе Маркса и Лассаля было невозможно. Трудно было съ принципіальной точностью опредѣлить эту границу, такъ какъ она образовалась благодаря совершенно различному развитію того и другого. У Маркса изъ процесса самовыясненія ясно и чисто вытекалъ революціонный выводъ, Лассаль же вмѣшивался активно въ революцію, но безъ всякаго

вниманія проходилъ мимо самого процесса. „Коммунистическій манифестъ“ и „Новая Рейнская Газета“ произвели на него глубокое впечатлѣніе, укрѣпили его революціонныя воззрѣнія, способствовали выясненію и расширенію ихъ. Но изъ длиннаго ряда хорошо извѣстныхъ ему статей Маркса, отъ „Рейнской Газеты“ до полемики противъ Прудона, въ работахъ Лассаля можно открыть лишь кое-какіе незначительные слѣды.

Во время ноябрьскаго кризиса 1848 года Лассаль дѣйствовалъ въ духѣ воззванія демократическаго окружнаго комитета. По порученію дюссельдорфской гражданской милиціи и ополченія округа Дюссельдорфа составилъ онъ петицію къ Берлинскому собранію. Въ этой петиціи говорится: „Пассивное сопротивленіе исчерпано. Мы заклинаемъ Національное Собраніе: кликните кличъ къ оружію, зовите гражданъ къ исполненію долга“. Лассаль былъ самымъ усерднымъ адьютантомъ Кантадора, который, будучи комендантомъ дюссельдорфской гражданской милиціи, день и ночь былъ занятъ заготовленіемъ пуль и, вообще, подготовлялъ вооруженное сопротивленіе. Лассаль велъ также дѣятельную агитацію въ окружностяхъ Дюссельдорфа; его адъютантомъ въ этой агитаціи былъ рабочій Вайэръ. Онъ убѣждалъ сельское населеніе быть наготовѣ и позаботиться объ аммуниціи и объ оружіи.

Но Собраніе не кликнуло этого клича, и 22 ноября Кантадоръ, Лассаль и Вайэръ были арестованы. Началась судебная процедура, которая, по числу совершенныхъ въ ней правонарушеній, принадлежитъ къ самымъ худшимъ продѣлкамъ, произведеннымъ ноябрьскими героями въ этой области. Та непримиримая вражда, съ которой рейнскія судебныя власти преслѣдовали Лассаля, показала, что онъ въ дѣлѣ графини Гацфельдтъ защищалъ общіе принципы и старался, главнымъ образомъ, вывести насквозь, прогнившее правосудіе изъ того болота, въ которомъ оно пріятно прозябало. За совершенно одинаковые поступки Марксъ

Шапперъ и Шнейдеръ были обвинены въ возбужденіи къ вооруженному сопротивленію войскамъ и гражданской власти, что по дѣйствовавшему въ Рейнской провинціи кодексу квалифицировалось, какъ проступокъ, не требовало предварительнаго подслѣдственнаго заключенія и влекло за собой, какъ высшую мѣру наказанія, лишь пару мѣсяцевъ ареста. Лассаль же былъ обвиненъ въ очень серьезномъ преступленіи—въ призывѣ къ вооруженію противъ королевской власти, въ преступленіи, требовавшемъ подслѣдственнаго заключенію подъ стражу и въ случаѣ осужденія грозившемъ Лассалю лишеніемъ всѣхъ гражданскихъ правъ. Чтобы облегчить буржуазнымъ присяжнымъ засѣдателямъ произнесеніе обвинительнаго приговора, буржуа Кантадоръ, который совершилъ такое же дѣяніе, какъ Лассаль, пользуясь при этомъ своимъ вліятельнымъ положеніемъ, былъ освобожденъ отъ обвиненія. Тѣмъ не менѣе, оставалась еще возможность оправдательнаго приговора, и для предотвращенія его эта достойная юстиція прибѣгла къ еще двумъ уловкамъ. Во-первыхъ, судебная власть продлила подслѣдственное содержаніе Лассаля подъ стражей, на томъ основаніи, что прокуроръ долго не представлялъ инкриминируемыхъ печатныхъ произведеній судебному слѣдователю, такъ что послѣдній не успѣлъ довести ихъ до свѣдѣнія ближайшей сессіи присяжныхъ. Во-вторыхъ, было противъ него, на случай оправданія, возбуждено другое обвиненіе—въ призывѣ къ вооруженному сопротивленію войскамъ гражданской власти. При этомъ былъ нарушенъ старый правовой принципъ, что никто не можетъ быть дважды судимъ за одно и то же дѣяніе. Кромѣ того, по завѣдомо ложному утвержденію, что призывъ къ неплатежу податей и къ вооруженному сопротивленію не есть политическое дѣло, а представляетъ общеуголовный проступокъ, это второе обвиненіе было отведено не суду присяжныхъ, а дисциплинарно-полицейскому суду. Это была оргія

правонарушеній, какая тогда еще считалась невозможной даже въ прусской юстиціи.

3-го мая 1849 года приступлено было, наконецъ, къ публичному слушанію дѣла Лассаля и Вайэра. Лассаль еще до суда выработалъ свою защитительную рѣчь и пустилъ ее въ печать. Нѣсколько печатныхъ листовъ, безъ вѣдома Лассаля, попали въ публику; и это обстоятельство было использовано судебной палатой для совершенія новаго насилія. Она постановила вести дѣло при закрытыхъ дверяхъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что рѣчь Лассаля угрожаетъ общественному порядку. При такихъ условіяхъ Лассаль отказался говорить и заклиналъ присяжныхъ не произнести приговора, пока ему не будетъ дано право защиты. Нѣсколько лицъ изъ присяжныхъ хотѣли было удовлетворить желаніе Лассаля, но большинство рѣшило вынести ему тотчасъ же оправдательный приговоръ.

Защитительная рѣчь Лассаля сохранилась въ печати. Она существеннымъ образомъ отличается отъ защитительной рѣчи, произнесенной Марксомъ за пару мѣсяцевъ до того противъ подобнаго же обвиненія. Марксъ выяснялъ присяжнымъ историческое положеніе вещей, развивалъ передъ ними классовую борьбу въ германской революціи и предоставилъ имъ самимъ сдѣлать выводъ относительно той неблаговидной роли, которую предписываетъ имъ правительство въ этой борьбѣ. Лассаль же бросился въ лагерь враговъ и своимъ острымъ мечемъ косилъ ихъ густые ряды. Онъ призналъ себя революціонеромъ, рѣшительнымъ приверженцемъ соціальной демократической республики, но отказался передъ лицомъ прокуратуры стать на эту почву. Онъ спорилъ противъ обвиненія не съ точки зрѣнія революціи, онъ сталъ на точку зрѣнія самой прокуратуры, чтобы тѣмъ сильнѣе пристыдить ее, чтобы обличить ее въ измѣнѣ своимъ собственнымъ принципамъ. Защитительная рѣчь Лассаля не есть историческое изслѣдованіе, какъ защитительная рѣчь

Маркса. Это насилуемое право поднимаетъ свой негодующій голосъ и читаетъ обвиненіе своимъ насильникамъ.

Принципіальные взгляды Лассаля на прусскій государственный переворотъ ничѣмъ существеннымъ не отличаются отъ взглядовъ Маркса. Нѣкоторыя мѣста изъ рѣчи Лассаля звучатъ какъ бы отголоскомъ „Новой Рейнской Газеты". Но при всемъ согласіи Лассаля съ Марксомъ, въ этой рѣчи обнаруживается и различіе ихъ точекъ зрѣнія, постоянно раздѣлявшее ихъ. Нѣсколько иными словами Лассаль выражаетъ ту же мысль, что и Марксъ, говоря: „Въ жизни народовъ почва закона плохая опора, ибо законъ есть только выраженіе воли общества, но никогда не бываетъ его учителемъ. Какъ только измѣнились общественная воля и общественная потребность, старый законъ уходитъ въ музей исторіи и его мѣсто занимаетъ новое отраженіе, новый снимокъ дѣйствительности". Но вслѣдъ затѣмъ Лассаль переходитъ къ доказательству того, что правительство своей контръ-революціей покинуло свою собственную почву закона и прибавляетъ: „Теперь почва закона принадлежитъ мнѣ и моимъ единомышленникамъ! Мы съ ноября мѣсяца держимъ ее конфискованной для себя. Съ точки зрѣнія почвы закона революція стала юридической необходимостью. Эринніи убитой почвы закона вмѣстѣ съ потребностью народовъ зовутъ къ оружію". Ни по содержанію, ни по формѣ такія предложенія не могли бы выйти изъ-подъ пера Маркса.

Однако, этотъ неудачный образъ—единственный въ рѣчи Лассаля, чрезвычайно богатой образами и сравненіями. Риторика Лассаля не пустая, и, именно, потому бросаются въ глаза нѣкоторыя безвкусицы, когда внутренняя логика его точки зрѣнія нѣсколько слабѣетъ. Тутъ видна связь между формой и содержаніемъ, и нарушеніемъ мѣры въ содержаніи нарушается у него мѣра и въ формѣ. Гдѣ Лассаль чувствуетъ

твердую почву подъ ногами, тамъ его риторика красива и до края полна революціонной энергіи.

Несомнѣнно, что Марксъ наноситъ своему противнику быстрый смертельный ударъ, въ то время какъ Лассаль поднимаетъ свое лезвіе и даетъ ему сверкать въ солнечныхъ лучахъ раньше, чѣмъ онъ его опускаетъ на голову противника. Когда Марксъ сказалъ, что пассивное сопротивленіе похоже на барахтаніе теленка въ рукахъ мясника, что принявшіе рѣшеніе объ отказѣ отъ уплаты податей отвергли революціонный путь, не желая рискнуть своими головами, то этимъ было сказано все нужное. Но нельзя считать также излишнимъ, когда Лассаль, пропуская ту же мысль сквозь ослѣпительную свѣтовую игру, говорилъ: „Пассивное сопротивленіе—это внутреннее противорѣчіе, это такое сопротивленіе, которое не есть сопротивленіе... Пассивное сопротивленіе—это одна только внутренняя злая воля безъ внѣшняго дѣйствія. Корона наложила запретъ на народную свободу, а Національное Собраніе для защиты народа декретировало злую волю. Было бы непонятно, какъ самая обыкновенная логика допустила то, что законодательное собраніе могло опозорить себя такими комичными рѣшеніями, что оно, если ужъ пошло на то, не выбрало простого пути подчиненія приказаніямъ короны, — это было бы непонятно, если бы это не было слишкомъ понятно! Пассивное сопротивленіе есть продуктъ слѣдующихъ факторовъ: ясно сознанной обязанности по чувству долга сопротивляться и личной трусости, непозволяющей сопротивляться съ рискомъ жизни — эти два элемента въ отвратительномъ сочетаніи произвели въ ночь 10 ноября чахнущее дитя—пассивное сопротивленіе". Стиль Лассаля имѣетъ такое же право на существованіе, какъ стиль Маркса, и тотъ, и другой, каждый по своему, много способствовалъ борьбѣ революціоннаго пролетаріата.

Когда Лассаль былъ оправданъ присяжными, су-

дебная власть привела въ исполненіе свой планъ и снова поставила его за то же дѣяніе передъ наемными судьями. Дисциплинарный полицейскій судъ не преминулъ опозорить себя и приговорилъ Лассаля къ шести мѣсяцамъ тюрьмы. Когда онъ вышелъ изъ тюрьмы, германская революція была уже потушена.

Глава четвертая.

Исходъ германской революціи.

1. Франкфуртъ и Берлинъ.

Одержавъ побѣду въ Берлинѣ и Вѣнѣ, контръ-революція рѣшила покончить съ германскимъ національнымъ собраніемъ. Это собраніе все же было дитя революціи, и поэтому вокругъ него группировались всѣ, сохранившіе еще способность сопротивленія, элементы населенія. Безъ заслугъ, съ своей стороны Франкфуртскій парламентъ пріобрѣлъ, въ концѣ-концовъ, нѣкоторую историческую роль, которую онъ, однако, не сумѣлъ разыгрывать, какъ слѣдуетъ.

Въ своей политикѣ противъ Франкфурта австрійскіе и прусскіе представители власти шли разными путями. Вѣнскій кабинетъ, дѣйствительно, хотѣлъ вернуться къ старой союзной конституціи, которая обезпечивала за нимъ господствующее положеніе въ Германіи, не возлагая, вмѣстѣ съ тѣмъ, на него никакихъ обязанностей по отношенію къ Германіи. Проводя въ обще-австрійскомъ государствѣ самую строгую централизацію, австрійская контръ-революція, вмѣстѣ съ тѣмъ, заявила, что она будетъ занимать свое прежнее положеніе и во вновь образующемся германскомъ государствѣ. Это означало не что иное, какъ сдѣлать невозможнымъ объединеніе Германіи. Германско-австрійскія области не могли, конечно, принадлежать въ одно и то же время и германскому, и австрійскому государству. Программа австрійской контръ-революціи

въ германскомъ вопросѣ сводилась, поэтому, къ возстановленію германскаго бундестага. И если она на первыхъ порахъ не отстаивала этой программы съ той настойчивостью, съ какой она рѣшила ее отстаивать, то этому препятствовало только начавшееся побѣдоносное возстаніе въ Венгріи.

Съ другой стороны, прусское правительство хотѣло при крушеніи революціи ловить рыбу въ мутной водѣ для себя. „Крестовая Газета" раскрыла эту программу, совѣтуя коронѣ уничтожить Франкфуртъ рѣшительнымъ, но дружескимъ разрывомъ съ нимъ. Въ то самое время, когда австрійскій генералъ презрительно бросилъ голову Блюма къ ногамъ Франкфуртскаго парламента, король прусскій со слезами на глазахъ обнималъ своего „друга" Гагерна. Обычно судьба Фридриха Вильгельма IV была такова, что онъ выходилъ одураченнымъ изъ своихъ комедій, но на этотъ разъ онъ имѣлъ счастье натолкнуться на другого комедіанта, котораго даже онъ могъ одурачить и, дѣйствительно, одурачилъ.

Казалось, наступили, наконецъ, тѣ желанные дни, когда Гагернъ и его присные могутъ сорвать плоды, на которые они такъ долго смотрѣли съ вожделѣніемъ. Упорное сопротивленіе Австріи всему тому, что имѣло хотя бы отдаленное сходство съ объединеніемъ Германіи, сдѣлало возможнымъ выступить съ идеей прусскаго императорскаго великолѣпія. Австріецъ Шмерлингъ уступилъ Гагерну мнимое президентство во мнимомъ имперскомъ министерствѣ, и въ самомъ парламентѣ начались путанные партійные споры, изъ которыхъ вышла имперская конституція 28 марта 1849 г.

Эта конституція далеко не была такъ либеральна, какъ ее изображаетъ либеральная легенда, хотя она имѣла значительныя преимущества передъ германской конституціей, выработанной бундестагомъ. Но если бы она, дѣйствительно, имѣла такіе красивые глаза, какъ утверждаютъ ея поклонники, то у нея не было

ногъ, на которыхъ она могла бы прогуляться по дѣйствительной жизни. Она покоилась на освященномъ черно-желтой злобой компромиссѣ, заключенномъ частью лѣвой съ императорской партіей Гагерна. Споръ между австрійскими великогерманцами и прусскими малогерманцами придалъ демократамъ лѣвой бо́льшую силу, чѣмъ они могли имѣть по своей численности и по числу своихъ талантовъ. На первыхъ порахъ они противились объединенію Германіи подъ эгидой Пруссіи и поддерживали великогерманцевъ, которые, однако, со своими партикуляристскими, реакціонными и ультрамонтанными составными элементами представляли не менѣе пестрое общество, чѣмъ малогерманцы. Но, когда впослѣдствіи австрійская контръреволюція обнародовала конституцію 4-го марта съ ея строго централистическими тенденціями, часть лѣвыхъ перешла къ Гагерну. Эта часть изъявила готовность проглотить горькую пилюлю наслѣдственнаго императорства, если ей будутъ сдѣланы двѣ уступки: всеобщее избирательное право и условность императорскаго veto.

По новой конституціи имперскій сеймъ долженъ былъ состоять изъ Государственнаго Дома и Народнаго Дома, взаимное согласіе которыхъ требовалось для каждаго общеимперскаго рѣшенія. Государственный Домъ долженъ былъ выбираться поровну правительствами и палатами отдѣльныхъ государствъ, а Народный Домъ, какъ того требовала лѣвая, долженъ былъ составляться по всеобщимъ, прямымъ, равнымъ и тайнымъ выборамъ. Еще бо́льшее значеніе перебѣжчики изъ лѣвой придавали условности императорскаго veto, по которой возраженіе императора противъ рѣшеній имперскаго сейма ограничивалось тѣмъ, что рѣшеніе, принятое въ неизмѣнномъ видѣ имперскимъ сеймомъ въ трехъ сессіяхъ сряду, вступаетъ въ законную силу съ исходомъ третьей сессіи даже при неодобреніи императора. Характерно для господство-

вавшей тогда путаницы, что изъ-за этой фантастики люди боролись съ величайшимъ упорствомъ. Теперешняя имперская конституція не знаетъ ни абсолютнаго, ни условнаго права veto императора. Союзный совѣтъ прекраснѣйшимъ образомъ обезпечиваетъ интересы реакціи, какъ они обезпечивались бы, если бы имперская конституція была проведена въ жизнь Государственнымъ Домомъ.

Въ общемъ, компромиссъ между императорской партіей и примыкающей къ ней частью лѣвой удался только благодаря тому, что австрійскіе голоса оказались рѣшающими и по вопросу о наслѣдственномъ императорствѣ, и по вопросу объ условности императорскаго veto. По программѣ Гагерна отношенія между новой Германіей и новой Австріей подлежали спеціальному упорядоченію; а австрійскіе депутаты во Франкфуртѣ позволили себѣ выкинуть шутку и предложили прусскому королю похлебку, предварительно пересоливъ ее. Прусское правительство уже раньше протестовало противъ условнаго veto. Заключившія компромиссъ партіи попытались заглушить свои тревожныя предчувствія торжественной клятвой, что послѣ окончательнаго принятія конституціи онѣ не пойдутъ ни на какія существенныя ея измѣненія, ни на какія дальнѣйшія уступки, съ чьей бы стороны это ни потребовалось.

Завершеніемъ этой конституціонной работы было избраніе Фридриха Вильгельма IV императоромъ германскимъ. Избраніе это произошло 290 голосами, при 240 воздержавшихся отъ голосованія. Торжественная депутація, которая съ бумажной короной должна была отправиться въ Берлинъ, пару дней пространствовала по Германіи, чтобы не пріѣхать 1-го апрѣля, и чтобы не смотрѣли на ихъ миссію, какъ на первоапрѣльскую шутку. Она, такимъ образомъ, избѣгнула хронологической критики своего ребяческаго поступка, но она не избѣгнула гимнологической критики его. Въ Кельнѣ ее

встрѣтили кошачьимъ концертомъ. Но самое горькое разочарованіе ее ждало впереди, въ берлинскомъ дворцѣ, въ передней котораго лакеи приняли ея вождя „громкозвучнаго рапсода“ Симсона, какъ докучливаго просителя.

Романтическій король колебался еще между старопрусскимъ отвращеніемъ къ революціи и старопрусскимъ аппетитомъ на новыя области. Съ одной стороны, франкфуртская корона ему внушала отвращеніе: эта корона, какъ онъ граціозно выразился, своимъ противнымъ запахомъ революціи 1848 года, самой нелѣпой, самой глупой, самой дурной, хотя, благодареніе Господу, не самой злокачественной, изъ революцій этого столѣтія, можетъ его обезчестить. Онъ говорилъ, что такую корону, испеченную изъ грязи и глины, не можетъ принять законный король Божьей милостью, и менѣе всего можетъ себѣ это позволить король прусскій, на котораго снизошла благодать носить, хотя не самую старую, но зато самую благородную корону, корону, ни у кого не украденную. Впрочемъ, о послѣднемъ другіе люди, какъ напр. римская курія, держатся иного взгляда. Съ другой стороны, королю ясно было, что старопрусскій аппетитъ на чужія владѣнія останется неудовлетвореннымъ, если съ Франкфуртомъ будетъ покончено, и дѣло попадетъ въ руки правителей отдѣльныхъ государствъ. Нельзя не признать, что на сей разъ въ романтическихъ капризахъ короля вѣрно отражалась дилемма прусской государственной дипломатіи. И прусскіе государственные люди попытались „дружески“ порвать съ Франкфуртомъ.

Отвѣтъ короля благоговѣйно ожидавшей депутаціи національнаго собранія состоялъ изъ набора высокопарныхъ высокоторжественныхъ словъ, смыслъ которыхъ онъ самъ вкратцѣ изложилъ въ своемъ письмѣ къ Бунзену: „Я не могу вамъ сказать ни да, ни нѣтъ. Можно принять или не принять только вещь, которая

можетъ быть предложена, а вы ничего не имѣете что предложить: объ этомъ дѣлѣ я уже поговорю съ равными себѣ. Но на прощаніе я вамъ хочу сказать правду: Gegen Demokraten helfen nur Soldaten (Противъ демократовъ есть одно дѣйствительное средство—солдаты). Прощайте!“ Таковъ былъ на самомъ дѣлѣ смыслъ отвѣта короля, который закончился угрозой, что противъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ есть достаточно прусскихъ щитовъ и мечей. Этимъ было открыто объявлено, что начинается ограбленіе трупа германской революціи, тѣмъ болѣе, что внѣшніе враги въ то время были пощажены прусскими щитами и мечами.

Какъ Берлинское собраніе, такъ и Франкфуртское собраніе погибло на принципѣ соглашенія. Романтическій король, отвергнувъ корону на томъ основаніи, что не народные представители, а только короли и князья имѣютъ право ее предлагать, ясно поставилъ вопросъ: кто суверененъ въ Германіи, короли и князья или народъ? Франкфуртское собраніе было насильственно отброшено назадъ на революціонную почву, которую оно на свою бѣду покинуло. Такимъ образомъ, имперская конституція, какъ бы она ни была обезображена, стала знаменемъ революціи, знаменемъ всѣхъ тѣхъ элементовъ, которые не желали отдаться въ руки домартовскаго абсолютизма. Въ борьбѣ за имперскую конституцію разыгрывался теперь послѣдній актъ германской революціи.

Послѣдній актъ, не потому, что онъ случайно окончился пораженіемъ революціи, а потому, что онъ по необходимости долженъ былъ такъ окончиться. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этихъ событій Энгельсъ писалъ: „Кому дорого было движеніе, тотъ пренебрежительно относился къ имперской конституціи; а кому дорога была имперская конституція, тотъ пренебрежительно относился къ движенію“. Послѣ побѣды контръ-революціи въ Австріи и Пруссіи имперская консти-

туція пріобрѣла особо высокое значеніе для германской буржуазіи, но этотъ классъ весною 1849 года былъ еще болѣе слабонервнымъ и разочарованнымъ, чѣмъ весной 1848 года. Имперская конституція ей больше всего нравилась потому, что она надѣялась посредствомъ ея проведенія „заключить революцію". И эта цѣль оправдывала въ ея глазахъ и такое средство, что вскорѣ и обнаружилось.

Пролетаріатъ же нисколько не былъ заинтересованъ въ наслѣдственной императорской коронѣ Гогенцоллерновъ, и даже къ самымъ прогрессивнымъ параграфамъ имперской конституціи онъ обнаруживалъ интересъ лишь постольку, поскольку они обѣщали ему нѣсколько очистить дорогу не къ побѣдѣ, а къ рѣшительной битвѣ. И потому чрезвычайно важно было для рабочихъ, чтобы революціонное движеніе не заглохло, чтобы принципъ народнаго суверенитета не превратился въ игрушку въ рукахъ военныхъ усачей. „Нѣтъ большей безсмыслицы, —писалъ Борнъ въ „Братствѣ",—какъ дѣлать революцію ради наслѣдственнаго императора, задаться цѣлью заставить короля принять имперскую корону". Но онъ при этомъ прибавляетъ, что другой вопросъ: должны ли народные представители стать шутами королей и князей? „Мы, народъ, имѣемъ право выразить нашимъ депутатамъ во Франкфуртѣ рѣшительное неодобреніе за все ихъ поведеніе до сихъ поръ; мы, избиратели, имѣемъ право отозвать ихъ обратно или разогнать ихъ, если они сами не захотятъ уйти, но этого права нѣтъ у королей и князей. Поддерживая Франкфуртское собраніе, мы вовсе не хотимъ наслѣдственнаго императора; мы поддерживаемъ народный суверенитетъ и ничего болѣе" Исходя изъ этой точки зрѣнія, пролетаріатъ, поскольку въ немъ пробудилось классовое самосознаніе, принялъ дѣятельное участіе въ борьбѣ за имперскую конституцію. Онъ поставлялъ самыхъ смѣлыхъ и неутомимыхъ борцовъ.

Несравненно большую силу, чѣмъ буржуазія и даже чѣмъ пролетаріатъ, представляло собою мелкое мѣщанство; отъ него зависѣло, съ какой энергіей и съ какимъ успѣхомъ можетъ быть ведена борьба за имперскую конституцію. Къ тому же этому классу, въ особенности южно-германскому мелкому мѣщанству, имперская конституція больше всего и подходила. Новое единство оставляло суверенитетъ за отдѣльными государствами съ весьма скромными ограниченіями, а пресловутая условность veto позволяла въ одно прекрасное утро упразднить императора вмѣстѣ со всѣми королями и князьями и въ одинъ мигъ вызвать къ жизни любимую кантональную республику. Конечно, и отъ демократическихъ мелкихъ мѣщанъ нельзя было требовать, чтобы они съ оружіемъ въ рукахъ вступились за имперскую конституцію. Но они ужъ слишкомъ часто клялись принести въ жертву отечеству свое достояніе и свою жизнь, и особенно ихъ крестьянскіе элементы охватывалъ ужасъ при представленіи о возвращеніи домартовскаго феодализма. Буржуазія, которая при извѣстныхъ обстоятельствахъ любитъ смотрѣть, какъ другіе бросаются въ огонь за ея интересы, толкала мелкихъ мѣщанъ въ борьбу, конечно, съ умысломъ предать ихъ послѣ перваго же выстрѣла; пролетаріатъ же толкалъ мелкое мѣщанство въ борьбу съ намѣреніемъ послѣ послѣдняго выстрѣла предъявить свои собственныя требованія. Само же мелкое мѣщанство поняло послѣдствія борьбы послѣ перваго выстрѣла и испугалось передъ послѣднимъ выстрѣломъ, вслѣдствіе чего имперско-конституціонная кампанія пошла неувѣреннымъ и сбивчивымъ ходомъ.

Виды на успѣхъ, сами по себѣ, были далеко не безнадежные. Во Франціи грозило новое выступленіе соціалистически-демократической партіи противъ монархической реакціи; въ Венгріи возставшіе мадьяры послѣ цѣлаго ряда побѣдъ прогнали австрійскіе полки; въ Италіи Римская республика оказала успѣшное со-

противленіе французскому вторженію. Даже въ Германіи массы были охвачены стихійнымъ движеніемъ. Ростущая дерзость контръ-революціи, ея клятвопреступленія и словонарушенія, трусость мартовскихъ министровъ—сдѣлали мятежникомъ самаго сонливаго патріота. Движеніе еще было достаточно сильно, чтобы принудить 28 германскихъ правительствъ къ признанію имперской конституціи. Кромѣ Австріи и Пруссіи, этому противились четыре среднихъ государства, королевства Баварія, Ганноверъ, Саксонія и Вюртембергъ, и даже изъ нихъ Вюртембергъ вынужденъ былъ сдаться. Въ Пруссіи и Саксоніи палаты требовали признанія имперской конституціи, а баварское и ганноверское правительства охраняли себя отъ такого требованія только тѣмъ, что первое изъ нихъ совсѣмъ не созывало палаты, а второе распустило палату. Между Пруссіей и средними государствами существовало глубокое недовѣріе, такъ какъ послѣднимъ хорошо были извѣстны тайныя гогенцоллернскія вожделѣнія. Они отвѣтили глубокимъ молчаніемъ на приглашеніе прусскаго правительства послать уполномоченныхъ во Франкфуртъ для совѣщанія объ общемъ соглашеніи съ національнымъ собраніемъ.

Теперь все зависѣло отъ того, рѣшится ли Франкфуртское собраніе на энергичный образъ дѣйствія. Оно торжественно заявило 11 апрѣля, что оно будетъ твердо держаться имперской конституціи и всеобщаго избирательнаго права, и назначило комиссію изъ тридцати членовъ для обсужденія средствъ, съ которыми можно провести эту политику. Комиссія эта состояла поровну изъ членовъ имперской партіи и членовъ лѣвой. Какъ разумную тактику одинъ свѣдущій человѣкъ рекомендовалъ, что демократическіе элементы не должны слишкомъ рьяно рваться впередъ, но умѣренные элементы не должны особенно отставать. Къ сожалѣнію, онъ не указалъ метода, какъ можетъ собраніе двинуться впередъ, когда оно половину коней

впрягаетъ впереди телѣги, а другую половину сзади нея; и, такимъ образомъ, предложенія комиссіи не подвинули телѣги съ мѣста. По этимъ предложеніямъ собраніе должно было, во-первыхъ, потребовать отъ противящихся правительствъ, чтобы они, наконецъ, признали имперскую конституцію; а во-вторыхъ—собраніе должно было имъ запретить подавлять законныя и конституціонныя демонстраціи народной воли, особенно же правительства не должны въ этотъ рѣши тельный моментъ пользоваться своимъ правомъ роспуска своихъ ландтаговъ или отсрочки ихъ засѣданій- въ третьихъ, на имперскаго правителя, который со; дня принятія имперской конституціи открыто велъ измѣнническую политику въ пользу Австріи, возлагается обязанность дѣйствовать всѣми находящимися въ его распоряженіи средствами для проведенія конституціи. Послѣ трехдневныхъ дебатовъ собраніе 26-го апрѣля съ громадной энергіей произвело эти три удара по водѣ.

Въ то же время прусское правительство сбросило маску. Планъ „дружескаго разрыва“ съ Франкфуртомъ не удался потому, что короли среднихъ государствъ не давали себя сманить на скользкій путь, а растущее массовое движеніе примыкало къ имперской конституціи не изъ-за прусскаго императорства, а несмотря на это. Къ тому же къ концу февраля собрались прусскія ревизіонныя палаты, и вторая палата оказалась гораздо болѣе строптивой, чѣмъ это угодно было правительству. Она почти поровну состояла изъ фрондирующей лѣвой, изъ бывшихъ членовъ національнаго собранія, принявшихъ рѣшеніе объ отказѣ отъ уплаты податей, и правительственной правой, въ которой сидѣли вмѣстѣ такіе буржуа, какъ Кампгаузенъ, и такіе юнкера, какъ Бисмаркъ. Пока правую объединяло только желаніе признать дѣйствительность октроированной конституціи 5 декабря 1848 года въ отвѣтномъ адресѣ на тронную

рѣчь. Она распалась, когда эта цѣль была достигнута незначительнымъ большинствомъ, и не было никакихъ видовъ на то, чтобы желанія юнкеровъ были проведены при пересмотрѣ конституціи. При этомъ, вторая палата требовала признанія имперской конституціи и снятія осаднаго положенія, незаконно наложеннаго на Берлинъ. Въ вопросѣ объ объединеніи Германіи правительство имѣло за собой лишь горсточку юнкеровъ, изъ которыхъ Бисмаркъ отличался своими насмѣшливыми рѣчами о борьбѣ за германское единство, о возмущеніи шлезвигъ-гольштинцевъ противъ своего „законнаго повелителя" и подобными, какъ говорили даже старо-прусскіе патріоты, „допотопными" капризными выходками.

Однако, причастные къ государственному перевороту юнкера показали, какъ при ноябрьскомъ кризисѣ такъ и теперь, что они, въ концѣ-концовъ, умѣютъ дѣйствовать, въ то время какъ буржуазія умѣла только продолжать нескончаемую болтовню. 26-го апрѣля національное собраніе произвело свои удары по водѣ, 27 апрѣля прусское правительство разогнало вторую палату, приказало храброму воинству стрѣлять въ безоружныя народныя массы и открыто порвало съ Франкфуртомъ. Въ своей нотѣ отъ 27 апрѣля правительство окончательно отреклось отъ имперской конституціи и въ тотъ же день пригласило тѣ правительства, которыя вмѣстѣ съ нимъ хотятъ положить основу германскому единству, на совмѣстныя конференціи въ Берлинѣ. Оно къ этому прибавило, что оно уже приняло необходимыя мѣры для оказанія нужной и желанной помощи согласнымъ съ нимъ правительствамъ въ случаяхъ „опасныхъ кризисовъ". Прусское правительство предлагало свои услуги германскимъ династіямъ въ качествѣ палача революціи въ надеждѣ, что германскія династіи за эти услуги признаютъ за нимъ главенство. Позволительно сомнѣваться, чего больше было въ этой политикѣ: близорукости

или вѣроломства. Но вполнѣ спокойно можно признать, что тѣ страшные удары, которые оно получило въ Ольмюцѣ отъ габсбургской палки и въ Варшавѣ отъ царскаго кнута, были вполнѣ ей заслужены.

Франкфуртское собраніе сдѣлало еще одну слабую попытку сопротивленія, созвавъ 4 мая, на основаніи имперской конституціи, новый имперскій сеймъ на 22 августа и назначивъ выборы въ Народный Домъ на 15 іюля. Хотя и это рѣшеніе было эфемернымъ, такъ какъ выборы при сопротивленіи со стороны большихъ и почти всѣхъ среднихъ правительствъ могли состояться едва ли въ 6-ой части Германіи, но это какъ-никакъ означало, что собраніе покидаетъ „почву закона", что дало императорской партіи первый поводъ къ бѣгству, которое усилилось по мѣрѣ того, какъ разгорѣлось народное движеніе. Возстанія въ Дрезденѣ, въ Рейнской Пруссіи, въ Баденѣ и въ Пфальцѣ совершенно разстроили отряды Гагерна и передали дѣла франкфуртскаго собранія въ руки лѣвой.

Къ сожалѣнію, и эта партія теперь обнаружила свою полную неспособность. Вмѣсто того, чтобы низложить предательскаго имперскаго правителя, она дала себя одурачить какимъ-то его министерствомъ, составленнымъ изъ комическихъ фигуръ собранія. Вмѣсто того, чтобы концентрировать и организовать революціонныя возстанія, она растратила время на воззванія и резолюціи, высокопарныя фразы которыхъ были обратно пропорціональны заключавшейся въ нихъ силѣ. Классическимъ типомъ этихъ мелкобуржуазныхъ демократовъ былъ Карлъ Фогтъ, который въ Нюрнбергѣ разжигалъ франкскую революцію, когда у него не было необходимыхъ гарантій на свою личную безопасность. Этотъ театральный герой, напрактиковавшійся въ тостахъ за имперію, разыгрывалъ роль нравственно возмущеннаго патріота, когда Вильгельмъ Вольфъ, приглашенный въ собраніе, какъ замѣститель историка Штенцеля, послѣ бѣгства послѣд-

няго, сказалъ 26 мая, что собраніе должно, наконецъ, прекратить эти безцѣльныя и словообильныя воззванія къ народу. Вольфъ говорилъ, что если собраніе хочетъ что-нибудь сдѣлать, оно должно объявить внѣ закона имперскаго правителя, какъ перваго предателя народа, и противъ надвигающихся войскъ династической реакціи выставить хорошо организованные отряды. Черезъ нѣсколько дней собраніе спаслось бѣгствомъ изъ Франкфурта отъ своего любимаго имперскаго правителя, но оно и теперь не бросилось въ лагерь баденскаго возстанія, а отправилось въ Штуттгартъ, гдѣ оно на мѣсто имперскаго правителя выбрало въ регенты имперіи Карла Фогта и четырехъ другихъ членовъ. Послѣ этой комедіи парламентъ все-таки имѣлъ счастіе быть разогнаннымъ вюртембергскимъ правительствомъ, и такимъ образомъ онъ умеръ сколько-нибудь приличной смертью.

Прусское правительство лучше использовало мѣсяцъ май. Оно собрало значительную часть ополченія, подавило возстанія въ Дрезденѣ, усилило осадное положеніе въ Берлинѣ, арестовало Вальдека, вождя парламентской оппозиціи, возбудивъ противъ него обвиненіе въ государственной измѣнѣ, и стянула громадныя массы войскъ въ западныя провинціи, чтобы усмирить безпорядки въ Рейнской провинціи и подавить революцію въ юго-западной Германіи. Но въ программѣ прусскаго правительства былъ большой пробѣлъ. Другія германскія правительства принимали, конечно, очень охотно услуги палача отъ прусскаго правительства, но они мало были настроены влюбиться въ красивые глаза Пруссіи. Съ большимъ трудомъ прусскому правительству удалось втиснуть Саксонію и Ганноверъ въ союзъ трехъ королей, который существовалъ ровно столько, сколько продолжалось угнетенное положеніе этихъ двухъ среднихъ государствъ. Конституція этого новаго союза была копіей съ имперской конституціи, при чемъ было сильно урѣзано все то, что въ

этой послѣдней означало шаги впередъ и нѣкоторымъ образомъ было смягчено также прусское главенство. Все это было приправлено для вкуса династическаго партикуляризма. Плану этому, въ общемъ, не посчастливилось, но зато вполнѣ удалось покушеніе на прусское избирательное право, совершенное съ помощью этой конституціи. Всеобщность выборовъ осталась, осталась, конечно, и ихъ двустепенность, но, кромѣ того, это избирательное право было лишено своего дѣйствія, когда установлены были выборы не тайные и не равные. Было изобрѣтено открытое трехклассное избирательное право, которое и было установлено для прусскаго государства. Это былъ задатокъ прусской вѣрности союзу. Какъ съ циничной насмѣшкой выразилось министерство Бранденбурга-Мантейфеля въ своемъ оффиціальномъ отчетѣ королю, это было сдѣлано съ тѣмъ, чтобы не отнять у народа гласности даже при выборахъ.

Благородные авторы государственнаго переворота имѣли уже не разъ случай убѣдиться въ томъ, что буржуазія все снесетъ. Несмотря на ихъ клятву въ вѣрности имперской конституціи, великіе мужи императорской партіи во главѣ съ благороднымъ Гагерномъ собрались въ концѣ іюня въ Готѣ, чтобы торжественно отречься отъ той же конституціи, которую они всего три мѣсяца тому назадъ не менѣе торжественно провозгласили. Зато они выразили свое полное удовлетвореніе такого рода германскимъ единствомъ и свободой, которыя готова была дать реакція съ трехклассными выборами включительно. Эти великодушные рыцари, готцы, какъ они назывались съ тѣхъ поръ по названію мѣста своего собранія и выставлялись, какъ классическій образецъ политической безпринципности, рѣшили, что не принять изъ рукъ королей и князей единство и свободы такъ же безсмысленно, какъ то, что король прусскій отказался принять корону изъ рукъ народа.

Демократическое крыло буржуазіи не такъ низко пало, какъ конституціонно-либеральное, но тѣ же прусскіе депутаты, которые рѣшили отказать правительству въ уплатѣ податей, собрались въ срединѣ іюня въ Кетенѣ подъ предсѣдательствомъ Унру и рѣшили послѣ обнародованія терхклассной выборной системы прекратить всякую борьбу. Этому противились болѣе активные элементы мелкаго мѣщанства, какъ Шульце-Деличъ и вновь основанная газета „Urwähler" въ Берлинѣ. Хотя мелкомѣщанскіе избиратели гораздо болѣе были урѣзаны въ своихъ правахъ отъ трехклассной выборной системы, чѣмъ крупная буржуазія, но они инстинктивно чувствовали, что рѣшеніе абсолютнаго ничегонедѣланія, вытекаетъ ли оно изъ оскорбленнаго чувства права, или же изъ другихъ возвышенныхъ соображеній, есть чрезвычайно сомнительное оружіе для политической партіи. Но эти элементы не провели своего рѣшенія. Даже такой человѣкъ, какъ Родбертусъ, перешелъ на сторону Унру въ наивной надеждѣ, что буржуазія, разъ сойдутъ со сцены тѣ опасные люди, которые приняли рѣшеніе объ отказѣ отъ уплаты податей, окажетъ болѣе сильное сопротивленіе абсолютистски-юнкерской реакціи.

Въ этой плачевной агоніи германской революціи единственно свѣтлыми пунктами были тѣ возстанія, въ которыхъ шла борьба за имперскую конституцію. Эти возстанія не могли кончится побѣдой,—отчасти потому, что Франкфуртское собраніе прекратило свое существованіе, отчасти же потому, что произошла сильная перемѣна во всемъ положеніи Европы вслѣдствіе пораженія соціалистически-демократической партіи во Франціи и вслѣдствіе русскаго вторженія въ побѣдоносную Венгрію. Кромѣ того, эти возстанія не были свободны отъ жалкихъ слабостей, неясностей и предательскихъ происковъ, которые, вообще, погубили германскую революцію. Но это были единственныя серьезныя попытки спасти революцію, и, поскольку въ нихъ участвовалъ

пролетаріатъ, онѣ составляютъ почетные эпизоды въ его исторіи.

2. Борьба за имперскую конституцію.

Первое возстаніе вспыхнуло въ Дрезденѣ. Саксонскій король послушался указаній изъ Берлина и отказался признать имперскую конституцію. Его сопротивленіе было очень упорное, несмотря на всѣ буржуазныя депутаціи, которыя его умоляли объ уступчивости, указывая на господствующее во всей странѣ волненіе. Когда 3 мая демонстрація гражданской милиціи и попытки пролетаріата вооружиться оружіемъ изъ арсенала привели къ кровавому столкновенію съ войскомъ, король убѣжалъ на гору Кенигштейнъ. Но и гражданская милиція осторожно отступила, когда произошло кровопролитіе, а временное правительство, образовавшееся 4 мая, могло только въ весьма условномъ смыслѣ считаться революціонной властью. Его три члена вышли изъ трехъ фракцій, на которыя раскололась буржуазная оппозиція саксонскаго ландтага, и по своимъ взглядамъ они сильно расходились. Тодтъ былъ либеральничающимъ бюрократомъ домартовскаго времени, Гейбнеръ принадлежалъ къ лѣвой Франкфуртскаго собранія и былъ очень преданъ дѣлу имперской конституціи, а Чирнеръ былъ единственнымъ, который былъ преданъ дѣлу революціи. Къ сожалѣнію, и онъ совершилъ крупную ошибку, назначивъ военнымъ главнокомандующимъ полковника Гейнце, который раньше былъ на службѣ въ греческой арміи, въ общемъ, былъ совершенно неспособнымъ человѣкомъ, а пожалуй—и предателемъ.

На первыхъ порахъ возстаніе было спасено, благодаря прибытію промышленныхъ и сельско-хозяйственныхъ рабочихъ изъ окрестностей. Они образовали главное ядро баррикадныхъ борцовъ, и въ лицѣ Бакунина и Борна они получили двухъ рѣшительныхъ и способныхъ вождей. Бакунинъ выполнялъ всѣ прак-

тическія дѣла, съ которыми не могло справиться безпомощное временное правительство, а Борнъ своимъ участіемъ нѣсколько сгладилъ послѣдствія неспособности коменданта. Борнъ взялъ на себя команду главной баррикадой на Дворцовой улицѣ и сдѣлалъ ее неприступной тѣмъ, что своевременно приказалъ проломать внутреннія стѣны домовъ, лежащихъ впереди дворца и позади ратуши. Когда Гейнце 7-го мая предалъ себя въ руки правительственныхъ войскъ, роль главнокомандующаго фактически перешла къ Борну, который съ большой умѣлостью и хладнокровіемъ велъ свое дѣло.

Бѣгство гражданской милиціи до извѣстной степени окупалось прибытіемъ рабочихъ изъ окрестностей. Но дальнѣйшіе шансы возстанія покоились на томъ, что вся страна поднимется и пойдетъ на выручку столицы. Это, однако, не произошло, главнымъ образомъ, благодаря лейпцигской буржуазіи, отказавшейся поддерживать возстаніе. Въ большомъ торговомъ городѣ купеческій капиталъ имѣетъ рѣшающее слово, и этотъ капиталъ не считалъ для себя выгоднымъ связаться съ такими безнадежными и рискованными предпріятіями, какъ дрезденское возстаніе. Этимъ было рѣшено дальнѣйшее поведеніе городовъ, такъ какъ Лейпцигъ въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ Дрезденъ, составлялъ экономическій центръ тяжести маленькаго королевства. Подкрѣпленія изъ деревень не могли надолго держать возстаніе. Они едва покрывали потери въ рядахъ баррикадныхъ борцовъ. Число послѣднихъ не превышало 3,000 человѣкъ, вооруженныхъ смѣшаннымъ оружіемъ: изъ артиллеріи въ ихъ рукахъ находилась только пара мелкихъ орудій, въ то время какъ правительство призвало къ себѣ на помощь прусскіе полки и имѣло въ своемъ распоряженіи 15,000 человѣкъ всѣхъ родовъ оружія. Лучшія ружья повстанцевъ не били такъ далеко, какъ остроконечныя пули солдатъ, а ихъ четырехфунтовыя ору-

дія производили только шумъ но не имѣли никакого дѣйствія; между тѣмъ, баррикады находились все время подъ дождемъ картечи.

Тѣмъ удивительнѣе выдержка повстанцевъ, благодаря которой возстаніе держалось четыре дня, съ утра 5-го до утра 9-го мая. Оно могло держаться еще одинъ день, но тогда была опасность, что городъ будетъ совершенно окруженъ войсками и у повстанцевъ отрѣзано будетъ правильное отступленіе. Когда оказалось, что надежда на выручку извнѣ несбыточна, Борнъ, какъ онъ самъ выразился, счелъ болѣе разумнымъ вырвать изъ когтей деспотизма нѣсколько тысячъ храбрыхъ борцовъ за свободу, чѣмъ отдать ихъ на растерзаніе безъ всякой пользы для дѣла. Утромъ 9-го мая три удара въ колоколъ на Крестовой башнѣ дали сигналъ къ общему отступленію къ Фрейбергу. Борнъ вѣрно оцѣнилъ положеніе, что дѣло въ Саксоніи потеряно, и предложилъ отступленіе въ горы, откуда повстанцы могли бы присоединиться къ югозападно-германскому возстанію. Несмотря на его протестъ, Бакунинъ и Гейбнеръ дали себя отвлечь въ походъ на Хемницъ, благодаря которому они оба попали въ руки правительства. Борнъ самъ насилу спасся отъ саксонской гвардейской конницы и отправился черезъ Богемію въ Пфальцъ, гдѣ онъ, вслѣдствіе серьезной болѣзни, долженъ былъ отправиться въ одну изъ страсбургскихъ больницъ. Другіе саксонскіе борцы принимали дѣятельное участіе въ баденско-пфальцскомъ возстаніи. Они отличались своей прилежной работой въ бюро и своей храбростью на полѣ битвы.

Военные лавры за дрезденскую битву безспорно принадлежали побѣжденнымъ. И побѣдители съ безчеловѣчной жестокостью мстили имъ за это. Саксонское правительство, во главѣ котораго стоялъ карликовый дипломатъ, вѣтропрахъ, фонъ Бейстъ, издало двусмысленный или скорѣе весьма недвусмысленный приказъ, что оно не желаетъ имѣть слишкомъ много

плѣнныхъ и арестованныхъ. И когда саксонскіе солдаты не всегда обнаруживали пониманіе смысла указа, то имъ разъясняли это прусскіе спасители отечества, прикалывавшіе и бросавшіе въ Эльбу безоружныхъ плѣнныхъ. Графъ Вальдерзее, командующій Пруссіи, самъ признаетъ этотъ фактъ и старается нѣсколько оправдать его только тѣмъ, что, по его словамъ, саксонскіе прозелиты еще больше безчинствовали, чѣмъ ихъ прусскіе учителя. Дрезденскіе мѣщане, которые во время битвы кормили и поили солдатъ, были затѣмъ ограблены своими питомцами. Объ этомъ лейпцигская печать подняла вой лишь заднимъ числомъ. Подъ ужаснымъ впечатлѣніемъ этихъ злодѣйствъ, совершенныхъ спасителями общества въ побѣжденномъ Дрезденѣ, Руге чрезвычайно удачно выразилъ свое нравственное возмущеніе, сказавъ, что контръ-революція снова будитъ звѣря въ человѣкѣ, послѣ того какъ революція разбудила человѣка въ звѣрѣ.

Надъ тѣми арестованными, которые остались въ живыхъ, правосудіе упражнялось въ своей работѣ палача. Въ жалкой дипломатіи среднихъ государствъ имѣлись постоянно черты мексиканскаго свирѣпаго бога Вицлипуцли. И могильщики на тюремномъ кладбищѣ въ Вальдгеймѣ еще долго будутъ разсказывать о Бейстѣ, когда его дипломатическія хитрости и увертки уже будутъ совершенно забыты. Грязная пища, изнурительная каторжная работа, превращеніе человѣка въ номеръ въ тюремномъ халатѣ, запрещеніе, подъ угрозой тѣлеснаго наказанія, произнести слово, предложить щепотку табаку,—вотъ чѣмъ мстила спасенная милость Божія храбрымъ майскимъ борцамъ. Для многихъ это было медленное убійство, другіе выдержали эту страшную кару десять лѣтъ, какъ Гейбнеръ, или даже одиннадцать лѣтъ, какъ капельмейстеръ Августъ Рекель, который принялъ участіе въ возстаніи наравнѣ съ другими знаменитыми художниками, какъ его коллега Рихардъ Вагнеръ и архитекторъ Готфридъ Зем-

перъ. Бакунинъ былъ препровожденъ изъ саксонской тюрьмы въ австрійскую, а оттуда въ русскую и, наконецъ, былъ сосланъ въ сибирскую ледяную пустыню.

Народное броженіе было не только въ Саксоніи, оно было также въ Силезіи. Но въ этомъ опасномъ мѣстѣ прусское правительство издавна было насторожѣ. Первая попытка построить баррикады въ Бреславлѣ моментально была подавлена объявленіемъ осаднаго положенія, а летучіе отряды войскъ держали все время сельскіе округа въ страхѣ. Еще болѣе заблаговременно приняло правительство всѣ мѣры въ западныхъ провинціяхъ, и единственное возстаніе въ рейнскихъ земляхъ было съ самаго начала обречено на неудачу. Но, несмотря на это, и тутъ дѣло дошло до нѣкоторыхъ насильственныхъ конфликтовъ.

Тутъ враждебныя дѣйствія начала буржуазія. Значительное число рейнскихъ общинныхъ гласныхъ собралось 8 мая въ Кельнѣ и заявило свою солидарность съ Франкфуртскимъ собраніемъ въ его спорѣ съ прусскимъ правительствомъ. Они призывали „весь народъ рейнскихъ земель“ твердо держаться за имперскую конституцію, требовали отъ Франкфуртскаго собранія „болѣе энергичныхъ мѣропріятій“, дабы придать нужное единство и силу сопротивленію народа противъ хорошо организованной контръ-революціи, объявили созывъ ополченія ненужной мѣрой, въ высокой степени угрожающей миру въ странѣ, выразили рѣшительное недовѣріе министерству Бранденбурга-Мантейфеля и, наконецъ, безъ всякихъ прикрасъ грозили тѣмъ, что, если ихъ воля не будетъ выполнена, „будетъ въ опасности даже теперешній составъ Пруссіи“. Если бы эти слова были столько же серьезны, сколько высокопарны, изъ рейнскаго возстанія при всемъ военномъ превосходствѣ реакціи могло бы что-нибудь выйти. Но на самомъ дѣлѣ устроители собранія вели ту же политику, что полугодомъ раньше

прусскіе депутаты, рѣшившіе отказать правительству въ платежѣ налоговъ: они манили мелкихъ мѣщанъ и пролетаріевъ въ огонь, но лишь постольку, поскольку это было безопасно для ихъ собственной шкуры, которую они превосходно умѣли охранять.

Ратники изъ ополченія въ горномъ промышленномъ районѣ первые сопротивлялись сбору. Центрами этого сопротивленія были Эльберфельдъ и Изерлонъ, и попытка правительства посредствомъ военной силы подавить это сопротивленіе кончилась на первыхъ порахъ неудачей. Изъ Эльберфельда были обратно отосланы войска съ окровавленными головами, батальоны пѣхоты, эскадроны улановъ и двѣ пушки. А отправленный противъ Изерлона батальонъ, вообще, не осмѣливался напасть на забаррикадированный городъ. Послѣ извѣстія объ отступленіи войска изъ Эльберфельда поднялись рабочіе въ Дюссельдорфѣ, но, будучи частью совершенно безоружны, частью же очень плохо вооруженными, они послѣ упорнаго баррикаднаго боя были разбиты сильнымъ гарнизономъ. Больше посчастливилось золингенскимъ рабочимъ, которымъ удалось разгромить грэфратскій арсеналъ и вооружиться. Въ Эльберфельдѣ, Изерлонѣ, Золингенѣ и Гагенѣ окружныя и мѣстныя власти были смѣщены и на ихъ мѣсто были назначены комитеты безопасности.

Судьба этого возстанія зависѣла отъ того, сможетъ ли лѣвый рейнскій берегъ прійти на помощь правому. Послѣднее, однако, оказалось невозможнымъ при такомъ подавляющемъ превосходствѣ военной силы, какъ въ Дюссельдорфѣ. И каждая попытка къ возстанію въ Кельнѣ, Кобленцѣ, Аахенѣ, Тріерѣ должна была кончиться побѣдой правительства и уничтожить послѣдніе шансы горно-промышленнаго возстанія. Влѣво отъ Рейна революціонное движеніе было только возможно въ небольшихъ городахъ и въ деревняхъ. Въ этихъ мѣстахъ оно, дѣйствительно, было. Въ Нейсѣ и Кемпенѣ вспыхнули безпорядки, арсеналъ

въ Прюмѣ былъ разгромленъ толпой подъ предводительствомъ Имандта и Шили, Кинкель и боннскіе демократы предприняли нападеніе на арсеналъ въ Зигбургѣ. Но такія отдѣльныя вспышки были, конечно, недостаточны для того, чтобы облегчить возстаніе въ горнопромышленномъ районѣ. На этомъ настоящемъ театрѣ военныхъ дѣйствій прусско-рейнскихъ повстанцевъ все дѣло было погублено, благодаря измѣнѣ буржуазіи, которая послѣ перваго выстрѣла либо бѣжала, либо теряла голову въ дикомъ страхѣ за свое священное имущество, и благодаря тупоумію мелкаго мѣщанства, которое охотнѣе давало себя опутать въ измѣнническія сѣти буржуазіи, чѣмъ двигаться впередъ подъ напоромъ пролетарской революціи. Дрожащіе за свою шкуру мелкіе мѣщане, засѣдавшіе въ эльберфельдскомъ комитетѣ безопасности, расшаркивались безпрестанно передъ буржуазіей. Они выпроводили изъ города Энгельса, который пріѣхалъ туда изъ Кельна, чтобы организовать военное сопротивленіе. Они вполнѣ признавали его дѣятельность, но умоляли его покинуть городъ, такъ какъ буржуазія въ высшей степени встревожена его присутствіемъ и со страхомъ ждетъ каждую минуту, что онъ провозгласитъ красную республику. Энгельсъ, заявившій съ самаго начала, что онъ не сочувствуетъ политическому характеру движенія, отвѣтилъ на эти мольбы, что онъ не желаетъ быть навязчивымъ, но что онъ не можетъ оставить свой постъ, не имѣя на то опредѣленнаго приказа отъ комитета безопасности и отъ коменданта. Отъ комитета онъ тотчасъ же получилъ приказъ, а комендантъ тоже далъ его послѣ многократныхъ просьбъ со стороны буржуазныхъ трусовъ.

Однако, прусскіе генералы не оказались храбрѣе буржуазіи.. Чтобы завоевать четыре совершенно открытыхъ города, эти осторожные военачальники собрали армію въ 20,000 человѣкъ и выстроили ее за рѣкой Руръ въ полномъ стратегическомъ порядкѣ.

Между тѣмъ, вооруженные революціонеры изъ Эльберфельда поняли, что буржуазный классъ только ждетъ удобной минуты, чтобы предать ихъ въ руки контръ-революціи. Они поэтому рѣшили пробиться въ охваченный возстаніемъ Пфальцъ. На пути они испытывали постоянную травлю со стороны возбужденныхъ крестьянъ и прусскихъ улановъ. Буржуазія облегченно вздохнула послѣ ихъ ухода и распорядилась тотчасъ же снять баррикады; зато она выстроила почетныя ворота для пріема приближавшагося войска. Точно такъ же и Гагенъ, и Золингенъ были преданы буржуазіей въ руки войска, и только Изерлонъ былъ взятъ послѣ двухчасового боя.

Тогда, наконецъ, правительство набралось храбрости, чтобы нанести уничтожающій ударъ „Новой Рейнской Газетѣ". Газета имѣла 6,000 подписчиковъ, больше чѣмъ она имѣла до ея закрытія въ сентябрѣ. Она стала революціонной силой, и чѣмъ болѣе приближался послѣдній рѣшительный часъ, тѣмъ гуще сыпались ея удары на голову контръ-революціи. „Крестовая Газета" выдала ей тогда почетную аттестацію, говоря, что въ сравненіи съ ея дерзостью „Moniteur" 1793 года представляется совершенно безобиднымъ. Рыцари государственнаго переворота не въ состояніи были подняться до такой смѣлости. Они предпочли прибѣгнуть къ помощи полицейской сабли и добились высылки Маркса изъ Пруссіи, какъ „иностранца". Остальнымъ редакторамъ также предстояла, какъ заявила полиція, высылка, или, когда высылку невозможно будетъ провести, арестъ. Противъ нихъ было возбуждено нѣсколько десятковъ процессовъ. Такимъ образомъ, „Новая Рейнская Газета" должна была съ 19 мая 1849 года прекратить свой выходъ.

Въ своемъ послѣднемъ номерѣ, печатанномъ красной краской, она предостерегала кельнскихъ рабочихъ отъ всякаго возмущенія въ Кельнѣ. „По военному положенію Кельна вы бы въ случаѣ возмущенія по-

гибли. Вы видѣли на примѣрѣ Эльберфельда, какъ буржуазія посылаетъ рабочихъ въ огонь, а потомъ предаетъ ихъ самымъ вѣроломнымъ образомъ. Осадное положеніе въ Кельнѣ внесло бы деморализацію во всю Рейнскую провинцію, а осадное положеніе будетъ естественнымъ послѣдствіемъ каждаго возмущенія съ вашей стороны въ настоящій моментъ. Пруссаки потеряютъ надежду на ваше спокойствіе. Редакторы „Новой Рейнской Газеты“ выражаютъ вамъ на прощаніи свою благодарность за ваше участіе къ нимъ. Ихъ послѣднее слово всегда и вездѣ будетъ: освобожденіе рабочаго класса!“ Слѣдующими бьющими словами Марксъ клеймилъ совершенное надъ нимъ насиліе: „Къ чему ваши лицемѣрныя фразы, ухватывающіяся за какой-то невозможный предлогъ? Мы не выказываемъ вамъ снисхожденія, мы не требуемъ также снихожденія отъ васъ. Когда очередь дойдетъ до насъ, мы не будемъ прикрашивать терроризма. Но эти террористы, террористы Божьей милостью и освященные правомъ, они на практикѣ жестоки, презрѣнны и подлы, въ теоріи они тупоумны, трусливы и двуязычны, и во всѣхъ отношеніяхъ безчестны. Прусское правительство до того нелѣпо, что не стѣсняется говорить о „позорно нарушенномъ правѣ гостепріимства“ Карломъ Марксомъ. Гостепріимство, которое заносчивые передне-пруссы (Borussen—пруссаки), вкравшись къ намъ, жителямъ рейнскихъ земель, объявили намъ на нашей землѣ, да, это гостепріимство было „позорно“ нарушено „Новой Рейнской Газетой“. Мы думаемъ, однако, что этимъ мы заслужили благодарность Рейнской провинціи. Мы спасли революціонную честь нашей родины“. Фрейлигратъ посвятилъ задушенной газетѣ, поборницѣ пролетаріата, слѣдующіе незабвенные прощальные стихи:

Kein offner Hieb in offner Schlacht,—
Es fällen die Nücken und Tücken,
Es fällt mich die schleichende Niedertracht
Der schmutzigen Westkalmücken!

Aus dem Dunkel flog der tötende Schaft,
Aus dem Hinterhalt fielen die Streiche —
Und so lieg' ich nun da in meiner Kraft,
Eine stolze Rebellenleiche[1]!

Редакція „Новой Рейнской Газеты“ разбрелась въ разныя стороны. Марксъ отправился въ Парижъ, гдѣ еще тогда предстоялъ рѣшительный моментъ, оказавшійся 13-го іюня неблагопріятнымъ для соціалистически-демократической партіи. Вольфъ пошелъ во Франкфуртское собраніе и тщетно старался побудить его къ болѣе энергичному образу дѣйствія. Энгельсъ взялъ винтовку и присоединился къ баденско-пфальцскому возстанію, какъ адъютантъ Виллиха; въ вольныя дружины послѣдняго вступили всѣ борцы революціи, которымъ удалось спастись изъ рейнско-прусскихъ возстаній.

Баденско-пфальцское возстаніе отличалось отъ рейнскихъ и саксонскихъ битвъ тѣмъ, что здѣсь мелкое мѣщанство находилось въ своей средѣ. Жребій надъ сѣверогерманской революціей былъ фактически уже брошенъ во время прусскаго ноябрьскаго кризиса. Послѣ того какъ прусская буржуазія впрягла себя подъ ярмо контръ-революціи, а сѣверо-германское мелкое мѣщанство пошло на помощь этой самоубійственной политикѣ, побѣдоносная революція въ предѣлахъ прусскаго могущества стала вещью невозможной. Всякія сомнѣнія на этотъ счетъ были разсѣяны исходомъ возстаній въ Дрезденѣ и въ горно-промышленномъ районѣ. Иначе обстояло дѣло въ южной Германіи и въ особенности въ югозападной. Тамъ контрасты между буржуазіей и пролетаріатомъ находились еще въ зародышѣ.

Въ Баденѣ почти все населеніе было единодушно въ своей ненависти къ вѣроломному правительству.

---

[1] Не открытый ударъ въ открытой битвѣ постигъ меня. Меня сокрушили козни и коварства, меня сокрушило подкравшееся вѣроломство грязныхъ западныхъ калмыковъ. Изъ темноты вылетѣлъ смертельный ножъ, изъ засады обрушились на меня удары,—и вотъ я лежу въ полной своей силѣ, гордый трупъ повстанца.

Оно не успокоилось и тогда, когда великій герцогъ соизволилъ признать имперскую конституцію. Армія, терпѣвшая отъ грубости и насилія юнкерскихъ офицеровъ, стала во главѣ революціоннаго движенія и способствовала его побѣдоносному развитію. Меньшее единодушіе царило въ сосѣднемъ рейнскомъ Пфальцѣ, гдѣ было нѣсколько реакціонныхъ округовъ. Но и эта провинція свергла съ себя баварское ярмо, и здѣсь часть войска перешла на сторону народа. За исключеніемъ старобаварскаго войска, броженіе замѣчалось во всѣхъ войсковыхъ частяхъ южной Германіи, и населеніе Вюртемберга, Гессена, Нассау, Франконіи только и ждало общаго сигнала къ возмущенію. Если бы баденское войско пошло на Франкфуртъ и привело подъ свое вліяніе германское національное собраніе, вся югозападная Германія превратилась бы въ военный лагерь революціи, а тогда нужно было бы считаться съ возможностью крупнаго успѣха революціи въ Рейнскихъ Земляхъ.

Но всѣ эти перспективы и возможности были сведены къ нулю мелкомѣщанскимъ комитетомъ, господствовавшимъ въ Карлсруэ въ качествѣ революціоннаго правленія. Главная вина за это падаетъ на адвоката Брентано, члена франкфуртской лѣвой, игравшаго руководящую роль въ этомъ комитетѣ. Онъ упорно уклонялся отъ принятія мѣръ, которыя бы могли вовлечь страну въ борьбу, но которыя выходили за предѣлы его мелкомѣщанскаго горизонта. Карлсруэскіе Брентано такъ же противились открытію похода на Франкфуртъ, какъ франкфруртскіе Фогты противились принятію на себя руководства возстаніемъ въ югозападной Германіи. Брентано былъ бы не прочь использовать революціонное движеніе для того, чтобы получить министерскій портфель отъ великаго герцога, но ему совсѣмъ не улыбалась возможность занять мѣсто убѣжавшаго правителя. Все, что онъ дѣлалъ, онъ соображалъ съ тѣмъ, какъ онъ будетъ за это отвѣчать

послѣ возвращенія его законнаго правителя, и поэтому онъ предпринялъ все зависящее отъ его почти неограниченной власти, чтобы завести баденско-пфальцскую революцію въ тупикъ. Попытка болѣе энергичныхъ элементовъ заставить его вести революціонную политику не имѣла успѣха, вслѣдствіе его широкой популярности въ народѣ. Правда, эта широкая популярность скоро уступила мѣсто сильному презрѣнью, когда Брентано бѣжалъ при приближеніи прусскихъ войскъ и оставилъ въ рукахъ мстительныхъ враговъ баденское мелкое мѣщанство. Но первое впечатлѣніе о немъ было столь же несправедливо или, смотря по тому, съ какой стороны смотрѣть на это, столь же справедливо, какъ и второе. Та же мелкомѣщанская хитрость, которая сдѣлала Брентано любимцемъ баденскихъ филистеровъ, и предала баденскую революцію.

Когда выяснилось, что баденская революція остается однимъ мѣстнымъ возстаніемъ, главное ея значеніе было потеряно. Но и въ этомъ ограничительномъ смыслѣ Брентано ничего не сдѣлалъ, чтобы спасти ее. Депутатовъ изъ Пфальца, которые просили у него денегъ пушекъ и ружей, онъ накормилъ пустыми разговорами. Онъ даже не отважился отмѣнить феодальныя тяготы, подъ которыми еще стонали баденскіе крестьяне. Онъ также ничего не дѣлалъ для организаціи военныхъ силъ, на что у него было достаточно времени, отъ середины мая до середины іюня. Кромѣ 21,000 человѣкъ изъ линейныхъ войскъ, перешедшихъ въ Баденѣ и въ Пфальцѣ на сторону народа, возстаніе могло разсчитывать на 8—10 тысячъ ополченцевъ и на 13—15 тысячъ человѣкъ изъ гражданской милиціи. И эти довольно солидныя силы проводили праздно время, шатаясь по кабакамъ. Лейтенантъ Зигель, первоначально командующій баденскимъ войскомъ, отличался усердіемъ и смѣлостью, но не могъ при своей молодости пріобрѣсть авторитетъ. Другіе офицеры, которымъ было ввѣрено воен-

ное министерство, ничего не дѣлали и даже не были вполнѣ надежны.

Лишь въ минуту крайней нужды Брентано согласился передать командованіе баденско-пфальцскимъ войскомъ поляку Мѣрославскому, который принялся за свою задачу съ большимъ усердіемъ и умѣлостью, но и онъ не могъ исправить сдѣланныхъ упущеній. Въ своемъ приказѣ отъ 13 іюня онъ опредѣлилъ численность баденской, рейнской и некарской арміи въ 20,000 человѣкъ, изъ которыхъ только двѣ третьихъ могли быть употреблены для боя, и въ лучшемъ случаѣ половина въ состояніи была вести правильное сраженіе. Кромѣ того, имѣлась еще боевая сила въ Пфальцѣ, вооруженіе которой во время расцвѣта состояло изъ 5—6 тысячъ ружей и 1,000—1,500 косъ. Это была пестрая смѣсь изъ регулярнаго войска и ополченія; дисциплины тамъ не было никакой. Готовыми къ бою были почти только отряды Виллиха, насчитывавшіе 7—800 человѣкъ, и рейнско-гессенская вольная дружина, состоявшая изъ прекрасныхъ рядовыхъ, но имѣвшая своими начальниками Цица и Людвига Бамбергера, столько же опытныхъ въ бѣгствѣ, сколько неопытныхъ въ борьбѣ.

Въ общемъ, независимо отъ Брентано и его комитета, военное и политическое руководство страдало большими дефектами. Тѣ польскіе офицеры, которые предлагали свои услуги возстанію, мало годились для своей роли, такъ какъ лучшія силы изъ польской эмиграціи были заняты на венгерскомъ театрѣ войны. Генералъ Шнайде, который долженъ былъ командовать пфальцской арміей, оказался неспособнымъ и безнадежнымъ пьяницей. Но у него былъ дѣльный начальникъ штаба Теховъ, который за участіе въ нападеніи на берлинскій арсеналъ былъ присужденъ къ 15 годамъ крѣпости, но счастливо бѣжалъ изъ магдебургской тюрьмы. На ряду съ Теховымъ выдавался, какъ умѣлый и смѣлый борецъ, бывшій прусскій лей-

тенантъ Виллихъ. Другіе офицеры оказались со средними способностями, а часто совсѣмъ не обнаруживали никакихъ боевыхъ способностей. Изъ нихъ больше всѣхъ отличался Іоганнъ Филиппъ Беккеръ, которому Мѣрославскій поручилъ командовать баденскими ополченцами. Со времени событій въ Гамбахѣ, Беккеръ развивался въ революціонномъ смыслѣ и въ школѣ швейцарской милиціи усвоилъ себѣ организаціонное искусство, стратегію и тактику.

Въ гражданскомъ вѣдомствѣ развивалась страшная погоня за мѣстами, которая скрывалась подъ стремленіемъ къ „концентраціи всѣхъ демократическихъ силъ Германіи". Какъ Брентано и Цицъ, такъ и Арнольдъ Руге не прибавилъ много чести франкфуртской лѣвой, когда онъ домогался поста баденскаго посланника въ Парижѣ. Нѣкоторые другіе парламентаріи показали, что имъ надоѣла эта вѣчная болтовня, и что они способны на болѣе крупныя дѣла. Въ Пфальцѣ Д'Эстеръ былъ душой всей практической организаціонной работы; въ Мангеймѣ Трючлеръ занималъ постъ гражданскаго комиссара; въ баденской арміи старикъ Шлеффель былъ дѣятельнымъ военнымъ комиссаромъ, а его сынъ сражался въ переднихъ рядахъ. Къ сожалѣнію, дѣльнымъ „иностранцамъ" и „сѣверо-германцамъ" много приходилось страдать отъ ревнивыхъ баденцевъ и пфальцевъ, зараженныхъ мелкимъ приходскимъ патріотизмомъ.

Противъ этого возстанія, внутренне разслабленнаго, двигались подъ командой принца прусскаго громадныя военныя силы. Ничего не стоило однимъ быстрымъ наступленіемъ подавить баденско-пфальцскую революцію. Но контръ-революція предпочитала вести свою игру съ осторожностью. Она имѣла къ тому основаніе, такъ какъ настроеніе германскихъ войскъ и рейнскихъ ратниковъ было далеко не надежное. Два прусскихъ отряда, Гребена и Гиршфельда, союзный отрядъ Пейкера, составленный изъ войсковыхъ

частей малыхъ и среднихъ государствъ, баварскій резервный отрядъ Турна и Таксиса, не считая двухъ обсерваціонныхъ отрядовъ, выстроенныхъ вюртембергскимъ правительствомъ въ Гейлбронѣ и австрійскимъ въ Форарльбергѣ, окружили со всѣхъ сторонъ очагъ югозападно-германскаго возстанія. Уже одни три отряда Гребена, Гиршфельда и Пейкера представляли подавляющее превосходство силъ: шестьдесятъ тысячъ человѣкъ строго дисциплинированнаго и хорошо вооруженнаго войска противъ пары десятковъ тысячъ недостаточно вооруженныхъ, недостаточно обученныхъ и часто лишенныхъ хорошаго руководства повстанцевъ.

Трагикомическая паника, охватывавшая часто въ бою повстанцевъ, показала, что имъ недоставало военной дисциплины; но, съ другой стороны, они своими примѣрами удивительнаго геройства показали, что въ нихъ живетъ революціонный духъ. Коммунисты и пролетаріи, сражавшіеся въ ихъ рядахъ, оказались самыми храбрыми солдатами. Въ рѣшительной схваткѣ при Ваггейзелѣ, которую повстанцы потеряли, но потеряли съ честью, палъ молодой Шлеффель во главѣ своего батальона. Трудное отступленіе отъ Гейдельберга къ Карлсруэ и Раштату, черезъ горы прикрывалъ Беккеръ своими необученными ополченцами такъ ловко и успѣшно, что даже прусская военная пресса выразила свою признательность этому военному подвигу. Подъ стѣнами Раштата собрались 13,000 человѣкъ, послѣдніе остатки баденскаго и пфальцскаго войска; они такъ храбро сражались въ продолженіе двухъ дней при Мургѣ, что непріятель, превосходившій ихъ въ шесть разъ своей численностью, могъ отбить ихъ на нейтральную вюртембергскую территорію только путемъ обхода. Въ этой битвѣ палъ Молль, получившій пулю въ голову. Изъ Лондона, куда онъ бѣжалъ послѣ кельнскихъ сентябрьскихъ безпорядковъ, онъ еще зимою вернулся въ Германію, чтобы сызнова начать агитацію въ

пролетаріатѣ. Какъ всегда, онъ и въ баденско-пфальцскомъ возстаніи выразилъ готовность взяться за самыя опасныя задачи. До открытія военныхъ дѣйствій онъ вербовалъ въ прусской арміи канонировъ для пфальцской артиллеріи. Послѣ потери линіи Мурга остаткамъ революціонной арміи оставалось только спастись бѣгствомъ въ Швейцарію.

Контръ-революція побѣдила, но лавры не достались на ея долю. Зато она снова усердно взялась за свое привычное дѣло избіенія. Какъ въ Дрезденѣ, такъ и послѣ отдѣльныхъ схватокъ въ Баденѣ и въ Пфальцѣ безоружные плѣнные разстрѣливались солдатами. Послѣ окончательнаго подавленія всего возстанія въ Мангеймѣ, Раштатѣ и Фрейбургѣ были учреждены военные суды. Они, очевидно, не совсѣмъ вникли въ суть своей варварской задачи и осудили привлеченныхъ къ нимъ революціонныхъ борцовъ не къ смертной казни, а къ долголѣтней каторгѣ. Тогда изъ главной квартиры поступилъ приказъ принца прусскаго назначить новые военные суды, оторые, дѣйствительно, обнаружили лучшее пониманіе цивилизаціи прусской контръ-революціи. Они приговорили 28 революціонеровъ къ смертной казни; между ними были люди, какъ Трютлеръ и учитель Геферъ, которые совсѣмъ не принимали участія въ бою. Всѣ осужденные встрѣтили смерть, какъ герои, засвидѣтельствовавъ этимъ благородство человѣческой натуры, котораго нисколько не обнаруживалъ принцъ прусскій своимъ бѣгствомъ послѣ 18 марта. 68 другихъ борцовъ за свободу отправились по приговору военныхъ судовъ на десять лѣтъ въ каторгу. Поэтъ Готтфридъ Кинкель, который служилъ вмѣстѣ съ Моллемъ рядовымъ въ вольной дружинѣ Виллиха, былъ раненъ въ битвѣ при Мургѣ и попалъ въ плѣнъ, былъ „помилованъ“ королемъ Пруссіи на пожизненную каторгу, послѣ того какъ военный судъ приговорилъ его къ пожизненному заключенію въ крѣпости. Это одна изъ благочести-

выхъ шутокъ романтическаго короля, вдохновеннаго „обращеніемъ взоровъ кверху". Нѣтъ числа жертвамъ, погибшимъ въ застѣнкахъ Раштата отъ голода, побоевъ и отъ тифа, свирѣпствовавшаго въ этихъ сырыхъ, душныхъ конурахъ.

Въ памяти южно-германскаго населенія надолго осталось имя „картечнаго принца", какъ на западѣ Англіи имя Джефрата послѣ, такъ называемыхъ, „кровавыхъ ассизовъ".

3. Нѣмецкая эмиграція.

Къ серединѣ 1849 года германская революція пришла къ концу, и бѣлый терроръ господствовалъ отъ Мангейма до Мемеля. Онъ подставлялъ свои жертвы подъ пули военно-полевыхъ судовъ или же терзалъ ихъ въ тюрьмахъ и на каторгѣ. Какъ до 1848 года, теперь революціонная пропаганда въ Германіи стала возможной только путемъ тайной организаціи, открыто же она могла вестись только изъ-за границы.

Поскольку она была возможна, ее нельзя было считать совершенно безполезной. Во Франціи все еще не былъ брошенъ окончательный жребій, и, такимъ образомъ, судьба европейской революціи не была еще окончательно рѣшена. Понятно поэтому, что бѣглецы изъ Германіи, собравшіеся тысячами въ Англіи и особенно въ Швейцаріи, надѣялись на скорое пробужденіе революціи въ своемъ отечествѣ и усердно готовились къ ней. Во всѣхъ отношеніяхъ плачевное положеніе, въ которомъ они находились, сдѣлало ихъ напряженныя попытки еще болѣе отчаянными, но съ уменьшеніемъ шансовъ революціи ихъ политическіе взоры все далѣе затуманивались. Къ тому же нѣмецкая эмиграція представляла собой разношерстную массу. Насилія контръ-революціи изгнали изъ родины самыхъ безобидныхъ мятежниковъ. Въ средѣ нѣмецкой эмиграціи можно было найти представителей всевозможныхъ оттѣнковъ оппозиціи, отъ медлитель-

ныхъ парламентаріевъ до энергичныхъ и рѣшительныхъ коммунистовъ.

Каждая попытка объединить эту массу для единаго дѣйствія была съ самаго начала обречена на неудачу, и когда она все же дѣлалась,—она сводилась къ пустому шуму велерѣчивыхъ воззваній; при первомъ шагѣ къ дѣлу, начинались невозможныя распри. Столкновенія между классами, опредѣлившія ходъ революціи, не могли быть обойдены, и дали себя знать и въ эмиграціи. Въ иллюзіяхъ, которыя безпрестанно создаетъ и разрушаетъ жалкое прозябаніе эмиграціи, эти классовыя столкновенія принимали часто такую форму, которая могла только радовать, а не озабочивать контръ-революцію; впрочемъ, побѣдоносный абсолютизмъ и феодализмъ смотрѣли на „жизненныя тѣни своего террора черезъ отраженіе ихъ въ выпукломъ зеркалѣ тревожной совѣсти“.

Реакція не переставала тѣснить эмигрантовъ, и въ Швейцаріи она при этомъ имѣла полный успѣхъ. Какъ много разъ до и послѣ того, швейцарское право убѣжища перестало функціонировать какъ разъ въ тотъ моментъ, когда оно должно было показать свою силу. Швейцарія, какъ часто говаривалъ Марксъ, находилась въ скверномъ положеніи маленькой страны, имѣвшей великую исторію. Ея политическія средства были недостаточны для выполненія ея историческихъ обѣщаній. Европейская реакція позволяла ей демократическое развитіе подъ тѣмъ условіемъ, чтобы она свое право убѣжища для иностранцевъ поставила въ извѣстные моменты подъ контроль заинтересованной крупной державы. Въ 1849 году это условіе нашло себѣ характерное выраженіе въ томъ, что радикалъ Друэй, который въ то время сталъ шефомъ федеративно-швейцарскаго департамента юстиціи и полиціи, долженъ былъ исправлять полицейскія обязанности въ пользу Священной Коалиціи. Этотъ другъ Вейтлинга выслалъ коммунистическихъ рабочихъ изъ Швейцаріи.

Онъ получилъ за это слѣдующую отповѣдь отъ женевскихъ эмигрантовъ: „Да постыдится швейцарскій крестъ передъ турецкимъ полумѣсяцемъ, который выставляетъ свои рога и не падаетъ ницъ, когда ловцы эмигрантовъ стучатся въ его двери". Друэй стоналъ и корчился въ безсиліи, увѣряя, что въ политикѣ нѣтъ справедливости, и вручалъ изъ своего кармана изгнаннымъ эмигрантамъ нѣсколько грошей на дорожные расходы.

Это, однако, нисколько не остановило травли эмигрантовъ въ Швейцаріи. За сравнительно короткое время Швейцарія очистилась отъ тѣхъ 11,000 германскихъ эмигрантовъ, которые поселились въ ея предѣлахъ. Большинство ихъ было вынуждено эмигрировать въ Америку, чего, именно, добивались ихъ высокопоставленные угнетатели. Но обыкновенно и тутъ къ грубости присоединилась клевета. Швейцарскіе радикалы приписывали высланнымъ эмигрантамъ всевозможные революціонные планы или же подозрѣвали ихъ въ шпіонствѣ. Они нашли при этомъ добровольныхъ пособниковъ въ лицѣ германскихъ парламентаріевъ такого сорта, какъ Карлъ Фогтъ, которые не брезгали купить себѣ убѣжище цѣной оклеветанія своихъ болѣе честныхъ и болѣе энергичныхъ товарищей по изгнанію.

Какъ на образецъ этихъ интригъ, можно указать на полицейскую комедію, разыгранную въ февралѣ 1850 года съ такъ называемымъ „революціоннымъ днемъ въ Муртенѣ". Революціонные пролетаріи изъ среды германскихъ эмигрантовъ основали рабочіе кружки или же возобновили встрѣчавшіеся въ разныхъ мѣстахъ обломки германскихъ ферейновъ временъ младогерманской и коммунистической агитаціи. Такихъ рабочихъ кружковъ было 24—въ Женевѣ, Лозаннѣ, Бернѣ, Цюрихѣ, Базелѣ, Винтертурѣ и другихъ мѣстахъ; число ихъ членовъ колебалось: въ самомъ малочисленномъ кружкѣ было 6 членовъ, въ самомъ

многолюдномъ 112. Между разными кружками образовалась, конечно, болѣе или менѣе тѣсная связь. Надъ этимъ планомъ особенно дѣятельно работалъ Вильгельмъ Либкнехтъ, стоявшій во главѣ женевскаго рабочаго кружка.

Вильгельмъ Либкнехтъ былъ тогда 24 лѣтъ отъ роду. Онъ вышелъ изъ старинной гессенской чиновничьей и ученой семьи, гимназическій курсъ онъ прошелъ очень скоро и съ отличіемъ, но въ университетѣ онъ убѣдился, что изъ него не выйдетъ ни нѣмецкій чиновникъ, ни нѣмецкій ученый. Въ 1847 году онъ хотѣлъ эмигрировать въ Америку, но случайная встрѣча съ однимъ швейцарскимъ учителемъ побудила его направить свои шаги въ республиканскую Швейцарію, чтобы обождать тамъ разряженія электричества, которымъ была тогда насыщена атмосфера всей Европы. Гроза февральской революціи привлекла его въ Парижъ, и только вслѣдствіе тяжелой болѣзни онъ не могъ участвовать въ походѣ Гервега. Послѣ этого онъ вернулся обратно въ Швейцарію и принималъ участіе въ сентябрьскомъ бунтѣ, устроенномъ Струве въ Баденѣ. Попавши въ плѣнъ, онъ сидѣлъ въ баденскихъ тюрьмахъ, пока майская революція его не освободила. Тогда онъ вступилъ канониромъ въ народное ополченіе, находившееся подъ командой Іоганна Филиппа Беккера, и былъ среди тѣхъ революціонныхъ элементовъ, которые пытались укрѣпить хребетъ Брентано. За это Брентано распорядился бросить его въ раштатскіе казематы. Послѣ вторичнаго своего освобожденія Либкнехтъ участвовалъ въ борьбѣ за имперскую конституцію. Какъ эмигрантъ, въ Женевѣ онъ пытался объединить германскіе рабочіе кружки въ крѣпкую организацію съ соціалистической программой. Еще будучи гимназистомъ, Либкнехтъ проглатывалъ сочиненія Сенъ-Симона; а благодаря практическому опыту революціи—его умъ быстро созрѣлъ для пониманія классовой борьбы въ буржуазномъ обществѣ.

Его попытки создать крѣпкую организацію германскихъ рабочихъ кружковъ происходили совершенно открыто. Въ открытомъ окружномъ посланіи онъ обратился къ этимъ кружкамъ съ предложеніемъ послать делегатовъ на конгрессъ, который долженъ былъ состояться 20 февраля 1850 года въ Муртенѣ. Но когда на конгрессъ явились представители 16 кружковъ, они были арестованы швейцарскими властями подъ вымышленнымъ обвиненіемъ, что они разрабатывали планъ вооруженнаго нападенія на Баденъ. Было назначено подробное слѣдствіе, оффиціальный „общій результатъ“ котораго достаточно выяснилъ мотивы и цѣли всего этого скандала. По даннымъ слѣдствія было, во-первыхъ, какъ „вполнѣ доказано“, установлено, что германскіе рабочіе въ Швейцаріи организовались для новой революціи, которая должна опрокинуть не только троны, но и соціальныя учрежденія, прежде всего, въ Германіи. Во-вторыхъ было въ оффиціальномъ документѣ сказано, что „исторически неправильно и потому несправедливо считать Швейцарію очагомъ германской революціи“, такъ какъ революціонная пропаганда велась, какъ показываютъ данныя слѣдствія, главнымъ образомъ иностранцами. Въ-третьихъ, было оповѣщено, что рабочіе кружки находились въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ эмигрантами, и этотъ добытый слѣдствіемъ фактъ долженъ успокоить всѣхъ тѣхъ, которые видѣли несправедливость въ высылкѣ главарей эмигрантовъ. Швейцарскій союзный совѣтъ, ставъ орудіемъ Священной Коалиціи, умывалъ свои руки какъ передъ тѣми, которые упрекали его въ поощреніи революціонной пропаганды, такъ и передъ тѣми, которые порицали его преслѣдованіе эмигрантовъ. Въ результатѣ на основаніи этого глубокомысленнаго и безпристрастнаго слѣдствія члены 16 рабочихъ кружковъ, представители которыхъ собрались въ Муртенѣ, „за исключеніемъ швейцарскихъ гражданъ“, были высланы, и ихъ имена были переданы дипломатическимъ путемъ герман-

скимъ правительствамъ; остальные же германскіе рабочіе кружки были „пока поставлены подъ надзоръ полиціи“.

Съ разгромомъ рабочихъ кружковъ въ Швейцаріи была уничтожена единственная организація германскихъ эмигрантовъ, которая бы могла разсчитывать на продолжительное функціонированіе. Другія организаціи оказались быстро преходящими явленіями, такъ какъ онѣ образовались изъ совершенно разношерстныхъ элементовъ. Изъ нихъ единственная сколько-нибудь значительная организація была такъ называемая „Революціонная Централизація“, въ которой пестрѣли различнѣйшія направленія, начиная съ нѣкоторыхъ членовъ Союза Коммунистовъ и кончая безобидными ораторами за кружкой пива изъ южно-германской демократіи. Это былъ генеральный штабъ безъ солдатъ; его ядро образовали военные вожди баденско-пфальцскаго возстанія, Іоганнъ Филиппъ Беккеръ, Зигель, Теховъ и другіе. Эта организація отправила двухъ эмиссаровъ въ Германію, студента Шурца, который вернулся съ извѣстіемъ, что всѣ годныя силы уже находятся въ рукахъ Союза Коммунистовъ, и шлезвигца Бруно, стараго революціонера тридцатыхъ годовъ, который раньше принадлежалъ къ Союзу Гонимыхъ, а затѣмъ къ Союзу Коммунистовъ; теперь же онъ старался отвлечь нѣсколько общинъ и членовъ отъ Союза Коммунистовъ въ пользу Революціонной Централизаціи.

За это онъ былъ исключенъ изъ Союза Коммунистовъ, который изъ принципіальныхъ соображеній отвергъ предложенное ему въ 1850 году объединеніе съ Революціонной Централизаціей. Когда Теховъ мѣсяцемъ позже прибылъ въ Лондонъ для веденія переговоровъ съ Марксомъ и Энгельсомъ, Революціонная Централизація уже прекратила свое существованіе.

Единственная серьезная попытка привлечь германскую эмиграцію, какъ дѣятельную силу, къ участію

въ событіяхъ Германіи, исходила отъ Маркса, Энгельса и ихъ ближайшихъ друзей. Послѣ пораженія 13-го іюня, Марксу была поставлена французскимъ правительствомъ альтернатива, либо удалиться въ Бретань, либо покинуть Францію. Онъ переселился въ Лондонъ, гдѣ его ожидали гнетущія заботы изгнанія. Но эти заботы такъ же мало поколебали равновѣсіе этого сильнаго ума, какъ страшное разочарованіе историческаго развитія. Въ „Обозрѣніи Новой Рейнской Газеты", ежемѣсячномъ журналѣ, основанномъ Марксомъ въ январѣ 1850 года, онъ тотчасъ же взялся за критическій анализъ революціи, которую онъ только что активно пережилъ. Его вѣрнымъ помощникомъ при этомъ былъ Энгельсъ, который тоже вскорѣ переселился изъ Швейцаріи въ Лондонъ. Первыя три книжки журнала были почти исключительно заполнены статьями Маркса о французской революціи и статьями Энгельса о борьбѣ за германскую имперскую конституцію. Они въ этихъ статьяхъ основательно раздѣлались со всѣми иллюзіями, не впадая, однако, въ безплодный пессимизмъ и не прибѣгая къ дешево-мудрымъ заклинаніямъ. Они разсѣяли весь этотъ лазурный туманъ, скрывавшій причины революціоннаго упадка, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они тщательно оберегали каждую искру, которая могла бы снова разгорѣться въ революціонное пламя. Они еще не думали, что революціонный натискъ исчерпалъ уже всѣ свои силы.

Въ этихъ статьяхъ Марксъ и Энгельсъ сдѣлали первыя попытки изслѣдовать цѣлые періоды современной исторіи по ихъ внутреннимъ связямъ на основаніи историческаго матеріализма. Они вскрыли борьбу классовъ во всей ея обнаженной рѣзкости, въ то время, какъ демократическая и реакціонная публицистика справлялась съ этимъ съ помощью общихъ крылатыхъ словъ. На анализѣ общественнаго и политическаго развитія Германіи Энгельсъ выяснилъ,

почему борьба за имперскую конституцію окончилась неудачей и почему она такъ должна была окончиться. Въ своей безпощадной критикѣ онъ не останавливался передъ рѣзкими словами, но онъ изъ-за комическихъ эпизодовъ германской революціи не забывалъ и ея внутренняго трагизма. Онъ закончилъ слѣдующими словами: „Баденскій народъ имѣлъ лучшіе военные элементы. Но эти элементы въ возстаніи были съ самаго начала до того испорчены, что въ результатѣ возникло то плачевное положеніе, которое мы описывали. Вся „революція" выродилась въ настоящую комедію, и единственнымъ утѣшеніемъ было то, что противникъ, будучи въ шесть разъ сильнѣе, въ шесть разъ меньше обнаруживалъ смѣлость и рѣшительность. Но эта комедія имѣла трагическій исходъ, благодаря кровожадности контръ-революціи. Тѣ же воины, которые въ походѣ или на полѣ битвы не разъ были охвачены паническимъ страхомъ, умерли какъ герои во рвахъ Раштата. Ни одинъ изъ нихъ не просилъ пощады, ни одинъ изъ нихъ не дрожалъ. Нѣмецкій народъ не забылъ разстрѣловъ и казематовъ въ Раштатѣ. Онъ не забудетъ тѣхъ высокихъ господъ, по приказу которыхъ совершились эти дѣянія, онъ не забудетъ и тѣхъ измѣнниковъ, которые своей трусостью довели дѣло до такого конца: онъ не забудетъ этихъ Брентано, ни карлсруэскихъ, ни франкфуртскихъ". Нѣмецкій народъ или, по крайней мѣрѣ, буржуазный классъ, который такъ охотно себя величаетъ „нѣмецкимъ народомъ", не можетъ жаловаться, что Энгельсъ его обидѣлъ. Нѣмецкая буржуазія снова и снова выдвигала впередъ „карлсруэскихъ и франкфуртскихъ Брентано", она обоготворила тѣхъ „высокихъ господъ", которые приказали разстрѣлять храбрыхъ борцовъ за ея освобожденіе.

Марксъ выбралъ для своихъ изслѣдованій еще болѣе сложную историческую тему,—французскую революцію. Въ глазахъ идеологическаго политика эта

революція представлялась неразрѣшимымъ хаосомъ. И неудивительно,—если принять ярлыки вещей за самыя вещи, то ничего не остается кромѣ полной загадки. Марксъ прояснялъ картину этихъ путанныхъ столкновеній между классами, освѣщая ихъ съ ихъ центральнаго пункта, со стороны тѣхъ экономическихъ противорѣчій, которыя и вызвали эти столкновенія. Какъ часто въ этихъ статьяхъ Марксу удается выяснить самые запутанные текущіе вопросы парой эпиграмматическихъ предложеній! Сколько наговорили просвѣщенныя головы французской буржуазіи и даже доктринеры соціалисты въ парижскомъ національномъ собраніи о правѣ на трудъ, и какъ мѣтко и полно Марксъ выразилъ историческій смыслъ или безсмыслицу этого лозунга въ немногихъ словахъ! „Въ первомъ проектѣ конституціи, выработанномъ до іюньскихъ дней, стояло еще это право на трудъ, эта безпомощная формула, въ которой выражались революціонныя требованія пролетаріата. Оно затѣмъ превратилось въ право на общественную помощь, и какое современное государство не продовольствуетъ въ той или иной формѣ своихъ нищихъ? Право на трудъ въ буржуазномъ смыслѣ слова есть безсмыслица, жалкое благое пожеланіе, но за требованіемъ права на трудъ стоитъ требованіе власти надъ капиталомъ, за властью надъ капиталомъ—присвоеніе орудій производства, ихъ подчиненіе контролю организованнаго рабочаго класса, т. е. упраздненіе наемнаго труда, капитала и ихъ взаимоотношеній". Это классическое объясненіе не остановило на себѣ вниманія нѣмецкихъ ученыхъ, и спустя цѣлое поколѣніе, когда Бисмаркъ изъ демагогическихъ побужденій пытался перевернуть капиталистическое право на призрѣніе бѣдныхъ въ соціалистическое право на трудъ, нѣмецкіе ученые снова повторили всю путаницу понятій, царившую во французскомъ національномъ собраніи 1848 года. Это были тѣ же ученые мужи, которые въ то же время под-

няли страшный вой изъ-за пустопорожности матеріалистическаго объясненія исторіи за то, что Марксъ весною 1850 года, имѣя на то весьма вѣскія основанія, высказывалъ ожиданіе новой революціи, въ виду пролетарски-соціалистической побѣды на выборахъ въ Парижѣ и въ виду составленнаго буржуазіей заговора противъ всеобщаго избирательнаго права.

На ряду съ литературной пропагандой Марксъ и Энгельсъ взялись также за практическую пропаганду. Они основали эмиграціонный комитетъ и реорганизовали Союзъ Коммунистовъ, почти всѣ старые члены котораго, снова собрались въ Лондонѣ. Кромѣ Молля не было въ Лондонѣ также Вильгельма Вольфа, который въ то время еще жилъ въ Швейцаріи и лишь въ 1851 году отправился въ Лондонъ. Эти пробѣлы были восполнены новыми силами, Вилихомъ, Либкнехтомъ и Конрадомъ Шраммомъ. О послѣднемъ Марксъ писалъ: „Его бурная, дѣятельная, огненная натура, которая никогда не давала себя сковывать повседневными интересами, была пропитана критическимъ умомъ, оригинальной силой мысли, ироническимъ юморомъ и наивнымъ добродушіемъ; это былъ Перси— воодушевитель въ нашей партіи“. Были также возстановлены старыя и завязаны новыя связи съ революціоннымъ крыломъ чартизма, съ французской партіей движенія и съ венгерской эмиграціей.

На европейскомъ континентѣ Союзъ былъ благодаря жестокимъ гоненіямъ почти совершенно подавленъ въ Бельгіи. Во Франціи онъ совсѣмъ прекратилъ свое существованіе. Эвербекъ ушелъ отъ практической агитаціи, считая свою литературную дѣятельность важнѣе, чѣмъ коммунистическую пропаганду. Но въ Германіи еще работали нѣкоторые члены Союза, а кружки рабочихъ, крестьянъ, поденщиковъ и гимнастовъ, которые еще не были насильственно закрыты, представляли прекрасный контингентъ людей для вербовки въ Союзъ. Генрихъ Бауэръ былъ отправленъ Цен-

тральнымъ Комитетомъ въ качествѣ эмисара въ Германію, и, благодаря его ловкой дипломатіи, ему удалось привлечь къ активной организаціи впавшихъ въ уныніе или дѣйствовавшихъ на собственный страхъ членовъ Союза, и также самыхъ вліятельныхъ руководителей Братства Рабочихъ. Затѣмъ еще были руководящія силы въ Гамбургѣ для Шлезвигъ-Голштиніи, въ Шверинѣ для Мекленбурга, въ Бреславлѣ для Силезіи, въ Лейпцигѣ для Саксоніи и Берлина, въ Нюрнбергѣ для Баваріи, въ Кельнѣ для Рейнскихъ Земель и Вестфаліи. Въ Геттингенѣ и Штуттгартѣ были еще отдѣльныя общины, которыя поддерживали непосредственную связь съ Центральнымъ Комитетомъ. Въ Геттингенѣ молодой Микель ратовалъ за диктатуру пролетаріата съ энтузіазмомъ и рвеніемъ, часто не по разуму и не брезгающимъ іезуитскими средствами.

Въ мартѣ 1850 года Центральный Комитетъ обратился съ воззваніемъ къ нѣмецкимъ членамъ Союза. Воззваніе это исходило изъ того, что предстоитъ новая революція, „которая можетъ быть вызвана либо самостоятельнымъ возстаніемъ французскаго пролетаріата, либо нападеніемъ Священной Коалиціи на революціонный Вавилонъ“. Какъ мартовская революція привела къ побѣдѣ буржуазіи, такъ предстоящая революція приведетъ къ побѣдѣ мелкаго мѣщанства, которое, съ своей стороны, предастъ рабочій классъ. Отношеніе революціонной рабочей партіи къ мелко-мѣщанскимъ демократамъ воззваніе формулируетъ слѣдующимъ образомъ: „Она идетъ вмѣстѣ съ ними противъ той фракціи, паденія которой они добиваются. Она выступаетъ противъ нихъ во всемъ томъ, что они хотятъ укрѣпить за собой“.

Мелкіе мѣщане постараются использовать побѣдоносную революцію для преобразованія капиталистическаго общества, чтобы оно стало удобнѣе и сноснѣе для ихъ собственнаго класса и, до извѣстной степени,

также для рабочихъ. Но этимъ ни въ коемъ случаѣ не можетъ удовлетвориться пролетаріатъ. Въ то время, какъ демократическіе мелкіе мѣщане будутъ торопить къ возможно скорому завершенію революціи послѣ проведенія своихъ ограниченныхъ требованій, задача рабочихъ будетъ сдѣлать въ своихъ интересахъ революцію непрерывной до тѣхъ поръ, „пока всѣ, болѣе или менѣе, имущіе классы не будутъ оттѣснены отъ власти, пока государственная власть не будетъ завоевана пролетаріатомъ и ассоціація рабочихъ не только въ одной странѣ, но во всѣхъ господствующихъ странахъ міра не будетъ настолько развита, что въ этихъ странахъ прекратится конкурренція между рабочими и, по крайней мѣрѣ, самыя важныя производительныя силы не будутъ сосредоточены въ рукахъ рабочихъ".

Воззваніе предостерегаетъ нѣмецкихъ рабочихъ, чтобы они не поддавались на обманъ объединительныхъ и примирительныхъ проповѣдей мелкомѣщанскихъ демократовъ и, чтобы они не давали себя деградировать до степени придатка буржуазной демократіи. Они должны крѣпко и прочно сорганизоваться, чтобы послѣ побѣды революціи, которая будетъ одержана только благодаря ихъ смѣлости, рѣшительности и жертвоспособности, диктовать побѣдоносному мелкому мѣщанству такія условія, которыя бы съ самаго начала внесли въ господство буржуазныхъ демократовъ зародышъ ихъ гибели и которыя бы значительно облегчили переходъ власти отъ буржуазіи къ пролетаріату. „Во время конфликта и непосредственно послѣ битвы рабочіе должны, поскольку возможно, противодѣйствовать буржуазнымъ примирительнымъ планамъ и заставить демократовъ привести въ исполненіе свои теперешнія террористическія фразы". Они должны по возможности дольше сохранить непосредственно революціонное возбужденіе. „Рабочіе отнюдь не должны выступить противъ такъ называемыхъ эксцессовъ,

противъ проявленія народной мести къ ненавистнымъ лицамъ и общественнымъ зданіямъ, съ которыми связаны гнетущія воспоминанія, они не только должны терпѣть такія проявленія народной мести, но должны взять въ свои руки руководство ими". Рабочіе должны въ революціи при каждомъ удобномъ случаѣ выставлять свои собственныя требованія, требовать отъ мелкихъ мѣщанъ гарантій для пролетаріата и въ случаѣ необходимости вырвать у нихъ эти гарантіи силой. Они должны связать новыхъ правителей всевозможными обѣщаніями и уступками, этимъ ихъ компрометировать, и, вообще, съ перваго момента побѣды направлять свое недовѣріе уже не противъ побѣжденной реакціонной партіи, а противъ своихъ же союзниковъ, противъ той партіи, которая пожелаетъ использовать только для себя общую побѣду.

Ближайшимъ результатомъ революціи будетъ созывъ національнаго собранія, для котораго рабочіе повсюду должны выставлять самостоятельныя кандидатуры, даже тамъ, гдѣ нѣтъ никакихъ видовъ на побѣду. Не смущаясь демократическими фразами, они должны отстаивать свою самостоятельность, сосчитать свои силы, вывести свое революціонное положеніе на общественную арену. Первый пунктъ, на которомъ буржуазные демократы придутъ въ конфликтъ съ рабочими, будетъ отмѣна феодализма. Рабочіе не должны допустить, чтобы, какъ то было въ первой французской революціи, феодальныя земли были отданы крестьянамъ въ свободную собственность: такая передача феодальныхъ земель крестьянству сохранитъ сельскій пролетаріатъ и создастъ мелкомѣщанское крестьянство, которое продѣлаетъ тотъ же кругъ обнищанія и задолженности, какъ французское крестьянство. Они должны требовать, чтобы конфискованныя феодальныя земли оставались государственной собственностью и были употреблены для устройства рабочихъ колоній, въ которыхъ организованный сельскій пролетаріатъ бу-

детъ работать всѣми средствами крупнаго земледѣлія. Этимъ принципъ общности имуществъ пріобрѣтетъ твердую основу среди колеблющихся буржуазныхъ имущественныхъ отношеній. Конечно, въ началѣ движенія рабочіе не будутъ въ состояніи предлагать прямо коммунистическія мѣры, но они будутъ въ состояніи заставить демократовъ внести измѣненія въ существующій общественный порядокъ, помѣшать его правильному ходу и скомпрометировать самихъ себя, равно какъ сосредоточить въ рукахъ государства возможно больше производительныхъ силъ, средствъ перевозки, фабрикъ, желѣзныхъ дорогъ и т. д. Рабочіе должны обострить предложенія демократовъ, которыя, во всякомъ случаѣ, не будутъ революціонными, а только реформаторскими, и превратить ихъ въ прямыя нападенія на частную собственность.

Другое воззваніе Центральный Комитетъ выпустилъ въ іюнѣ 1850 года. Это воззваніе заключало въ себѣ отчетъ о положеніи Союза и напоминало о томъ, что необходимо возможно прочнѣе организовать его вліяніе на крестьянскіе союзы и на гимнастическія общества. Въ случаѣ нужды рекомендовалось образовать вторую группу членовъ союза изъ лицъ, которыя для революціонныхъ цѣлей пригодны и надежны, но еще не усвоили себѣ коммунистическихъ послѣдствій теперешняго движенія. Отъ такого расширенія Союза, однако, ничего практическаго (или очень мало практическаго) не получилось, такъ какъ тѣ же обстоятельства, которыя вызвали новый подъемъ Союза, привели къ внутренней катастрофѣ.

Въ теченіе лѣта 1850 года становилось все яснѣе и яснѣе, что революція окончилась. Во Франціи было уничтожено всеобщее избирательное право, а пролетаріатъ не поднялся на защиту его, Теперь предстояло только разрѣшеніе спора между президентомъ Луи Бонапартомъ и монархически-реакціоннымъ національнымъ собраніемъ. Въ Германіи демократическіе

мелкіе мѣщане совсѣмъ успокоились, либеральная буржуазія дала себя дурачить прусскому правительству, прусское же правительство въ свою очередь было одурачено австрійскимъ правительствомъ, и оба вмѣстѣ плясали по дудкѣ царскаго деспотизма. Нѣтъ ничего удивительнаго, что германскіе эмигранты, преслѣдуемые, гонимые, стонущіе подъ гнетомъ безчисленныхъ заботъ, напрягали всѣ свои силы для вызыванія революціоннаго прилива въ то, именно, время, когда революціонныя волны неудержимо отливали, что они по мѣрѣ того, какъ дѣйствительная революція убывала, старались создать искусственную революцію. Это было общее настроеніе, охватившее даже дѣльныхъ людей; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это настроеніе открыло свободный путь не только фантазерамъ, болтунамъ и горячимъ головамъ, но также всякимъ сомнительнымъ элементамъ, политическимъ авантюристамъ и рыцарямъ промышленности, полицейскимъ агентамъ и разнымъ подонкамъ общества.

Одна только старая гвардія Союза Коммунистовъ не увлеклась этимъ настроеніемъ. Марксъ и Энгельсъ не поднимали воя по поводу побѣдоноснаго шествія контръ-революціи, а изслѣдовали ея причины. Они нашли экономическое рѣшеніе политической загадки. Еще въ февральской книжкѣ своего журнала они указывали на открытіе калифорнійскихъ золотыхъ розсыпей, какъ на фактъ, который „имѣетъ еще большее значеніе, чѣмъ февральская революція“ и послѣдствія котораго будутъ болѣе грандіозны, чѣмъ послѣдствія открытія Америки. „Побережье длиною въ тридцать градусовъ широты, одно изъ красивѣйшихъ и плодороднѣйшихъ мѣстъ въ мірѣ, до сихъ поръ почти не заселенное, превращается на нашихъ глазахъ въ богатую цивилизованную страну, густо населенную людьми всѣхъ племенъ, отъ янки до китайцевъ, отъ негровъ до индѣйцевъ и малайцевъ, отъ креоловъ и метисовъ до европейцевъ. Калифорнійское золото

разливается потоками по Америкѣ и азіатскому побережью Тихаго океана и вовлекаетъ сопротивляющіеся варварскіе народы въ міровую торговлю, въ цивилизацію. Міровая торговля во второй разъ получаетъ новое направленіе... Благодаря калифорнійскому золоту и неутомимой энергіи янки, обѣ побережныя полосы Тихаго океана будутъ скоро такъ же населены, такъ же открыты для торговли, такъ же промышленны, какъ теперь побережная полоса отъ Бостона до Нью-Орлеана. Тогда Тихій океанъ будетъ играть ту же роль, какую теперь играетъ Атлантическій океанъ и какую въ древности и въ средніе вѣка играло Средиземное море, — роль великаго воднаго пути для міровой торговли, а Атлантическій океанъ займетъ положеніе внутренняго моря, какое теперь занимаетъ Средиземное море. Единственная гарантія того, что европейскія цивилизованныя страны тогда не попадутъ въ такую же промышленную, торговую и политическую зависимость, въ какой теперь находятся Италія, Испанія и Португалія,—лежитъ въ общественной революціи, которая, пока еще время, окончательно преобразуетъ способы производства и сообщенія по производственнымъ потребностямъ, вытекающимъ изъ современнаго состоянія производительныхъ силъ, и этимъ создастъ возможность для возникновенія новыхъ производительныхъ силъ, которыя обезпечатъ превосходство европейской промышленности и тѣмъ самымъ сгладитъ невыгоды географическаго положенія". Въ этой грандіозной исторической переспективѣ проглядываетъ уже та мысль, которую Марксъ выразилъ впослѣдствіи, а именно, что неудача февральской революціи должна быть въ конечномъ счетѣ сведена къ открытію калифорнійскихъ и австралійскихъ золотыхъ розсыпей.

И чѣмъ больше онъ погружался въ изученіе экономическаго міроваго положенія, тѣмъ яснѣе для него стало, что кризисъ міровой торговли въ 1847 году породилъ революцію, и что постепенно наступавшій про-

мышленный подъемъ, дошедшій въ 1850 году до полнаго расцвѣта, породилъ контръ-революцію.

Этимъ, конечно, былъ произнесенъ окончательный приговоръ надъ попытками насильственно вызвать революцію, попытками, которыми такъ усердно забавлялись нѣмецкіе и, вообщее, вропейскіе эмигранты.

Съ самаго начала положеніе Маркса и Энгельса въ эмигрантской средѣ было весьма затруднительное. Ихъ безпощадная критика идеологическаго разглагольствованія уже давно возбудила противъ нихъ „сентиментальныхъ афериетовъ и демократическихъ декламаторовъ“, въ которыхъ, именно, и мѣтила эта критика. Эта критика была направлена противъ свѣтилъ домартовскаго времени, какъ Карлейль и Гизо, которые быстро заколотили досками свой духовный міръ, когда имъ приходилось сталкиваться съ классовыми антагонизмами революціи; она также сдувала маленькіе свѣточи демократіи, какъ Людвигъ Симонъ и Готфридъ Кинкель, которые продолжали играть роль свѣтляковъ въ болотѣ контръ-революціи.

Но изъ бочки было выбито дно, когда Марксъ и Энгельсъ вступили въ непримиримое противорѣчіе съ фантазіями эмиграціи, благодаря своему убѣжденію, что пока контръ-революція свела счеты съ революціей. Это противорѣчіе проникло также въ Союзъ Коммунистовъ. Старые члены союза, Бауэръ, Эккаріусъ, Пфендеръ, Зейлеръ, Фрейлигратъ, Фердинандъ Вольфъ, за исключеніемъ Шаппера, были на сторонѣ Маркса и Энгельса; его болѣе молодые члены, за нѣкоторыми исключеніями, какъ Либкнехтъ и Шраммъ, пошли по общему теченію эмиграціи и хотѣли вовлечь Союзъ въ свои безнадежныя бунтарскія предпріятія. Ихъ главаремъ былъ Виллихъ, рядомъ съ нимъ стоялъ Шапперъ. Виллихъ принадлежалъ къ многочисленной тогда категоріи коммунистовъ по чувству, у которыхъ сердце расходилось съ умомъ. Этотъ безукоризненно честный человѣкъ, съ полнымъ само-

сознаніемъ, но безъ экономическаго и философскаго образованія, имѣлъ, вообще, какъ старый солдатъ склонность постоянно сражаться мечемъ. Какъ мало, вообще, бывшіе офицеры при всей своей храбрости и дѣльности вникали въ кругъ мыслей Маркса и Энгельса, показалъ Теховъ въ тѣ, именно, дни, когда наступилъ кризисъ въ Союзѣ Коммунистовъ. Объ одномъ разговорѣ, который онъ имѣлъ съ Марксомъ, Энгельсомъ и Шраммомъ, онъ разсказываетъ въ одномъ конфиденціальномъ письмѣ къ своимъ друзьямъ изъ Революціонной Централизаціи. Этимъ письмомъ, которое спустя десять лѣтъ Карлъ Фогтъ обнародовалъ безъ вѣдома и вопреки желанію его автора и его адресата, еще теперь, при случаѣ, иные пользуются, чтобы набросить тѣнь на личный характеръ Маркса. На самомъ дѣлѣ письмо это доказываетъ только, что Теховъ не понялъ даже, чего хотятъ Марксъ и Энгельсъ, что онъ, какъ выразился Марксъ, принималъ серьезную часть разговора за шутку, а его шутки въ-серьезъ.

На засѣданіи Центральнаго Комитета 15 сентября 1850 года контрастъ привелъ къ открытому разрыву. Шесть членовъ, Марксъ, Энгельсъ, Шраммъ, Бауэръ, Пфендеръ, Эккаріусъ, были противъ четырехъ, Виллиха, Шаппера, Френкеля и Лемана. Этотъ споръ удачно охарактеризовалъ Марксъ въ слѣдующихъ словахъ: „На мѣсто критическаго разбора меньшинство ставитъ догматику, на мѣсто матеріалистическаго пониманія — идеалистическое. Не реальныя условія, а одну только волю оно считаетъ маховымъ колесомъ революціи. Мы говоримъ рабочимъ: вы еще должны 15, 20, 50 лѣтъ переживать гражданскія войны и международныя войны не только для того, чтобы измѣнить условія, но и для того, чтобы измѣнить самихъ себя, чтобы стать способными къ политическому господству. Меньшинство же говоритъ наоборотъ: мы должны сейчасъ же получить власть, если же нѣтъ,

намъ ничего не остается дѣлать. Въ то время какъ мы указываемъ, въ частности, нѣмецкимъ рабочимъ на недоразвитое состояніе нѣмецкаго пролетаріата, вы самымъ грубымъ образомъ льстите національному самолюбію и сословнымъ предразсудкамъ нѣмецкихъ ремесленниковъ, чѣмъ вы, конечно, пріобрѣтаете популярность. Какъ демократы сдѣлали изъ слова народъ какую-то святыню, такъ и вы сдѣлали изъ слова пролетаріатъ. Какъ демократія, такъ и вы размѣниваете революціонное развитіе на революціонныя фразы". Примиренія между такими контрастами быть не могло. И единственная возможность спасти Союзъ было рѣшеніе большинства перемѣстить Центральный Комитетъ въ Кельнъ и черезъ кельнскій округъ выбрать новый Центральный Комитетъ, на мѣсто же лондонскаго округа образовать два округа, которые независимо другъ отъ друга непосредственно сносятся съ общимъ Центральнымъ Комитетомъ.

Подробно обосновали Марксъ и Энгельсъ свои взгляды въ пятой и шестой книжкахъ своего журнала. Это былъ послѣдній двойной номеръ журнала. Первая его статья была написана Энгельсомъ. Въ ней выясняется классовая борьба крестьянскихъ войскъ въ Германіи и съ исторіи реформаціи снимается ея идеологическій покровъ. Въ политическомъ обозрѣніи этой книжки, помѣченной 1 ноябремъ 1850 года, излагается экономическая исторія сороковыхъ годовъ, какъ реальная основа, на которой разыгрывалась политическая исторія революціи и контръ-революціи. Затѣмъ приводится доказательство, что вслѣдъ за кризисомъ 1847 года наступилъ періодъ промышленнаго подъема, который въ 1850 году еще не достигъ своей кульминаціонной точки. „Подъемъ англійской промышленности еще расширится, благодаря недавнему открытію границъ голландскихъ колоній, благодаря предстоящему проведенію новыхъ линій по Тихому океану и благодаря большой промышленной выставкѣ 1851 года

Эту выставку англійская буржуазія подготовляла съ удивительнымъ хладнокровіемъ еще въ 1849 году, когда весь европейскій континентъ еще мечталъ о революціи. Въ этой выставкѣ она созываетъ всѣхъ своихъ вассаловъ, отъ Франціи до Китая, на великій экзаменъ, на которомъ они должны показать, на что они употребили свое время, и даже всемогущій царь россійскій вынужденъ приказать своимъ подданнымъ въ большомъ числѣ явиться на это великое испытаніе. Этотъ великій міровой конгрессъ продуктовъ и производителей имѣетъ совсѣмъ другое значеніе, чѣмъ абсолютистическіе конгрессы въ Брегенцѣ и Варшавѣ, которые бросаютъ въ потъ нашихъ демократическихъ филистеровъ, или чѣмъ европейскіе демократическіе конгрессы, которые проектируютъ различныя временныя правительства для спасенія міра. Эта выставка есть показатель той концентрированной силы, съ помощью которой современная крупная промышленность уничтожаетъ національныя границы и все болѣе и болѣе стираетъ мѣстныя особенности въ производствѣ, въ общественныхъ отношеніяхъ, въ характерѣ каждаго отдѣльнаго народа. Она выставляетъ напоказъ всю совокупность производительныхъ силъ современной промышленности, сосредотивъ ихъ на небольшомъ пространствѣ, какъ разъ въ такое время, когда буржуазныя отношенія со всѣхъ сторонъ подорваны. Она, вмѣстѣ съ тѣмъ, наглядно показываетъ матеріалъ, который накопился и теперь еще каждодневно накопляется среди этихъ подорванныхъ порядковъ для строенія новаго общества".

Подъемъ англійской промышленности оказалъ свое вліяніе на континентъ. „Еще лѣтомъ 1849 года въ Германіи, особенно въ Рейнской провинціи, фабрики были уже въ полномъ ходу, и, начиная съ конца 1849 года, оживленіе въ дѣлахъ стало всеобщимъ. Этотъ новый подъемъ, который наши германскіе мѣщане по своей наивности приписываютъ возстановленію спо-

койствія и порядка, въ дѣйствительности имѣетъ своей причиной новый подъемъ въ Англіи и увеличеніе спроса на продукты промышленности на американскихъ и тропическихъ рынкахъ". Послѣ указанія на такіе же симптомы во Франціи, обозрѣніе дѣлаетъ слѣдующее резюме: „При этомъ всеобщемъ подъемѣ, когда производительныя силы буржуазнаго общества достигли такого пышнаго развитія, какое только возможно въ предѣлахъ буржуазнаго общества, не можетъ быть и рѣчи о настоящей революціи. Такая революція возможна только въ такіе періоды, когда оба эти фактора, современныя производительныя силы и буржуазныя формы производства, впадаютъ во взаимное противорѣчіе. А тѣ препирательства, которыми занимаются теперь представители разныхъ фракцій партіи порядка и которыми они другъ друга компрометируютъ, эти препирательства возможны только потому, что основа общественныхъ отношеній въ настоящій моментъ прочна и—чего не знаетъ реакція—вполнѣ буржуазна. Объ эту прочную основу разобьются всѣ реакціонныя попытки задержать буржуазное развитіе, равно какъ всѣ проявленія нравственнаго возмущенія и всѣ воодушевленныя прокламаціи демократовъ. Новая революція возможна только послѣ новаго кризиса. Но наступленіе ея такъ же вѣрно, какъ наступленіе новаго кризиса". Этотъ прогнозъ оправдался съ наступленіемъ большого торговаго кризиса 1857 года. Изъ этого кризиса беретъ начало революціонное развитіе Европы, избравшее новое направленіе.

Исходя изъ экономической основы, журналъ разсматриваетъ политическія условія конца 1850 года. О войнѣ, которая тогда казалось должна была разразиться между Австріей и Пруссіей, журналъ этотъ писалъ: „Чтобы угрозой принудить Пруссію снова вступить въ бундестагъ, австрійскія и южно-германскія войска выстроились во Франконіи и въ Богеміи. Пруссія также готовится къ бою. Газеты заполнены отче-

тами о походахъ и переходахъ армейскихъ корпусовъ. Весь этотъ шумъ ни къ чему не приведетъ, какъ и препирательства французской партіи порядка съ Бонапартомъ. Ни король прусскій, ни императоръ австрійскій не можетъ считаться суверенными,—суверененъ одинъ только царь русскій. Передъ его приказомъ, въ концѣ-концовъ, склонится строптивая Пруссія и стороны помирятся на креслахъ бундестага, не проливши ни капли крови, и это нисколько не уменьшитъ ихъ соревнованія между собой, ихъ споровъ и пререканій со своими подданными и ихъ досады на русское владычество". Все это до послѣдняго слова оправдалось, только конь Бронцеля потерялъ „каплю крови"; удивительно, однако, что этотъ фактъ не былъ использованъ для „опроверженія" предсказанія Маркса.

Послѣднее слово журнала было направлено противъ пустопорожняго фразистаго воззванія, которое выпустилъ Европейскій Центральный Комитетъ, состоявшій изъ Мадзини, Ледрю-Роллена, Руге и поляка Дарача, ко всей эмиграціи, чтобы собрать ее подъ одно знамя. Воззваніе исходило изъ „обычнаго филистерскаго взгляда", что революція не удалась вслѣдствіе честолюбиваго соревнованія отдѣльныхъ вождей и вслѣдствіе враждебныхъ мнѣній различныхъ учителей народа. Журналъ по поводу этого замѣчаетъ: „Столкновенія различныхъ классовъ и классовыхъ фракцій, столкновенія, которыя своими отдѣльными фазами развитія и составляютъ, именно, революцію, эти столкновенія представляются нашимъ евангелистамъ только, какъ несчастное послѣдствіе отъ сосуществованія дивергирующихъ системъ; на самомъ же дѣлѣ существованіе различныхъ системъ есть слѣдствіе классовой борьбы. Изъ этого уже видно, что авторъ „Манифеста" не признаетъ существованія классовой борьбы. Подъ предлогомъ выступленія противъ доктринеровъ они устраняютъ всякое опредѣленное содержаніе, всякій опредѣленный партійный взглядъ, за-

прещаютъ отдѣльнымъ классамъ формулировать свои интересы и требованія вопреки другимъ классамъ. Они требуютъ отъ нихъ, чтобы они забыли о своихъ контрастирующихъ интересахъ и примирились подъ знаменемъ плоской безстыдной неопредѣленности, которая подъ призрачнымъ примиреніемъ интересовъ всѣхъ партій скрываетъ въ себѣ только господство интересовъ одной партіи—буржуазной партіи... Эти господа относятся крайне недружелюбно къ развитію, къ борьбѣ и ненавидятъ мысль, бездушную мысль. Но наврядъ ли можно найти такого мыслителя, не исключая Гегеля и Рикардо, достигшаго такой бездушности, съ которой эти помои выливаются публикѣ на голову! Народъ не долженъ заботиться о будущемъ днѣ; пусть онъ выбьетъ себѣ всякую дурь изъ головы. Когда наступитъ великій день окончательнаго рѣшенія, тогда народъ однимъ своимъ прикосновеніемъ наэлектризуется, и загадка будущаго какимъ-то чудомъ раскроется передъ нимъ. Это воззваніе къ отверженію всякой мысли есть прямая попытка обмануть, именно, самые умѣренные классы народа“ О боевомъ кличѣ Мадзини: „Богъ и народъ!“—которымъ Европейскій Центральный Комитетъ закончилъ свое воззваніе, журналъ говоритъ, что это крылатое слово, быть можетъ, имѣетъ какой-нибудь смыслъ въ Италіи, гдѣ Богъ противопоставляется папѣ, а народъ—королю, но слишкомъ смѣло выставить этотъ плагіатъ у Іоганна Ронге, какъ слово, которое должно раскрыть загадку нашего вѣка; особенно со стороны Руге, который на сей разъ, къ великому удовольствію Лео, умѣетъ различить божество и человѣчество.

Воззваніе Европейскаго Центральнаго Комитета прошло безслѣдно, какъ и всякое буржуазно-демократическое дѣланіе революціи. Съ исходомъ исторіи германской революціи закончилась и исторія германской эмиграціи. Расколъ внутри ея не могъ быть сглаженъ звонкими фразами, и чѣмъ чаще дѣлались такія по-

пытки, тѣмъ болѣе мелкія формы личныхъ дрязгъ принималъ этотъ расколъ; эти дрязги еще цѣлые годы продолжались въ американской прессѣ.

Начиная съ осени 1850 года, Марксъ и Энгельсъ держались вдали отъ этихъ споровъ и дрязгъ. Ихъ интересъ къ революціонной пропагандѣ остановился на одномъ только Союзѣ Коммунистовъ.

№ 5.

Право на полный продуктъ труда.

Сочиненіе **Антона Менгера.**

Переводъ съ нѣмецкаго **О. Е. Бужанскаго.**

Содержаніе:

Введеніе. Право а) на полный продуктъ труда; в) на существованіе с) на трудъ. — Нѣмецкая философія права. — Вильямъ Годвинъ. — Чарльзъ Галлъ. — Вильямъ Томпсонъ. — Сенъ-симонизмъ. — Прудонъ. — Родбертусъ. — Марксъ. — Луи Бланъ и Фердинандъ Лассаль. — Современныя теченія. I. Консервативный соціализмъ въ Германіи. — II. Національзація земли въ Англіи. — Право на полный продуктъ труда и формы собственности. — Заключеніе.

Въ этой въ высшей степени интересной работѣ знаменитаго, недавно умершаго вѣнскаго юриста дается въ исторической послѣдовательности краткое, но чрезвычайно содержательное изложеніе соціалистическихъ ученій, начиная съ Гуго, Фихте, Марло и т. д., и кончая Марксомъ, Лассалемъ и современными соціальными мыслителями.

„Нельзя не пожелать книгѣ А. Менгера самаго широкаго распространенія. Богатая содержаніемъ, написанная талантливо и ярко, она займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ нашей литературѣ по рабочему вопросу“.

(„Торгово-Пром. Газета“, 1906 г.)

Цѣна 30 коп., въ изящномъ переплетѣ 42 коп.

№ 6.

Объ историческомъ матеріализмѣ.

Сочиненіе **Франца Меринга.**

Переводъ съ нѣмецкаго **И. Л. Д-она.**

Настоящая книга носитъ полемическій характеръ и направлена, главнымъ образомъ, противъ соч. Барта, оспаривающаго историко-философскую теорію Маркса. Авторъ, извѣстный изслѣдователь Маркса и историкъ германской соціалъ-демократіи, остроумно разбиваетъ критику Барта и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ наиболѣе точныя опредѣленія основнымъ положеніямъ историческаго матеріализма. Такимъ образомъ эта книга служитъ наилучшимъ отвѣтомъ на возраженія противниковъ знаменитаго ученія Маркса.

Цѣна 15 коп., въ изящномъ переплетѣ 27 коп.

Типографія Т-ва „Просвѣщеніе“. С.-Петербургъ, 7 рота, с. д. № 20.